

ISSN 2500-3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 7-8 2016 (ИЮЛЬ-АВГУСТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

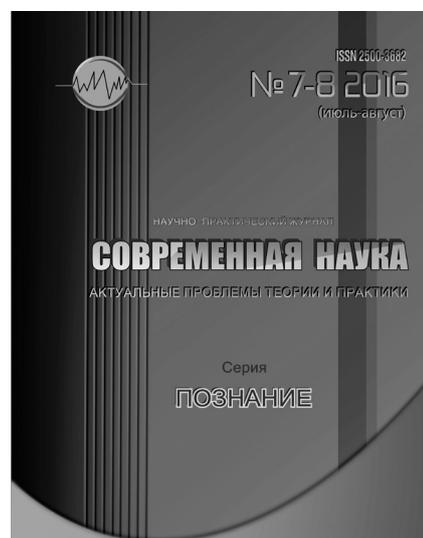
Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 20.06.2016 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 7-8 июль-август 2016 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>
<http://www.vipstd.ru/nauteh>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Эллеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиюхова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бабушкина В. А. — Различия «западной» и «восточной» (китайской) переговорных школ
Babushkina V. — Differences between Western and Eastern (Chinese) negotiation styles 4

Заяц Т. М. — Театр как процесс синтеза различных видов искусства. Стилиевые особенности декораций, подвергшихся в XX — начале XXI веков влиянию архитектуры
Sayats T. — Theatre as the synthesis of the arts. Stylistic features of the scenery, which were influenced architecture in XX — beginning XXI centuries 8

Кургузов В. Л. — К проблеме конфликта личности, культуры и общества (к 130-летию со дня рождения С.Л. Франка)
Kurguzov V. — On the problem of conflict of personality, culture and society (to the 130th anniversary of the birth of SL Frank) 12

Чжэн Цзелань — Сотрудничество стран БРИКС в области культуры
Zheng Jielan — BRICS cooperation in the field of culture 22

ПСИХОЛОГИЯ

Вислова А. Д. — Формирование наркозависимого поведения как социально-психологическая проблема
Vislova A. — The formation of drug-addicted behavior as a social-psychological problem 26

Волчанская В. О. — Влияние травматических переживаний у подростков, воспитывающихся в замещающей семье, на отношение к себе и другим
Volchanskaia V. — The impact of traumatic experiences in adolescents brought up in the foster family, the attitude towards yourself and others 31

Жохова Н. Н. — Аспекты преобразования психики человека в пространстве электронной культуры
Zhokhova N. — Aspects of transformation of human in the space of electronic culture 37

Климова А. В. — Представление о собственной субъектности профессионалов, включенных в проектную деятельность
Klimova A. — Professionals included in project activity and perceptions of their own agency 44

Машарский З. В. — Социально-психологическая структура принятия управленческого решения
Masharsky Z. — Socio-psychological structure of making management decisions 49

Печерский Ю. И. — Диагностика и коррекция внутриличностных конфликтов студентов педагогического ВУЗа
Pecherskii Y. — Diagnostics and correction of intrapersonal conflicts of pedagogical institute students 53

Стоянова Е. И., Козырева О. А. — Готовность к осуществлению профессионального выбора студента как жизненная компетентность
Stoyanova E., Kozyreva O. — Willingness to implement the student's choice of professional competence as a vital 56

Татьянина Л. Г. — Предикторы доверия в неформальном общении в экипажах судов обеспечения Военно-Морского Флота
Tatianina L. — Predictors of trust in informal communication in the crews of support ships of the navy 60

Шебураков И. Б. — Повышение эффективности деятельности проектных команд в органах государственной власти на основе применения комплекса кадровых технологий
Sheburakov I. — Improving the efficiency of project teams through the application of complex technologies of personnel in public authorities 63

Шевырева Е. Г. — Нарушение развития и ограничение возможностей индивидуума в аспекте характера социальной среды
Shevyreva E. — Developmental disability and limitation of opportunities to the individual in terms of the nature of the social environment 70

ФИЛОСОФИЯ

Бочарова В. В. — Философия Г. Маркузе как теоретическая оптика феномена институционализации насилия в социуме
Bocharova V. — The H. Marcuse Philosophy as a Theoretical Approach to the Institutional Aspects of Violence 73

Воронина Н. И. — Метафизика городского пространства
Voronina N. — Metaphysics of urban space 77

Давлетгаряева Р. Г. — Феномен религиозной веры
Davletgarayeva R. — The phenomenon of religious faith 82

Егоров В. В., Ларионова И. С. — Связь теории катастроф, теории аттракторов и фрактальной геометрии, биологический и философский аспекты
Egorov V., Larionova I. — The connection of the catastrophe theory, the theory of attractors and fractal geometry, biological and philosophical aspects 84

Никольский С. А. — О философской работе с художественным текстом
Nikolsky S. — On the philosophical work with literary texts 86

Сафонов К. Б. — Аксиологические предпосылки гуманизации современного менеджмента
Safonov K. — Axiological premises of humanization of modern management 94

РАЗЛИЧИЯ «ЗАПАДНОЙ» И «ВОСТОЧНОЙ» (КИТАЙСКОЙ) ПЕРЕГОВОРНЫХ ШКОЛ

DIFFERENCES BETWEEN WESTERN AND EASTERN (CHINESE) NEGOTIATION STYLES

V. Babushkina

Summary. the author considers the main features between Western and Eastern (especially Chinese) negotiation styles. Day by day more and more people are becoming interested in Chinese culture, first of all, because China becomes the world number one economy. That is why the number of business contracts is increasing rapidly. If we look at the processes, happening while negotiations between Westerners and the Chinese, we will understand that the main reason of disagreement or abrogation of the treaty is a result of cultural misunderstanding. We must consider that every nation has its own social norms, cultural codes, features of behavior, mentality and even grasp of reality. Entire case depends on the right maintaining of the atmosphere while negotiations. That is why it is really important to draw the attention to the features of national culture and psychology.

Keywords: negotiation style, national culture, state style, cultural code, collaboration strategy.

Бабушкина Валерия Андреевна

ФГОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар,
valerybabushkina@gmail.com

Аннотация. в данной статье автор рассматривает особенности западной и восточной, в частности китайской, переговорных школ. Интерес к Китаю в современном обществе растет с каждым днём, а обусловлен он в первую очередь тем, что его экономика вышла на первое место в мире. Благодаря этому, количество деловых контрактов с зарубежными странами стремительно растёт. Обращая взор на процессы, происходящие в ходе переговоров между представителями западной и китайской цивилизаций, мы приходим к мысли, что причиной всех разногласий, отказа от деловых договоров является непонимание традиций иностранного партнера и принятых обычаев делового общения на Востоке. Всегда необходимо помнить, что у каждого народа существуют свои социальные нормы и культурные коды, свои особенности поведения, мышления и восприятия реальности. От правильного проведения переговорного процесса в полной мере зависит его исход. Поэтому очень важно обращать внимание на особенности национальной культуры и психологии.

Ключевые слова: переговорный стиль, национальная культура, государственный стиль, культурный код, стратегия сотрудничества.

В каждой стране существует свой собственный национальный стиль ведения переговоров.

Вне зависимости от того, простой или запутанной является маркетинговая система, переговоры между покупателями и продавцами имеют место быть. Когда решения о крупных закупках за границей затруднены, специальные переговорные техники могут сыграть ключевую роль в коммерческой сделке. Утверждение о том, что переговорный стиль для всех стран един, является неверным [11].

Китайский рынок представляет собой важную опору для Западного бизнеса. Но заметны культурные различия между китайской и западной цивилизациями.

Исторически сложилось так, что Китай — это пространство для групп самого разного рода, кланов и различных общностей. С этим связано особое миропонимание китайцев и самосознание. Если представитель западной цивилизации обладает эго-ориентированным сознанием [8], он привык смотреть на мир своими глазами и говорить то, что он думает, то сознание китайцев — это группо-ориентированное сознание, китаец смотрит

на мир не своими глазами, а глазами той группы, к которой он принадлежит [2].

В детстве китаец смотрит на мир глазами своей семьи и анализирует все свои действия в зависимости от того, как члены семьи к этому отнесутся. Затем он подрастает и начинает оценивать все происходящее в зависимости от мнения преподавателей, наставников. А еще позже он становится зависимым от мнения группы сослуживцев или иного профессионального сообщества.

Но в этом есть и один очень большой плюс. Например, если представитель западной цивилизации привык часто рефлексировать и думать про себя, правильно ли он поступил, то китаец полностью избавлен от этой рефлексии. Ему достаточно лишь сопоставить свое мнение с мнением большинства. А если то, что делает китаец, противоречит устоям той группы, которой он принадлежит, он, скорее всего, этого делать не будет. Стоит заметить, что в китайском языке очень долгое время вообще не существовало слово «личность». Если в китайском языке человек — это «人» (пиньинь: rén), то личность обозначалась словом «个人» (пиньинь: gèrén), то есть «отдельный человек».

Оценка мира для китайца — это группо-ориентированное сознание. Он не может оценивать происходящие события самостоятельно, не может смотреть своими собственными глазами на мир. Это факт и отличает китайское общество от западного.

Даже Конфуций в свое время сказал: «Я не создаю ничего нового, я лишь повторяю изученное». Эта фраза связана с понятием о креативности. В Китае новаторское искусство не воспринималось всерьез, так как превалировало чувство традиции и повторение того, что было создано ранее.

Если в Китае креативность развита не так сильно, как на Западе, и в этом состоит существенное преимущество. Они могут тиражировать западные идеи, причем делать это на высоком уровне.

Этнические и личностные особенности, тактика ведения переговоров, специфика политической структуры, государственный стиль — все это особенности национальной культуры [6]. Именно эти факторы влияют на переговорный процесс. На формирование культуры индивида очень большое влияние оказывает культурная среда [3], что уже теоретически доказано Стивеном Коэном, который написал книгу «Искусство переговоров для менеджеров» [7]. Джесвальд В. Салакьюз выделил десять главных факторов, вытекающих из культурной принадлежности различных цивилизаций:

1. Отношение к переговорному процессу играет чрезвычайно важную роль. Оно может склоняться как к индивидуальному преимуществу, так и к общей выгоде.
2. Целью переговоров может являться заключение договора или установление длительных отношений с партнером.
3. Стиль общения.
4. Личный стиль — прямой или неформальный.
5. Уровень эмоциональности.
6. Характер соглашений — общие или конкретные.
7. Чувствительность ко времени.
8. Процесс построения соглашения.
9. Степень принятия риска.
10. Способ принятия решений в переговорной группе [1].

Различия между культурами Запада и Востока и их способами ведения переговоров значительны. Считается, что в западной культуре преобладает индивидуализм, а в восточной, напротив, коллективизм. Западные культуры не придают такого большого значения обстановке, поведению людей, их манерами выражаться, этикету, как это делают китайцы.

Кроме того, на Западе большое внимание уделяется своему личному времени, придается значение

расписанию и четкому плану работы, что не так сильно прослеживается на Востоке, в Китае в том числе. Также существует особое разделение переговорного процесса на фазы. Фазы разделяются на: подготовительную, начальную, промежуточную и заключительную. На подготовительной стадии все участники обсуждают основные проблемы, на начальной фазе выдвигают свои личные мнения. Средняя фаза считается периодом торга и поиском компромиссов, а в заключительной фазе обе стороны приходят к общему консенсусу.

Восточный деловой стиль

В соответствии с конфуцианским воспитанием, для китайцев большое значение имеет сохранение «лица», то есть авторитета. Потеря «лица» для них считается самым настоящим горем [10], потому что восстанавливать его придется более 40 лет. Более того, у китайцев различаются несколько видов «лиц» — по отношению к стране они обязана проявлять патриотизм, в обществе — солидарность, на работе — самопожертвование, при общении с иностранцами — дружелюбие. «Потерей лица» может считаться даже повышение голоса на китайца при его коллегах во время переговорного процесса, поэтому все возникающие проблемы нужно решать спокойно и крайне деликатно.

Что же касается «создания лица для кого-то», то это можно сделать публично, подарив дорогой подарок или проявляя уважение. Налаживание контактов между участниками переговоров имеет большое значение для китайцев.

Кроме того, жители Поднебесной всегда ведут переговоры очень медленно. Делается это для того, чтобы узнать партнера лучше и с разных сторон.

На начальном этапе переговоров китайцы обращают особое внимание на внешний вид партнеров, их жесты, поведение и отношения внутри компании. Так они стараются определить статус каждого из участников.

В большинстве случаев китайцы стараются сначала выслушать своих партнеров, их предложения, при этом, не выражая своего несогласия, чтобы не обидеть иностранную делегацию. В переговорном процессе твердое отстаивание своей точки зрения может показаться довольно грубым действием, лучше всего пойти на некоторые уступки.

Западный деловой стиль

В Западной культуре нет подобной стратегии сотрудничества с иностранными партнерами. Органи-

зованность рабочего процесса, пунктуальность, расчётливость, прилежание — все это характерные черты Западной деловой культуры [5].

Заслужить расположение к себе в западном обществе намного легче, чем в восточном, для этого необходимо придерживаться правил, установленных компанией.

В основном представители западной культуры стремятся вступать в те переговоры, которые, как они считают, принесут им пользу [12], но делают они это только в том случае, если уверены, что договор будет подписан.

На переговорах с иностранными партнерами принято в своей тактике использовать формальный стиль [4].

Переговоры на Западе характеризуются официальным стилем и полным отсутствием личностных взаимоотношений между партнерами. Но в Западном стиле, также как и в Восточном, преобладает сдержанность [9]. Выражая уважение к партнерам, представители делегаций обращаются друг к другу исключительно по фамилии.

В начале переговорного процесса принято пожимать руки и обмениваться визитными карточками, делается это для того, чтобы лучше запомнить партнеров. Представители Западной цивилизации всегда тщательно обдумывают свои решения, совещаются и приходят к общему консенсусу. Они считают, что до подписания договора нужно тщательно разработать рабочие процедуры, только тогда компания будет процветать. Кроме того, они крайне негативно воспринимают давление со стороны партнеров, хотя сами же этим иногда поль-

зуются. Решения по основным вопросам обычно принимаются в ходе переговоров, что полностью отличается от Восточного делового стиля.

Итак, сравнив стили ведения переговоров на Западе и Востоке, можно сделать некоторые выводы. Представители Запада более самостоятельны в процессе переговоров, а китайцы, наоборот, более замкнуты, в них преобладает дух коллективизма. Сначала они советуются с коллегами, а уже потом принимают какие-либо решения.

Говоря о религиозных установках, представителям Западной цивилизации не свойственно их придерживаться. Кроме того, они предпочитают сразу же переходить к сути дела, а не обсуждать малозначительные темы. Что же касается китайцев, они строго придерживаются идеологических и религиозных установок. Китайцам свойственно затягивать переговоры, так как они стремятся выслушать своих партнеров до конца, даже если предложения полностью не совпадают с их интересами.

Еще одним важным различием между деловыми стилями данных культур является четкое распределение времени. Западные делегации опираются на определенный план, составленный заранее, а китайцы стремятся к достижению взаимного доверия, демонстрируя свое уважение к партнерам.

На формирование данных различий, безусловно, повлияла природа исторического развития данных цивилизаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродовская, Е. В. Переговоры: стратегии, тактики, техники: Учебное пособие [Текст]/Е.В. Бродовская, А. А. Лаврикова. — Тула: Изд-во ТулГУ, 2008. — 150с. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://vestnik.kemsu.ru/jour/article/download/1953/1925> (Дата обращения: 01.09. 2016 10:00).
2. Бакнолл Кевин. Бизнес-этикет и культура китайцев, Ph.D. ISBN978-1-886420-55-7. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.bosonbooks.com/boson/nonfiction/china/china.html> (Дата обращения: 01.09. 2016 10:05).
3. Баттери Е. Алан, Т.К.Р. Leung. Различия переговоров в Китае и на Западе, Европейский журнал маркетинга Сер.32 No. ¾, 1998, pp.374-389, MCB University press. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://floralar.ru/cazivipug.pdf> (Дата обращения: 01.09. 2016 10:10).
4. Жемчугов А. А. Китайская головоломка [Текст] // Олма-Пресс, ПФ «Красный пролетарий», 2004. — 79с. ISBN: 5-224-04441-3, 5-85197-177-0. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://litlife.club/br/?b=131713&p=3> (Дата обращения: 01.09. 2016 10:20).
5. Китай и глобализация: взгляд из Москвы и Пекина/ Отв. Ред. — В. В. Михеев, В. Г. Швыдько — М.: ИМЭМО РАН, 2013. — 114с. ISBN978-5-9535-0380-8. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=645&id=1686 (Дата обращения: 01.09. 2016 10:28).
6. Ко-Шу Ян «Навстречу врожденной психологии китайцев: Выборочный обзор методологических, теоретических и практических достижений». Chinese Journal of Psychology, 1999, 41, 181-211. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.miets.ru/?subj=1221> (Дата обращения: 01.09. 2016 10:40).
7. Коэн Стивен. Искусство переговоров для менеджеров. Изд.: Гранд-Фаир, 2003 г. — 288с. ISBN: 5-8183-0627-5. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://negotiationskills.com/> (Дата обращения: 01.09. 2016 13:20).
8. Маслов А. А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения: РИПОЛ классик; М.: 2010 ISBN978-5-386-02617-2 [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://www.abirus.ru/user/files/Ebooks/1maslov_a_a_nablyudaya_za_kitaytsami_skritye_pravila_povedeni.pdf. (Дата обращения: 01.09. 2016 13:30).
9. Маслов А. Китай и китайцы. О чем молчат путеводители. Рипол Классик, 2013. — 9с. ISBN: 978-5-386-06027-5. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://bookz.ru/authors/aleksei-maslov/nabludaa_528/1-nabludaa_528.html (Дата обращения: 01.09. 2016 13:00).

10. Мельникова Е. В. Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект).— М.: Диалог культур, 2006.— 304с. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://catalog.turgenev.ru/Opac/index.php?url=/notices/index/IdNotice:151178/Source:default> (Дата обращения: 02.09. 2016 15:25).
11. Себениус, Джеймс. Переговоры в трех измерениях. Harvard Business School Working Paper, No. 09–076, декабрь 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://hbr.org/2002/03/the-hidden-challenge-of-cross-border-negotiations> (Дата обращения: 02.09. 2016 15:30).
12. Дж. Чайлд, М. Ворнер. Культура и Менеджмент в Китае, Исследования в менеджменте, Кембриджский университет. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: https://www.jbs.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/research/workingpapers/wp0303.pdf (Дата обращения: 02.09. 2016 15:36).

© Бабушкина Валерия Андреевна (valerybabushkina@gmail.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕАТР КАК ПРОЦЕСС СИНТЕЗА РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ИСКУССТВА. СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕКОРАЦИЙ, ПОДВЕРГШИХСЯ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ ВЛИЯНИЮ АРХИТЕКТУРЫ

**THEATRE AS THE SYNTHESIS
OF THE ARTS. STYLISTIC FEATURES
OF THE SCENERY, WHICH WERE
INFLUENCED ARCHITECTURE IN XX —
BEGINNING XXI CENTURIES**

T. Sayats

Summary. The issue is considering theatre as complex process including interaction of many arts: literature, music, painting, dancing, ballet and architecture. The author notes the role of an architect in the designing decorations in XX — beginning XXI centuries in Russia and abroad, proving the influence of the architect stylistics the shaped conception and scenography.

Keywords: Scenography, theatre, architecture, the synthesis of the arts, style.

Заяц Татьяна Михайловна

Аспирант, Московская Государственная
Художественно-Промышленная академия имени
С. Г. Строганова, Россия
mylola7@gmail.com

Аннотация. Данная статья рассматривает театр как сложный процесс, включающий взаимодействие различных видов искусства: литературы, музыки, живописи, танца, балета, архитектуры. Автор выделяет роль архитектора в проектировании декораций в период XX — начале XXI веков в России и за рубежом, доказывая влияние авторского стиля на образную концепцию и сценографию спектакля.

Ключевые слова: Сценография, театр, архитектура, синтез искусств, стиль.

Человеку свойственно интерпретировать реальность в виде художественных образов, которые создаются различными видами искусства. Взаимодействуя друг с другом, они усиливают художественный и психологический эффект произведения. Природа театра такова, что его можно считать недолговечным, отчасти мимолетным видом искусства, в котором с момента его возникновения участвовало большое число исполнителей: режиссеров, актеров, сценаристов, музыкантов, художников, деятельность которых была преобразована позднее в новое направление — сценографию. Стоит отметить, что во многом впечатление, которое остается у зрителя после просмотра спектакля, зависит от работы художника-постановщика. Но целостный выразительный художественный образ спектакля можно создать только совместными усилиями участников спектакля. Возникает вопрос: стоит ли театр считать искусством? С одной стороны, — да, но также сложно не согласиться с высказыванием о кинематографе режиссера А. Балабанова: «Я не считаю кино искусством. Искусство — это когда человек что-то делает один. Художник создает искусство, писатель создает искусство, но когда ты зависишь от пятидесяти человек — какое это к черту искусство?!» [1]. Подобно средневековым обрядам и мистериям, дворцовым ритуалам и древним церемониям, опиравшимся на синтез музыки, живописи, декоративно-прикладного искусства и архитектуры,

театр эмоционально воздействует на психологическое состояние человека.

Основу любого спектакля составляет оформленная в письменный текст идея. Она может быть любой: пьесой (классическим литературным текстом, созданным драматургом), документальным свидетельством или литературным произведением, написанным сценаристом, или инсценировкой (адаптации для сцены) авторства творческой группы. Музыка, хореография, цирк, кино, литература, — соединяются воедино, становясь сценическим текстом и вплетаясь в канву спектакля.

Важно отметить, что сценография синтезировалась с архитектурой на некоторых этапах своего развития, первым из которых являлся период Средневековья, когда основная часть спектаклей происходила на улицах европейских городов. Сценография Средневековья носила условный характер: особенностью изображения средневековой сценической среды была стилизация архитектуры, ландшафтов и интерьеров. Для мистериального спектакля архитектура играла роль фона (архитектурного задника), перед которым происходило «действие». В ходе мистериального спектакля происходила демонстрация не одного, а нескольких сменяющих мест действия, вследствие чего возник симультанный метод вещественного оформления спектакля, ставший

характерной чертой средневекового театра. Установки, демонстрировавшие различные места действия, были смонтированы одновременно перед началом спектакля. Во время действия одна из них должна была «не замечаться» пришедшими зрителями.

Вторым периодом, когда ощущается значимой роль архитектуры в проектировании декораций, являются XX — XXI века. Ряд основополагающих принципов средневекового театра воплотился в сегодняшнем театре, таким образом можно говорить о цикличности в развитии сценографии. М. Френкель в своей работе «Современная сценография (некоторые особенности теории и практики)» писал о двух главных принципах построения сценографии, одним из которых является построение единой установки на simultанность с незначительными изменениями в деталях по ходу действия.

XX век отличался критикой академического театра: в концепциях В.Э. Мейерхольда, критиковавшего чрезмерное увлечение деталями, прослеживалась тенденция возврата к условному театру. Декорации стремились выйти за рамки устоявшегося сценического пространства. Сегодня происходит освоение других театральных пространств: фойе театра и зрительного зала. Увеличивается необходимость участия архитекторов в проектировании декораций и малой архитектуры в период слияния сценографии со средовым дизайном. Воплощаются проекты создания декорационной среды вне театрального здания: оформляются фестивали, выставочные комплексы, а также другие временные мероприятия. Сценография стремится выйти на улицу — туда, где зародился средневековый театр. Теоретик нового театра Вячеслав Иванов говорил: «Долой рампу, эту заколдованную грань между актером и зрителем. Сцена должна перешагнуть за рампу и включить в себя общину, или же община должна поглотить в себя сцену. Довольно зрелищ. Мы хотим собираться, чтобы творить, чтобы делать соборно, а не созерцать только» [2, с. 221–441]. Зрители должны быть вовлечены в процесс, функционируя вместе с актерами.

Многие архитекторы (в России, за рубежом) в XX веке работали со сценическими декорациями. Оформление спектакля, создававшее изобразительно-пластичный образ и завершающее формирование целостности представления, погружало зрителя в совершенно иную среду при помощи игры линий, объемов, света, цвета. Если дома, оформленные архитекторами, имели типовую планировку, то декорации были индивидуальны для каждой постановки. Каждая новая постановка — это новый сон наяву [3, с. 536].

Одним из первых, с кого хотелось бы начать, был архитектор начала XX века Эдвард Гордон Крэг (1872–1966

годы), выступавший против традиционных решений в сценографии. Его концепция разрабатывалась против актера, игравшего на пустой сцене, в которой все декорации были выполнены в качестве традиционно расписанного задника. Нововведение Крэга — объемно-пространственные композиции, в которых пространство сцены работало подобно дополнительному актеру. Знаменательна его постановка «Гамлет», созданная в соавторстве со Станиславским для МХАТа в 1912 году. Основу концептуального решения проекта составляли двенадцать ширм (экранов), выполненных в форме прямоугольников и изготовленных из натуральных материалов (дерева и меди) и подчеркивавших драматизм постановки. Но недостаточно высокое техническое развитие сцены делало невозможным использование такой конструкции, и Крэг остановился на расписанном под золото холсте, натягивавшемся на каркас из брусков. Несмотря на то, что первое концептуальное решение не было воплощено, зрители восторгались фронтально расположенному на возвышении трону, на котором находились герои, одетые в длинные, стекающие с двух сторон мантии.

После Крэга отличились другие за рубежные архитекторы: в середине XX века Фрэнк Гери, бывший основоположником «деконструктивизма», придумал ряд декораций для трилогии опер Моцарта, постановка которых происходила в концертном зале Уолта Диснея в Лос-Анджелесе. Стоит отметить, что архитектурный проект здания был выполнен самим Фрэнком Гери. Как сценограф Гери предложил концептуальное решение, где сцена была заполнена мятой бумагой. В центре сцены находилась белая лестница, окруженная белыми платформами «подиумами», разбросанными между мятыми бумажными айсбергами. В глубине на поднятых подъемниках располагался оркестр. Фрэнк акцентировал переднюю часть сцены, создавая близость между актерами и пришедшими зрителями, называя свою работу «движущимся натюрмортом на сцене» [4].

Любой архитектор, работая в определенном архитектурном стиле, привносил его черты в проектирование театральных декораций. Джон Поусон — не исключение. Свои творческие приемы и принципы он изложил в книге «Минимум» в 1996 году. Среди воплощенных им архитектурных проектов — мост в королевском ботаническом саду в Кью, бутики Calvin Klein и монастырь «Новый двор» в Чехии. На сцене Королевского оперного театра в Лондоне Поусон создал минималистичные декорации для балета «Chroma». Его концепция «танцев в пустоте, появление актеров словно из ниоткуда и снова пропадая вникуда» была воплощена в освещенном прямоугольнике, затянутом белой эластичной тканью — фоном для актерских фигур [5].

Авторский стиль испанца Сантьяго Калатравы воплотился в декорациях: они очень напоминали его известные вантовые мосты. Получив приглашение участия в проекте «Архитектура танца», на свет появились ажурные конструкции из нейлона, натянутого на алюминиевый каркас. Данные конструкции не несли никакой функциональной нагрузки.

Необычным подходом отличались «разбирающиеся» декорации японского архитектора Хироши Койке, директора мастерской «Pappa Takahumara», построившего сценическую среду для «Дона Кихота». Композиционным центром был дом, стены которого распадались по ходу действия спектакля, символизируя «распад» во взаимоотношениях героев. Таким образом, в конце спектакля постройка теряла свой облик.

Интересное сценографическое решение было предложено латвийскими архитекторами, интерпретировавшими сценографию не как оформление сцены, а в качестве средства для создания различных пространственных ситуаций. Пространство сцены было разделено на множество вертикальных элементов, изготовленных из пластиковых трубок, общая длина которых насчитывала 10000 метров. Такая структура сценической площадки дала возможность использования самых различных сценариев: пространство сценической площадки могло быть однородным, или компоноваться в один центральный элемент — дерево, или образовывать лес. В таких декорациях сыграли «Болеро» MORSA Ravela, «Лучшая история» Леонарда Бернштейна и мюзикл «В городе».

От ряда за рубежных архитекторов не отставали наши российские представители. Стоит начать с одного из крупнейших архитекторов XIX века — Ф.О. Шехтеля, сделавшего множество театральных работ. Среди прочих набросков выделялись реалистичные эскизы к опере «Уриэль Акоста» 1885 года, эскизный проект оформления Сада Эрмитаж, сценография к феерии «Путешествие на луну». Интересны декорации к сказкам «Иван-царевич» 1883 года, «Мальчик-с-пальчик» 1884 года, отличавшиеся тонкой нюансной прорисовкой и созданием необычной сказочной среды [6].

Русский архитектор Александр Веснин начал творческий путь с работы оформителем в Камерном театре Москвы, создав выдающиеся конструктивистские декорации и костюмы к спектаклям «Федра», «Человек, который был Четвергом» и «Благовещение», в котором впервые использовались декорации в виде кубистической композиции. В отличие от его ранних работ, где основу составляла живописная композиция, его поздние работы характеризовала стилизация форм реальной архитектуры. Одна из масштабных работ Веснина — оформление проекта «Борьба и победа» поставленного в честь треть-

его конгресса Коминтерна. Л. Попова и А. Веснин спроектировали для этого мероприятия декорации в форме двух городов, олицетворявших два общественных строя: капитализм, воплощенный в виде сложной композиции, состоявшей из глухих геометрических объемов различной формы, и коммунизм («город будущего»), выполненный в виде композиции из глухих кубистических и ажурных динамических элементов [7].

Один из самых известных на сегодняшний день художников-постановщиков — бывший российский архитектор Георгий Цыпин, проживающий ныне в США. Он разработывал сценографию Зальцбургского фестиваля, декорации Оперы Бастилия, для Ковент-Гардена, Метрополитен-оперы, Ла Скалы и Большого театра. В 2002 году состоялась выставка Георгия в рамках Венецианской биеннале. Изпод его руки вышло множество интересных декораций к спектаклям, отдельно стоит отметить мюзикл «Спайдермен», поставленный в здании Foxwoods Theatre. Основу сценографии составлял образ города, похожего на настоящий Нью-Йорк, но срисованного с комиксов, что выражено в сильном перспективном сокращении изображаемого объекта. Особенность театра — отсутствие дальних и ближних планов, способствовавшее разработке необычного дизайнерского решения: во избежании плоскостного решения от спектакля декорации пришлось закрутить вокруг паука. Выставшие на глазах у зрителя небоскребы и летевшие между ними герои производили сильное впечатление на пресыщенную современную публику.

Декорации «Вестсайдской истории» представляли из себя конструкцию из металла, бетона и стекла, выдерживавшую значительные ветровые нагрузки. Цыпин отзывался о своих декорациях: «Знаете, такие техногенные руины, которые медленно уходят в воду и превращаются в воду. Это поразительный образ какого-то надломленного Нью-Йорка, надломленной американской мечты» [8]. Идею путешествия зрителя через всю историю России Цыпин лаконично обыграл в сценографии к церемонии открытия Зимних Олимпийских Игр в Сочи.

Другой российский сценограф с «архитектурным прошлым» — Сергей Бархин. В своих работах он близок романтикам начала XIX века, которые уходили от канона классического «большого стиля», противопоставляя ему эклектизм, обращаясь к культурным традициям разных стран, народов, периодов, свободно используя их опыт и основные черты для создания своих архитектурных, изобразительных и сценографических образов. Действительно, в декорациях Бархина выражено стремление художника свободно сочетать в общей композиции разнородное, несовместимое и разнотильное: архитектурные и природные элементы, нарисованные и объемные, реалистичные фактуры и искусственно созданную бутафорию. Среди наиболее известных работ автора стоит

упомануть «Чайку» 1970 года, «Царскую охоту» Л. Зорина 1977 года, «Скрипку Ротшильда» по А. Чехову 2004 года во МТЮЗе, «Бориса Годунова» М. Мусоргского 1989 года и «Ромео и Джульетту» С. Прокофьева 1990 года в Музыкальном театре им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, «Обрыв» по И. Гончарову в МХТ им. А. П. Чехова 2010 года и многие другие спектакли [9].

Таким образом, анализ материала доказал, что театр — сложный процесс, в котором органично взаимо-

действуют различные виды искусства: литература, живопись, танец, музыка и архитектура, влияние которой наиболее велико в периоды Средневековья и на рубеже XX–XXI веков. В статье рассмотрены наиболее интересные примеры работы мировых архитекторов с театральной сценографией, а также наглядно показано влияние стиля, в котором работает проектировщик, на формирование композиционно-образного решения спектакля. Статья доказывает актуальность и востребованность профессии архитектора сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Landeproject [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://landeproject.ru/aleksej-balabanov-7-citat-kultovogo-rezhissera-1990-x/> (дата обращения: 23.08.2016).
2. Зноско-Боровский Е. А. Борьба с натурализмом // Е. А. Зноско-Боровский. Русский театр начала XX века. Прага, 1925. С. 221–441.
3. Березкин В. И. Искусство сценографии мирового театра. 2011. С. 536.
4. Domus [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.domusweb.it> (дата обращения: 23.08.2016).
5. Ad magazine [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.admagazine.ru/arch/30999_theatrical-design.php (дата обращения: 23.08.2016).
6. Галерея Rarus's [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rarus.ru/russe-moderne/3965-kirichenko-shekhtel-theatrical-works.html> (дата обращения: 23.08.2016).
7. Архитектура история [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.alyoshin.ru> (дата обращения: 23.08.2016).
8. Проект классика [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.projectclassica.ru/est_news/10_2004/10_2004_wn02a.htm (дата обращения: 23.08.2016).
9. Российская Академия Художеств [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.rah.ru/the_academy_today/the_members_of_the_academie/member.php?ID=17611 (дата обращения: 23.08.2016).

© Заяц Татьяна Михайловна (mylola7@gmail.com). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ПРОБЛЕМЕ КОНФЛИКТА ЛИЧНОСТИ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. Л. ФРАНКА)

ON THE PROBLEM OF CONFLICT OF PERSONALITY, CULTURE AND SOCIETY (TO THE 130TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF SL FRANK)

V. Kurguzov

Summary. In article are analyzed cultures — philosophical and culturological views of the Russian philosopher of the end of the XIX first half of the 20th centuries S. L. Frank on problems of the conflict of the personality, culture and society which over the years haven't lost the relevance in global space of the modern world at all. This problem has acquired special relevance in social space of modern Russia enduring the next reformational period of the history. The conflicts in today's Russia are characteristic of all parties of activity of the Russian society and the dominating their space just and the conflicts between the personality, culture and society, a problem to which S. Frank has paid in the scientific heritage special attention are.

Keywords: Culture, personality, society, conflict, philosophy, ideal, democracy, creativity.

Кургuzов Владимир Лукич

Доктор культурологии, профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
vlgurguzov@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются культур-философские и культурологические воззрения российского философа конца XIX первой половины XX вв. С. Л. Франка на проблемы конфликта личности, культуры и общества, которые с годами ничуть не потеряли свою актуальность в глобальном пространстве современного мира. Особую актуальность эта проблема приобрела в социальном пространстве современной России, переживающей очередной реформационный период своей истории. Конфликты в сегодняшней России характерны для всех сторон жизнедеятельности российского общества и доминирующим их пространством как раз и являются конфликты между личностью, культурой и обществом, проблемой, которой С. Франк уделил в своем научном наследии особое внимание.

Ключевые слова: Культура, личность, общество, конфликт, философия, идеал, демократия, творчество.

Имя Семена Людвиговича Франка, сегодня если и упоминается в культур-философских трудах, то почти не упоминается в трудах большей части отечественных культурологов. К такому выводу приходишь, читая статьи, материалы многочисленных научных конференций, симпозиумов и конгрессов, а также, рецензируя в качестве председателя Диссертационного совета диссертации, посвященные различным проблемам культурологии, чем и занимается автор статьи на протяжении уже 15 лет. Одна из причин такого положения, наверное, заключается в том, что до последнего десятилетия XX века труды этого философа, опубликованные при жизни в периодических изданиях стали библиографической редкостью и были практически недоступны не только для массового читателя, но и для российских аналитиков.

Все дело в том, что С. Франк был «пассажиром» известного парохода, который вывез в 1922 году цвет русской науки, десятки профессоров российских университетов за границу, так как, с точки зрения новой власти, они являли собой угрозу ее сохранения. В итоге мы добровольно существенно обогатили научный потенциал Европы и Америки, а свою страну лишили значительного объема интеллектуального капитала.

Правда, европейцы, тем более американцы забыли нас поблагодарить за этот «подарок» и сегодня уверенно называют труды российских мыслителей, написанных в Европе и Америке, своим культурным наследием, своим национальным достоянием. И, все же, несмотря ни на что, можно с полной уверенностью утверждать, что жизненный и философский путь С. Л. Франка был неразрывно связан с историей России конца XIX — первой половины XX веков.

Вехи биографии Франка весьма примечательны. Родился будущий философ в Москве в еврейской семье 28 января 1877 года. Будучи сыном врача и внуком религиозно настроенного деда по матери, он был воспитан в духе православия на «ветхозаветной основе», но, рано потеряв отца и испытав сильное влияние отца-революционера, уже в юношеском возрасте стал социал-демократом.

Годы учебы протекали попеременно в Москве и Нижнем Новгороде, куда переехала семья — в московском лицее лазаревского института восточных языков, нижегородской классической гимназии, юридическом факультете Московского университета. Затем Франк слушал лекции по политэкономии и философии в Германии. При поддержке русского либерала

П. Б. Струве выпустил в 1900 году первую свою книгу «Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд».

Как отмечают современные исследователи его научного наследия А. А. Гапоненков и Ю. П. Сенокосов, «... предреволюционные годы Франк провел в Санкт-Петербурге, читая лекции в университете и частных учебных заведениях. Затем он переезжает в Саратов, где обосновал кафедру философии в местном университете. В начале 20-х годов прошлого века Франк переезжает в Москву, где становится деканом Академии духовной культуры и профессором Московского университета». [3, с. 5–6] Арест и насильственная высылка Франка в Германию пришлось на август 1922 года. [См.: 14, с. 519].

Обосновавшись в Берлине, он читал лекции в Русском научно-института на русском языке, а с 1931 года — в Берлинском университете на немецком. В это время он плодотворно работает, выпуская свои книги: «Живое знание», «Крушение миров», «Смысл жизни», «Духовные основы общества». В Германии он стал свидетелем восхождения Гитлера во власть. Именно это обстоятельство вынудило его покинуть Германию и переехать во Францию. В Париже вышла и главная книга философа «Непостижимое» (1939 г.).

Однако, война, настигнувшая Францию, сдача Парижа гитлеровцам, заставила Франка и его жену скрываться от гестапо в Гренобльских горах. «Необычная по интенсивности духовная работа под постоянной угрозой ареста, как отмечают его биографы, — принесла свои плоды: в это время ведутся дневниковые записи: «Мысли в страшные дни» и вынашиваются изданные после войны книги «С нами Бог» (1946 г.) и «Свет во тьме» (1949 г.). Этими трудами, включая посмертно изданную в 1956 году работу «Реальность и человек», Франк практически завершил создание собственной философии. Он скончался в Лондоне 10 декабря 1950 года». [См.: 3, с. 9].

Советские и многие современные российские философы ошибочно представляют С. Франка религиозным философом. Между тем, он им никогда не был, о чем свидетельствуют его же признания. В своих трудах он неоднократно подчеркивал это. Так, в книге «Свет во тьме», напоминающий лишь по форме богословский трактат, он пишет: «Я боюсь и не хочу быть богословом — не только потому, что по своему образованию и духовному складу я не богослов, а свободный философ, но и потому что не могу преодолеть ощущения, что всякому отвлеченному догматическому богословию присуща опасность какого-то греховного суесловия. По глубокому истинно религиозному заме-

чанию Гёте, — подчеркивает Франк — «о Боге можно, собственно, говорить только с Богом. [15, с. 10]. Именно философия вообще и философия культуры, в частности, была для Франка жизненным призванием, которое он, на наш взгляд, успешно реализовал.

Даже православный философ, протоирей В. В. Зеньковский, восторгаясь С. Л. Франком, назвал его «весьма выдающимся русским философом вообще». [4, с. 158]. А по признанию известного философа С. А. Левицкого, во Франке, «сильна была... стихия чистой философии... в своих капитальных трудах он полон пафоса системности. Во Франке была классическая строгость мысли и метода, склонность проводить тончайшие умозрительные различия. Франк не так волнует нас, как Бердяев, не так возносит к богословским высотам, как Булгаков, он скорее погружает нас в ясные глубины своей мысли». [11, с. 98].

Хотя, на наш взгляд, есть все же некоторые основания причислять Франка и к философам религиозного толка, ибо «...религиозные идеи Франка столь тесно переплетаются с его философским умозаключением, что сам он, сознавая это, допускал порой, что его работы страдают, возможно, некоторой неопределенностью». [3, с. 10]. Вот что он сам пишет по этому поводу в своем письме к немецкому философу Л. Бинсвангеру: «Любого, даже самого благожелательного читателя моих работ не может, видимо, не смутить двойственность чисто философского и религиозного во мне — ведь и в самом деле эту двойственность я до сих пор еще полностью не преодолел...». [16, с. 343].

Исходя из вышеизложенной, хотя и пространной преамбулы, становится понятным интерес автора статьи к культур-философскому и культурологическому вектору творчества С. Франка и в этой связи стоит всячески приветствовать издание в России в 2001 году его книги «Непрочитанное... статьи, письма, воспоминания». Именно на этот труд автор намерен сослаться по ходу своих рассуждений, посвященных фундаментальной, из века в век актуальной научной триаде конфликта Культуры, Личности и Общества. [См.: 3].

В одной из своих первых монографий «Гуманитарная культура (теоретическое обоснование феномена...» я уже отмечал что «Мир уже накануне третьего тысячелетия оказался перед лицом глобальных проблем и острейших противоречий общественного развития, экономического, экологического, энергетического кризисов, нарастания социальных и национальных конфликтов». [9, с. 5]. На индивидуальном уровне это проявляется в том, что в структуре личности начинают преобладать прагматизм и духовное оскудение, господство антигуманных качеств и антинаучных предрассуд-

ков. Не случайно же, по мнению одного из известных гуманистов XX века А. Швейцера, «... море несправедливости, насилия и лжи, захлестнувшее ныне все человечество... с невероятной жестокостью превращает современного человека в несвободное, несамостоятельное существо». [19, с. 24].

Постепенно растущие в мире кризисные явления, насилие и деструктивность не могли не привлечь к себе внимание специалистов к теоретическому исследованию сущности и причин конфликтов самых различных видов и типов — социальных, межнациональных, межличностных, межгосударственных, но, главным образом, конфликтов **культурных**. Сегодняшняя международная обстановка, к сожалению, еще в большей степени подтверждает этот вывод.

С другой стороны, все это не могло не породить многочисленность подходов научного знания к природе конфликтов, возможность прописать его социогуманитарную проблематику в качестве органической составляющей предметной области теории культуры. И это закономерно, так как по фундаментальности явления, по значению и роли конфликта в развитии общества и многим другим основаниям конфликт и культура тесно корреспондируют друг с другом, взаимно обогащая и дополняя содержательные особенности каждого.

Однако уже к концу XX столетия стало совершенно очевидно, что человечество охвачено острым гносеологическим кризисом, наши, традиционно полученные знания, не позволяют учитывать фундаментальные связи между явлениями, тем более предвосхитить последствия их воздействия на человека и общество. «Современная наука, как считает академик С. Гальперин, выявляет свою полную беспомощность в попытках построить целостную картину мира. Технические знания дали человеку обещанную силу, но она оказалась скорее разрушительной, чем созидательной». [2].

Важнейшим актуализирующим фактором изучения конфликтов является то, что они возникают практически во всех сферах культуры, всех без исключения областях общественной жизни. В этой связи вполне оправданным выглядит вывод бывшей моей аспирантки, а ныне — кандидата культурологии И. А. Изюрьевой, которая в своей монографии «Культурный конфликт в художественном творчестве» подчеркивает: «Изучение специфики конфликтов и способов выхода из них актуально еще и потому, что формы и способы их проявления могут быть самыми разнообразными, начиная от определенного психического состояния индивида до мировой войны». [5, с. 3].

Наверное, далеко неслучайно и то, что в западном обществоведении возникла даже концепция рассматривать буквально все проявления общественной жизни как результаты различного рода конфликтов, и, главным образом конфликтов между **обществом, личностью и культурой**.

Посмотрим теперь глазами С. Франка на природу конфликта, прежде всего, на то, что составляет «душу народа» — на нашу литературу и общественную мысль. «Нетрудно заметить, — подчеркивал он, — что идея культуры не занимает в ней подходящего места. У нас были и есть сильные течения, прямо и сознательно отрицающие эту идею, толстовство и народничество. Политические радикалы в принципе не отрекаются от культуры, а среди них «марксисты» даже кладут в основу своего мировоззрения идею развития **материальной культуры**, прогрессисты всех оттенков озабочены просвещением народа. Но всюду — идет ли речь о культуре материальной или культуре духовной — преобладает утилитарное понимание культуры. А утилитарная оценка культуры, — продолжает Франк, — есть, собственно, отрицание ее самостоятельной, объективной ценности. Мысль о значении культурного прогресса, идеал духовного совершенствования, развития науки, искусства... ради них самих, — можно сказать, чужды или почти чужды русскому самосознанию». Так писал С. Франк в «Очерках философии культуры», опубликованных совместно со Струве в журнале «Полярная звезда» под № 2 и 3 за 1905 год. [См.: 17, с. 40].

Кто рискнет сказать, что эта мысль Франка не является убедительной констатацией причин зарождения и развития конфликтов между личностью, обществом и культурой? Кто осмелится сказать, что она не актуальна, например, для сегодняшней России? Отрицание ценности культуры, как следствие, добавим мы, остается и до сих пор. Об этом убедительно свидетельствует хотя бы объем финансирования отрасли культуры в стране — 0,7 процента бюджета говорит сам за себя.

С другой стороны. Удивительное дело, все жалуются на недостаток денег на культуру, но почему-то никто не жалуется на нехватку ума, знаний, образования, предприимчивости, терпимости, на конец... Умения не биться на смерть, а просто честно, грамотно работать. Поэтому, наверное, и денег нет, что ума-разума не хватает.

Приведу короткий диалог с одной женщиной, ответственным работником Министерства культуры Бурятии, которую я убеждал несколько лет назад в том, чтобы она проявила желание изучить проблему сохра-

нения и использования культурного наследия народов региона и защитить на этом материале диссертацию на соискание ученой степени кандидата культурологии. К сожалению, все мои убеждения оказались безрезультатны. Поверхностно изучив несколько популярных культурологических трудов, она бросила эту затею, ибо флирт с наукой еще никогда и никому ничего полезного не дал. После этого у нас с ней состоялся такой диалог:

- Вы верите в Бога? — спрашиваю ее.
- Да, конечно, я верю в Бога.
- А в знания верите? В человеческие знания, научные?
- В общем-то, да. Без знаний никуда. Сейчас без них не прожить.
- А что важнее, как вы думаете, вера или знания?
- Вера, конечно.
- А как же знания?
- Без знаний еще можно прожить

Все. Как говорят деятели театра: «Занавес» и бессрочный антракт... Культурный конфликт между знанием и верой столь типичный для сегодняшнего времени. Невежество, как говорится, наш фатальный рок. Между тем, деньги на культуру, пусть и небольшие, есть. Нет, умения грамотно ими распорядиться. Половину из них разворуют по коридорам власти, а в конце года... виноватых нет. Хотели как лучше...

Почему на экранах телевизоров одни и те же сюжеты? Почему людей заставляют насильно смотреть в замочную скважину и наблюдать интимную жизнь других людей? Почему на экране идут бесконечные «дурдомы 1», «дурдомы 2» и так до бесконечности. Это стыдно и неприлично. Наука России, где ты? Получается, что в современной России реально существуют только политики, со своими воззрениями и больше нет никого. Причем состав играющей команды не меняется. Он непоколебим и неистребим, как новое природное явление. Но, ведь политика, как и искусства со всеми потрохами продукты культуры. Создали деятели культуры и искусства великолепный телевизионный канал «Культура», а ответить на вопрос: «Что же показывают по другим каналам?» не могут даже сами создатели... Культурный (точнее сказать — культурологический) конфликт очевиден и от него, как говорится, «не спрячется, не скрывается...».

На мой взгляд, правительство современной России не слышит ни голоса пророков из народа, ни, тем более, голоса ученых-культурологов о том, что сегодняшний бюджет на культуру откровенно нищенский. Такой бюджет на нужды культуры — второй после природы формы бытия человека — был, есть и будет детерминирующим фактом конфликта между государством,

обществом и рядовым человеком, который по вине государства не получает тот объем духовной пищи, который необходим для современного человека, созидателя всех ценностей на земле.

Что можно сделать на эти деньги в объеме менее одного процента бюджета страны? Закрыть в так называемых «неперспективных» селах последние библиотеки и клубы, которые по приказу все того же Министерства культуры России уже давно переданы на местные бюджеты. А денег в этих бюджетах по русской поговорке: «вошь на аркане и блоха на цепи». Вот и думает глава сельской администрации: куда лучше передать эти деньги: починить единственный мост, по которому добираться в село автолавка или «скорая помощь» или закрыть библиотеку? Вопрос риторический: конечно библиотеку. Но закрытие сельского клуба или библиотеки, открывает для молодежи, как это и происходит не только у нас в Бурятии, где живет автор статьи, но и в других регионах России, путь на конопляное поле, на котором все бесplatно.

Между тем, уже во второй половине XX века наркомания перестала быть болезнью личности. Она превратилась в болезнь человеческого рода, в духовный СПИД цивилизации и химическую компенсацию потери чувства жизни.

*Не дивитесь, так и надо,
В годы разума и книг
Есть еще одна отрада
Быть безумным хоть на миг.*

Так писал еще в начале прошлого века И. Приблудный, крестьянский поэт, друг С. Есенина. [Цит. по: 8, с. 13]. К сожалению, действительность подтверждает это пророчество...

Такой бюджет есть, скорее, удушение национальной культуры, между прочим, второй после природы формы бытия человека, без которых человечество вымрет в считанные минуты, ибо жить без солнечной энергии, воды и воздуха (даров природы) нельзя, но, ведь, и без одежды, жилища, орудий труда, духовности, как артефактов культуры выжить тоже не представляется возможным. А посему, автор статьи убежден, что всем членам современного правительства России, особенно органов культуры на местах давно пора пройти культурологический «ликбез», чтобы не только рассудком, но и сердцем понять, что такое культура, как форма бытия человека. На ней не экономить надо путем закрытия сельских клубов и библиотек и выдавая их работникам нищенскую зарплату, а всячески поддерживать эту сферу.

Давно пора вывести ее из «подвала» бюджета страны. И, ради соответствия действительности, переименовать министерство культуры России и его органов на местах в Министерство искусства, ибо этот орган руководит только тем, что радует глаз и ухо. Ни в одном регионе России вы не встретите в органах культуры таких, например, отделов, как экономической, промышленной, деловой, гендерной культур, культуры детства, здоровья и т.д. Нет таких отделов. Там решаются вопросы только «под музыку Вивальди, под славный клавесин»... Это отрасль управления прекрасным, а социальной грязью эти органы заниматься не хотят. Может быть и денег, на отсутствие которых всегда жалуются работники сферы управления культурой нет по этой причине?

Впрочем, такое отношение к культуре было всегда. Голоса пророков и прошлых лет о значимости культуры никто не хотел слушать. Русский философ и государственный деятель П.Я. Чаадаев, например, пророчествовал о культуре в пустыне николаевской эпохи XIX века. «Однако не только правительство, — как подчеркивает Франк — объявило его сумасшедшим — и для своих современников он остался одиноким чудаком. Но и мы, потомки, с любовью вспоминаящие об этом глубококом мыслителе-страдальце, — многие ли из нас понимают, как своевременно и актуально до сих пор существо мысли Чаадаева, независимо от парадоксальных и субъективных деталей их содержания?». [17, с. 40].

После Чаадаева другой, еще более великий писатель, один из гениальнейших людей России, — Тургенев — всемерно защищал идею самоценности культуры и цивилизации. Однако Тургенев, по мнению Франка, признанный раз и навсегда как «...гордость русской литературы, в своем культурно-философском мировоззрении был сбит и оттиснут на обочину волной народническо-нигилистического движения 60-х годов XIX века, которую он же сам первый подметил и обрисовал в своем романе «Отцы и дети». Его Базарова, отрицавшего широкое понятие культуры, но признававшего, по крайней мере научное просвещение или его частицу — естествознание, сменили народники, потерявшие всякий вкус к науке». [17, с. 41] Народников сменило толстовство, в угоду морали отрекшееся и от науки, и от политики. С тех пор еще много новых общественных волн набегало и разбивалось, но их культурно-философское содержание держалось все — же в круге духовных привычек и симпатий, сложившихся в пору нигилизма.

Однако может быть, наиболее трагическое крушение, конфликт между культурой и обществом, с точки зрения С. Франка, культура потерпела в духовной эволюции величайшего русского мыслителя А.И. Герцена, который «...отрекался от культуры, стыдился ее и под-

час был готов поменять цивилизацию, науку, искусство свободу на маленький наивный мирок мужика — общинника». [17, с. 41].

С нашей точки зрения, трудно переоценить столь актуальный даже для современной России вывод С. Франка о том, что: «Отрицательное отношение к идее культуры есть столь же глубокая и типичная черта нашей национальной идеологии, мирозерцания, господствующего в интеллигенции, и ею выработанного, столь характерно в практической жизни нашего общества его психологическое влечение к культуре и почтение к ней». «Откуда этот разлад?», задается вопросом он. «Какие моральные побуждения заставляют интеллигента единственного носителя культуры в русском обществе, быть равнодушным к ее идее и даже бороться с ней?». [17, с. 41].

Чтобы ответить на этот вопрос, обнажающий конфликтную ситуацию между культурой и обществом мы должны четко и ясно ответить на другой, более сложный вопрос: **а что такое культура вообще?**

Как известно, на сегодняшний день культурологи насчитали более 2,5 тысяч определений этого феномена. [См.:13, с. 15]. Рискну заметить, да сформулируйте еще хоть тысячу ее дефиниций — к сущности этого феномена мы все равно не приблизимся. Есть системы такой сложности, которые не определяются по природе. Например, нет же окончательного определения человека. Определения, конечно, есть, но они крайне абстрактны, как в Библии: «Тайна сия есть» — вот и все понятие человека. На самом деле никакое определение не может уловить миллионы мгновений в сущности живого человека.

Один журналист второпях написал: «Физиологию человека отлично изучили врачи» Не стану спорить, но, врачи-патолого-анатомы, например, дадут исчерпывающее определение только труп, а не человеку. Живой же человек — сложнейшая система с многочисленными химическими, биологическими, физическими, психологическими процессами, а посему в науке до сих пор и нет исчерпывающего определения человека, ибо мы не в силах сказать: «Остановись мгновение я тебя по — изучаю» Нечто подобное происходит и с определением важнейшей после Природы формы бытия человека — Культурой.

В этой связи бесспорен вывод Франка о том, что «... как невозможно определить жизнь, но всякий ясно понимает, боле того, чувствует, что такое жизнь также бесполезно гоняться за точным определением культуры, в то же время, несомненно, что культура не пустой звук и не призрак». [17, с. 43]. Мне глубоко импонирует подход Франка к определению сущности культуры, пробле-

мы с которым были даже у Маркса. Под культурой, как известно, К. Маркс понимал **совокупность материальных благ, созданных человеком в процессе исторического развития**.

В своих статьях я уже писал о «нестыковках» этой дефиниции, объясняя эти «нестыковки» тем, что культуру нельзя понимать исключительно, как «благо». В культуре много таких ужасных вещей, (одна атомная бомба, как артефакт культуры чего стоит) о которых и говорить-то не хочется. Не устраивает меня и противопоставление в словосочетании «материальных и духовных благ». В сущности, все артефакты культуры в первичном выражении всегда духовны, ибо зарождаются первоначально в чьей-то конкретной голове в виде воображения (проекта) а, уж, затем приобретают свое материальное воплощение.

Франк обнаруживает свой подход к этой проблеме. В частности, он заключает, что «...**культура не пустой звук и не призрак. Культура есть совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие**. [17, с. 43]. Хотя, если хорошо подумать и эта дефиниция порождает непростые вопросы. Что значит «абсолютные ценности»? Кто определяет их «абсолют»? Все та же культура, феномен которой мы так и не можем определить? Не напоминает ли это всем известную сказку про «белого бычка»?». Разве ценности понятие равнозначное? У гуманиста ценности одни, у человеконенавистника — совсем другие. Наличие конфликта здесь — бесспорно...

Вот почему возникает проблема уточнения: что же понимать под ценностями? Немецкий исследователь Пол Куртц, например, определяет ценность, «как предмет или цель какого-либо интереса, желания или потребности человеческого существа». (Цит. по: 6, с 48). А, во-вторых, ценности понятие далеко не однозначное.

Есть ценности **экзистенциальные** (жизнь, человечность, гуманизм, смерть, любовь, секс, чадозачатие, семья, воспитание детей, свобода, труд, отдых и др.). Есть ценности **юридические, нравственные**, ценности **познания**, А, есть и **квазиценности**, например, ценности паранормального. Не следует забывать, что есть и **антиценности**: жадность, паразитизм, подозрительность, враждебность, агрессивность, насилие, убийство, терроризм, война, геноцид, биоцид, экоцид, обман, дезинформация, манипулирование, наркомания, алкоголизм, Но и это еще не все. Мне кажется, что опасаться надо так называемых **нейтральных** ценностей, таких, например, как **воля** и **образование** человека. Кто же знает, на какие свершения направит он эти свои качества — на Добро или Зло?

В связи с этим, бесспорным, на мой взгляд, является вывод Франка о том, что можно отвергать то или иное отдельное явление, почитаемое в данное время продуктом культуры; можно отбрасывать, как несостоятельные целые сферы и целые эпохи культурной жизни; можно отрицать религию во имя науки, или науку во имя религии, политическую жизнь — ради морального совершенствования, и мораль — ради успешности политического творчества. И это не только можно: отрицание и неверие, разрушение и борьба столь же необходимы в культурном творчестве, как вера и созидание, ибо это творчество движется путем непрерывных трений и столкновений между культурными силами и течениями. Но нельзя иначе, как по недоразумению и непониманию, отрицать культуру, как целое, ибо она есть тот великий и неистощимый запас духовных возможностей, из которого каждый черпает, что ему нужно, и который, каждый пополняет тем, что есть истинного и вечного в его индивидуальном своеобразии. [См.: 17, с. 43–44].

Сближает позиции К. Маркса и С. Франка то, что оба они являлись (хотя и в разной степени) не только критиками капитализма самого по себе, но и всей предшествующей цивилизации. При этом, Маркс, например, никогда не отрицал цивилизирующую роль капитала. Однако, как Маркс, так и Франк неоднократно подчеркивали, что помимо истории **цивилизации** есть еще и история **культуры**. Оба они были убеждены, что эти две истории почему-то до сих пор плохо стыковались друг с другом, а, нередко и оказывались во взаимоотношениях. При этом на этапе капитализма эта нестыковка — **конфликт** между цивилизацией и культурой — становится все более очевидным, чем на всех предыдущих этапах истории.

Однако все же ни Франк, а Маркс был одним из первых в истории новоевропейской мысли, кто попытался раскрыть суть и смысл данного конфликта и его историко-материалистическая теория завершается утверждением решающей роли **культуры** в истории человечества, в процессе его освобождения от всех форм социального отчуждения, в переходе к такому типу общественного развития, которое базируется на индивидуальной свободе и личной самореализации каждого человека. [См.:12, с. 5 и с. 9].

Вместе с тем, если Маркс был поборником, как материальной, так и духовной культуры, точнее сказать их совокупности, но при этом приоритет, все же, отдавал культуре **материальной**, то Франк усмотрел перманентный конфликт между материальной и духовной сущностью культуры и приоритетным началом считал, наоборот, культуру **духовную**. Вот что он пишет по этому поводу:

«...железные дороги, телеграфы и телефоны, вообще вся техника, будучи порождением научной культуры и содействуя развитию культуры, сама по себе не есть культура. Лишь в самом широком и элементарном смысле, с этимологическим значением слова «культура», можно говорить о культуре материальной. Подобно истинной духовной культуре, она есть также продукт усилий труда, созидательной воли человечества, завоевание и приобретение неустанно движущегося вперед человеческого разума. Не будучи культурой в истинном смысле, она, однако, отмечена ее печатью; это ее символическая и реальная близость к культуре духовной, равно как услуги, оказываемые ею развитию последней распространяет на нее психологически то уважение, которые мы питаем к цивилизации и просвещению». [17, с. 45].

Далее Франк поясняет, что все это не означает смешения культуры духовной с культурой материальной, подчеркивает утилитарное, вспомогательное значение так называемой «материальной культуры». Пишет о том, что весьма часто случается, что вся европейская жизнь отмечена этой чертой, — что «...увлечение технической, внешней стороной культуры отвлекает внимание от тех абсолютных самодавящих идеалов, воплощение которых образует истинную культуру».

Такое увлечение накладывает на душу современного европейца печать утилитаризма и «практичности», несовместимую с пониманием идеального, анти — утилитарного духа культуры. Культура в себе самой носит свою ценность. Поэтому все от культуры, будучи самым нужным для человека, в известном смысле отличается полной ненужностью. Практическим людям, — заключает Франк, — не нужна ни религия, ни искусство, ни мораль, ни наука в высшем ее значении; культурным людям в смысле Щедрина не нужна и чужда культура». [17, с. 45]. И в самом деле, для того чтобы заказать сегодня платье в парижском салоне моды, добавим мы, не нужно никакой культуры — были бы деньги...

Между тем Франк гениально предвосхитил то, что если практическая ненужность культуры порождает ей врага в лице **утилитаризма**, то ее многообразие и богатство, ее широта и универсальность заставляют восстать против нее другое моральное направление — **аскетизм**. «Утилитаризм, — с точки зрения Франка, — отвергает культуру, так как не признает вообще никаких абсолютных ценностей, выводя все ценности из практической пользы, из низших субъективных потребностей; аскетизм отвергает культуру, так как признает только одну абсолютную ценность — моральную — и считает все остальные ценности призраками и порождениями сатаны». [17, с. 46].

И здесь, как мы видим наличие конфликта в двух векторах развития социума, налицо. «Утилитаризм и аскетизм, подчеркивает Франк, — сплелись в сознании русского интеллигента в одно логически неуклюжее, но психологически стройное и цельное мировоззрение, и жало этого мировоззрения направлено, прежде всего, против культуры, против признания самодавящей ценности духовных идеалов, воплощаемых в исторической жизни». [17, с. 46].

В свое время, разрабатывая теорию гуманитарной культуры в докторской диссертации, автор статьи должен был доказать, что основой этой культуры является немеркнущие ценности **гуманизма**. И я получил тогда весомое подкрепление своим прошлым выводам в убедительных аргументах С. Франка. «Мы, верующие в культуру, — пишет он, — усматривающие в науке, искусстве, религии, морали и политике одну общую великую сокровищницу человечества, которую надо беречь и пополнять, а не разрушать и отвергать, не могущие допустить, чтобы идеал состоял не в духовном богатстве, а в духовной бедности — мы противопоставляем этому традиционному русскому нигилизму идею **гуманизма**. Под гуманизмом мы понимаем, — заключает он, — идеализм, веру в абсолютные ценности, соединенную с верой в человечество и его творческие задачи на земле». [17, с. 47].

При этом Франк, к сожалению, не уточняет, какому гуманизму он отдает свое предпочтение? Ведь гуманизм далеко не однороден. Есть гуманизм религиозный, есть гуманизм светский, натуралистический, экзистенциальный и др. Однако, косвенно, можно предположить, что он отдает свое предпочтение все-таки, гуманизму **религиозному**. Мы же в своих исследованиях предпочитаем обращаться к ценностям гуманизма **секулярного** (светского). Ну, хотя бы потому, что религиозный гуманизм, на наш взгляд, непоследователен, вторичен, ибо, в его основе всегда лежат, прежде всего, идея любви к Богу, а уж потом к человеку, что собственно говоря, видно из приведенной выше цитаты.

Правда, ниже Франк подчеркивает, что хотя: «Культуре принадлежит религиозное упоение, которое ощущает Бога в биении своего сердца и видит его в небесах. Но в культуру на равных правах входит и безбожье непокорной, во всем сомневающейся, все подрывающей человеческой мысли». [17, с. 48]. С этим выводом Франка трудно не согласиться.

Как было уже отмечено выше, культура несет сама в себе свою ценность. Но это вовсе не означает, что культура есть самоценность, ценность сама для себя. Культура есть содержание **личности** и потому служит

ей и только ей. Иными словами, рядом с культурой всегда стоит личность. Разумеется, выражение «рядом с культурой всегда стоит личность» неточно, ибо культура существует не вне людей, а в людях. Однако, каждая личность, рождаясь в данной культуре и живя ею, все-таки противостоит ей. Иными словами, личность, хотя и создает культуру, но обречена при этом порождать **конфликт** с ней, ибо, с нашей точки зрения, создавая что-то, мы отрицаем ценности культуры прошлой и утверждаем ценности новой. Блестящим подтверждением этой мысли является всем известный конфликт отцов и детей, который всегда был, есть и всегда будет...

«Все идеалы, без различия их содержания,— утверждает Франк,— суть свободные творения личности. Личность создает науку, искусство, мораль, даже в религии, где личность часто отрицает самое себя, склоняясь перед высшим началом, это начало творится ею же. Не в материальной силе и не во внешней обстановке лежат источники и корни культуры; они таятся в глубинах личного сознания, и все великие перевороты, определяющие судьбу царств и народов и изменяющие лицо земли, питались мыслями и упованиями, родившимися в тиши уединенной работы духа». [17, с. 50].

А, что следует из этой глубокой мысли? Прежде всего, то, что «свобода личности,— по мысли Франка,— есть первое и существеннейшее условие культуры. Простор для духовного творчества, безусловное признание за каждой личностью право создавать идеал и действовать во имя его образуют принцип, непосредственно указуемой самой идеей культуры и из нее вытекающий». (с. 50). А какова в этом смысле роль самой культуры? И Франк так отвечает на этот вопрос: «... задача личности — творить культуру, озарять землю светом идеала; а задача культуры — беречь личность и обеспечить ей простор и неприкосновенность ради того, что лишь в ней живет дух горячей правдой и творящий ее на земле». [17, с. 51].

Великолепные слова! Их бы, да... нет, не богу, а нашим властным витиям не только в уши, но и в души. Представителям всех органов власти в современной России от Кремля до домоуправления в богом забытом сибирском городке есть смысл напомнить бессмертные слова Франка, что «...уважение к человеческой личности есть само продукт культурного развития: человечество лишь путем долгих усилий и героической борьбы пришло к сознанию, что в каждой личности есть нечто, что должно быть признанно священным и неприкосновенным». [17, с. 51].

Если в наше индивидуальное и общественное сознание прочно войдет мысль о том, что всякая человече-

ская личность как таковая есть абсолютная ценность, само собой родится убеждение о равноценности всех людей. Все люди, бесспорно бесконечно разнообразны и только поэтому **неравны**. Однако для нашего морального сознания равноценны, как носители того, что имеют абсолютную и беспредельную ценность.

При этом Франк подчеркивает, что равноценность всех людей «...не есть физический факт... оно не есть даже признание фактической идеальной или культурной равноценности всех людей. Никто не будет спорить, что Шекспир и Пушкин,— пишет он,— в культурном отношении выше будочника Мырцеца, что за одного Пушкина можно было бы отдать многих мырцевых и не остаться в накладе. И все же, чтобы взрастить Пушкина, мы не имели бы права убить Мырцеца. Оба они суть человеческие личности. Это есть, пожалуй, единственное, в чем они тождественны, но этого вполне достаточно, чтобы признать их морально равноценными». [17, с. 52–53].

Подводя итог своим мыслям, Франк заключает: «Человек есть святыня; он не должен быть средством ни для других людей, ни для каких-либо объективных, вне его лежащих целей. Стоит только отказаться от этого начала, и нет уже более никакой остановки на пути превращения человека в средство». И, как итог, он подкрепляет сказанное образной фразой: «Для тех, кто не признает святости человеческой личности, вопрос об употреблении человеческого мяса есть в конце концов такое же дело вкуса, как вопрос об употреблении конины или поедании устриц». [17, с. 53].

В этих рассуждениях Франка менее глубоко импонирует то, что он не ставит знак **равенства** между всеми людьми, утверждая, что все люди **разные** и равноценны лишь **морально**. В его аргументации я усматриваю другой, зачастую скрытый смысл конфликта между личностью и обществом. Поясню свою мысль более подробно.

В новейшее время грандиозное смешение Добра и Зла началось со времен Французской революции, ибо, именно тогда возник патологический лозунг «Свобода, Равенство, Братство», соединивших, на мой взгляд, три совершенно несовместимых понятия. Именно с этого времени цивилизованное человечество и заболело болезнью. Алисы в зазеркалье, перестав понимать, где правда, а где кривда.

На классическую традиционную категорию свободы навесили то, к чему она никогда не имела ни какого отношения. Свобода с древнейших времен — это, прежде всего, свобода выбора, свобода в индивидуальности, в непохожести, в неповторимости, возможности пройти свой путь, Но, совершенно очевидно,

что в условиях равенства этого не может быть. Когда все равны в желаниях и возможностях, правах и обязанностях, когда все стремятся занять вашу же экологическую нишу, когда все считают вас себе ровнею и принуждают поступать так же, о какой свободе вообще может идти речь?

Следуя законам формальной логики, выходит, что Свобода — это, как раз Неравенство. Именно так и понимали свободу все традиционные общества. Это свобода быть царем, жрецом, воином. И мне трудно не согласиться с логикой московского философа В.Б. Авдеева, который утверждает, что: «...любая форма равенства искореняет свободу, равенство не терпит разных, ему нужны одинаковые, в этом его объединяющая суть, и только неравные свободны каждый по-своему». ... Свобода — это не только любить, но и свобода ненавидеть, эта свобода выбирать себе друзей и идеалы по своему усмотрению» [1, с. 76].

С братством все обстоит еще хуже. «О какой свободе, задается вопросом В.Б. Авдеев, может идти речь, когда всех дефективных гадких, извращенных и просто несимпатичных мне людей я должен считать братьями?». [1, с. 76]. Этот вопрос вполне логичен. Ну, хотя бы потому, что братья всегда имеют разный возраст, кто-то из них младше или старше, и кто-то кому-то неминуемо должен подчиняться по старшинству. Здесь также нет, и не может быть никакого равенства. А, если же это не родные братья, а двоюродные или троюродные, то они и вовсе не равны вам по крови.

Мне представляется, что, даже живя некоторое время во Франции и, преклоняясь перед мощью ее гениев в философии, науке и искусстве, написав, достаточно много трудов о проблемах конфликта личности, культуры и общества, С. Франк нигде и никогда не касался лозунга Французской революции: Свобода — Равенство и Братство, наверняка понимая всю его утопичность, понимая то, что те, кто говорит о свободе, равенстве и братстве, просто не понимают, что говорят это в привычном автоматизме, опьяненные чарами самих этих слов. В конечном же счете, все это есть лишь профанация классических ценностей.

Вместе с тем, с точки зрения Франка: «...свобода личности есть первое и существеннейшее условие культуры. ... Кто хочет культурного прогресса, тот должен хотеть и свободы личности; даже борьба против явно антикультурных идей не оправдывает нарушение свободы личности, ибо никто не призван судить, какая роль предназначена этим идеям и тому, чему суждено из них родиться в общем ходе исторического творчества... Поэтому,— заключает Франк,— задача лично-

сти — творить культуру, озарять землю светом идеала; а задача культуры — беречь личность и обеспечивать ей простор и неприкосновенность ради того, что в ней живет дух, горящий правдой и творящий ее на земле». [17, с. 50–51].

О чем свидетельствуют приводимые выше примеры? Прежде всего, о том, что идея **культуры** в известном смысле, чисто логическим путем вступает в столкновение (конфликт) с идеей **личности**. Именно «...личность,— по бесспорному выводу Франка,— и ни кто другой создает науку, искусство мораль; даже в религии, где личность часто отрицает самое себя, склоняясь перед высшим началом, это начало твориться ею же» [17, с. 50]. Поэтому и задача личности, по его мнению, «... творить культуру, озарять землю светом идеала; а задача культуры — беречь личность и обеспечить ей простор и неприкосновенность ради того, что лишь в ней живет дух, горящий правдой и творящий ее на земле». [17, с. 51].

Четверть века прошло с тех пор, как в России усилиями ее реформаторов начались перестроенные преобразования. Далеко не всегда и не во всем они привели к позитивным результатам. Много, очень много, как раз утрачено. Одна из причин такого положения, на мой взгляд, заключается как раз в том, что к реализации реформ приступили люди, которых можно назвать рафинированными прагматиками, часто без царя в голове. «Прибыль — любой ценой!» — вот их девиз вплоть до сегодняшнего дня. Если вырубать лес — то до последнего пенька. Если осушать реки, то до последней капли воды. Вспомним, хотя бы бывшее Аральское море, высушенное практически до дна или деградацию рек, впадающих в Байкал, которую автор статьи, живущий у «славного и священного моря» видит собственными глазами уже на протяжении полувека.

К сожалению, но именно на таких прагматиков работает и 11 статья Конституции Российской Федерации, которая, с одной стороны продекларировала, что «земля и ее недра, воды, растительный и животный мир является достоянием народа/ [См.: 7, с. 4] А, с другой стороны, узаконила наличие частной собственности на природные ресурсы (юридических лиц и граждан). Противоречий здесь нет. Никто же не станет отрицать, что частные лица это и есть — отдельные граждане — часть народа.

В связи с этим, трудно переоценить актуальный и до сих пор вывод Франка о том, что: «Не в материальной силе и не во внешней обстановке жизни лежат источники и корни культуры; они таятся в глубинах личного сознания, и все великие перевороты, опреде-

лявшие судьбу царств и народов и изменявшие лицо земли, питались мыслями и упованиями, родившимися в тиши уединенной работы духа». И далее Франк цитирует Ницше: «Мир неслышно вращается вокруг тех, кто открывает новые ценности». [17, с. 50].

Наблюдая тенденции развития современного мира, мира XXI века, можно сделать вывод, что человечество бредет по своему великому пути без четко и грамотно разработанного плана и всех удовлетворяющей цели. У каждого жителя Земли есть свои желания, свои задачи и свои потребности, и поэтому каждый из нас, неминуемо, приходит к столкновениям, конфликтам с другими людьми, с другими странами и народами. «И именно из этой слепой борьбы всех против всех, из этого хаотического столкновения страстей и идеалов, по мнению Франка, — складывается историческое движение». Однако делает вывод Франк: «В ком живет вера в великое общее предназначение человечества, тот не может не желать замены этого состояния разброда и анархии планомерным и разумным сотрудничеством людей. Люди должны согласиться между собою о своих целях и, раз согласившись, прямо идти вперед, не уклоняясь по сторонам, не топчась на месте

и не теряя сил на социальное трение и взаимную борьбу». [17, с. 54].

Что касается исторического предназначения России и культуры ее народов, то С. Франк без колебаний утверждает: «Страна, создавшая такие культурные светила первой величины, как Пушкин, Герцен, Тургенев, Толстой — эта страна не только не может — она **не вправе** отречься от культуры», ибо она, продолжает Франк, учит широте и терпимости... В культуре рядом живут как яркие, льющие свет и жизнь лучи, и языческая Венера и христианская Мадонна, и красота нагого тела и величие бесплотного над всякой телесностью подымающегося духа. .. Культуре принадлежит религиозное упоение, которое ощущает Бога в биении своего сердца и видит его в небесах. Но в культуру на равных правах входит и безбожье непокорной, во всем сомневающейся, все подрывающей человеческой мысли. Всякая мысль, лишь бы она была глубока и своеобразна, всякое произведение искусства, лишь бы оно было красиво, всякое моральное усилие, лишь бы оно было искреннее и творческое, всякое искание истины, красоты и правды создает культуру». [17, с. 48]. И лишь поэтому, — добавим мы, — культура создает нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев В.Б. Метафизическая антропология. — М. — «Белые альвы». — 2002, 256 с.
2. Гальперин С. В. В поисках надежды. — //культура. — 1999, 17 декабря.
3. Гапоненков А.А., Сенокосов Ю. П. Предисловие книги Семен Франк. Непрочитанное. статьи, письма, воспоминания. — М. — Московская школа полит. исследований. — 2001, 530 с.
4. Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х томах. — Л. — 1991. — Т. 2. — ч. 2,615с.
5. Изюрьева И. А. Культурный конфликт в художественном творчестве. — Улан-Удэ. — ВСГАКИ. — 2008, 92 с.
6. Кувакин В. Твой рай и ад: человечность и бесчеловечность человека (философия, психология и стиль мышления гуманизма). — М. СПб. — АЛЕТЕЯ. — 1999, 280 с.
7. Конституция Российской Федерации. — «Ось-89». — М. — 1999, 280с.
8. Кривенко В. А. Русская поэзия «серебряного» века: приобретения и потери. — М. — «Знание», 156 с.
9. Кургузов В. Л. Гуманитарная культура: теоретическое обоснование феномена и проблемы функционирования в техническом вузе. — Улан-Удэ. — ВСГУТУ — 2000, 555 с.
10. Лившиц М. А. Карл Маркс. Искусство и общественные идеи. — М. — Мысль., — 1972, 325 с.
11. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии и общественной мысли. — Франкфурт. — Посев. — 1981. — т. 2, 715 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 20 т. — М. — 1956, Т. 13, 568 с.
13. Разлогов К. Э. Культура между прошлым и будущим. В кн: От краеведения к культурологии. — М. — РИК РАН. — 2002, 310 с.
14. Русский гуманитарный энциклопедический словарь в 3-х томах. — Т. 3. — М. — СПб. — ВЛАДОС. — 2002, 703 с.
15. Франк С. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. — Париж, УМКА-ПРЕСС, 113 с.
16. Франк С. Письмо Л. Бинсвенгеру от 25.03.1946. — //В кн.: С. Франк. Непрочитанное. — М. — 2001, 530 с.
17. Франк С. Что такое культура. — В кн.: С. Франк. Непрочитанное—М.. — 2001, 530 с.
18. Франк С. Культура и личность. — В кн.: С. Франк. Непрочитанное. — М. 2001, 530 с.
19. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. — М. — Наука. — 1992, 516 с.

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

BRICS COOPERATION IN THE FIELD OF CULTURE

J. Zheng

Summary. Modern BRICS — a club of emerging powers, which, in response to new and complex challenges will seek to strengthen the political and economic integration. The window of opportunity for the five countries due to the fact that other similar organizations may not be adequate or set of modern global problems, or do not have the resources to address them. Civic Forum BRICS in favor of strengthening the status of the national and world cultural and natural heritage in the social life of the BRICS and the inclusion of these objects in the program and the social and economic development plans. Gradually increase the awareness and cooperation of government institutions at different levels, organizations, and groups of experts in the exchange of experience of effective national and international governance in the cultural sphere, including through the creation of information and communication centers and expert groups. Russia, together with the BRICS partner countries should create an attractive image for the peoples of non-Western world the globalization model based on the heterogeneity of the global geocultural system and careful saving and updating of national cultural traditions and moral values.

Keywords: BRICS, cultural integration, humanitarian cooperation, cooperation, and education.

Чжэн Цзелань

*Аспирант, Российский университет дружбы народов
Jielan@list.ru*

Аннотация. Современный БРИКС — это клуб развивающихся держав, который в ответ на новые сложные вызовы будет стремиться усилить политическую и экономическую интеграцию. Окно возможностей для пяти стран обусловлено тем, что другие подобные организации могут либо не быть адекватны набору современных глобальных проблем, либо не иметь ресурсов для их решения. Гражданский форум БРИКС выступает за усиление статуса национального и мирового культурного и природного наследия в общественной жизни стран БРИКС и включение данных объектов в программы и планы социального и экономического развития. Постепенно происходит повышение осведомленности и сотрудничества правительственных институтов разных уровней, организаций и экспертных групп в вопросах обмена опытом эффективного национального и международного управления в сфере культуры, в том числе через создание информационных и коммуникационных центров и экспертных групп. Россия вместе со странами-партнерами по БРИКС должна сформировать привлекательный для народов мира образ незападной модели глобализации, основанной на гетерогенности мировой геокультурной системы и бережном сбережении и актуализации национальных культурных традиций и морально-нравственных ценностей.

Ключевые слова: БРИКС, культурная интеграция, гуманитарное сотрудничество, сотрудничество, образование.

Несмотря на то, что БРИКС является экономическим объединением и основные направления сотрудничества стран именно развиваются в экономическом направлении, с углублением институтов сотрудничества между странами БРИКС, гуманитарное сотрудничество стало важной частью их взаимодействия. Гуманитарное сотрудничество способствует взаимопониманию народов, устраняет политическое недоверие между странами, укрепляет основу сотрудничества и содействует совместному развитию стран. В эпоху новой научно-технологической революции, экономический рост все более зависит от развития науки и технологии, межгосударственного сотрудничества в образовании и научных проектах и выступает в качестве стимула и двигателя непрерывного экономического роста. Кроме того, страны БРИКС во многих научно-технологических сферах еще уступают западным странам.

«БРИКС — уникальный формат, объединяющий страны с крупнейшими и динамично развивающимися экономиками, независимой внешней полити-

кой и самобытными культурами, — открывая первую встречу министров культуры государств — членов БРИКС, сказал Министр культуры Российской Федерации Владимир Мединский. — Этот культурный аспект — «цивилизационное измерение» БРИКС — не менее важен, чем экономическая мощь и внешнеполитический вес наших стран в современном многополярном мире». [5]

В ходе первой встречи представители делегаций в 2015 году обсудили различные форматы межправительственного взаимодействия, рассказали о текущих культурных обменах между странами, международных фестивалях, конгрессах, совместных межмузейных выставках и кинопроектах, поделились инициативами, направленными на расширение сотрудничества, в том числе в сфере охраны культурного наследия. Участники встречи также выразили единодушие в вопросах сохранения и защиты культурного наследия. Страны БРИКС являются участниками Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года. В настоящее время в Список всемирного наследия входят 47 объектов КНР, что является одним из самых больших

показателей в мире, 32 объекта Индии, 27 объектов Российской Федерации, 19 объектов Бразилии и 8 объектов ЮАР. [5]

Стороны выразили готовность активно развивать сотрудничество в рамках БРИКС по обмену опытом в области обучения и повышения квалификации специалистов по сохранению, управлению и защите объектов всемирного наследия. Кроме того, очень важно оказывать друг другу поддержку в жесткой конкурентной борьбе стран всего мира по включению объектов культурного наследия в Список всемирного наследия. Участники совещания также согласовали проект Соглашения между правительствами государств БРИКС о сотрудничестве в области культуры, подписали Протокол и Декларацию первой встречи министров культуры стран — членов БРИКС.

«Подписание Соглашения ни в коем случае не ограничивает свободу стран объединения, не ставит никаких барьеров, напротив — дает новые возможности, — подчеркнул Владимир Мединский. — Речь идет о расширении доступа наших граждан к культурам друг друга, о налаживании горизонтальных связей между культурными институциями и деятелями культуры. В проекте Соглашения говорится: страны — участницы БРИКС содействуют развитию сотрудничества и обменам в различных сферах культуры: в музыке, театре, библиотечном и музейном деле, сохранении культурного наследия, танцевальном, изобразительном, прикладном и цирковом искусстве, кинематографии». [5]

Министр культуры Российской Федерации обратил внимание на необходимость развития туризма между странами БРИКС: «Туризм — уникальный инструмент продвижения и популяризации наших культур. Мы знаем, что все наши партнеры по БРИКС придают огромное значение развитию туристской отрасли. Россия готова к обсуждению любых инициатив и проектов, которые предоставят нашим гражданам новые интересные маршруты путешествий по странам БРИКС, знакомящие с их историей, культурой, традициями и обычаями». [5]

В рамках сотрудничества между странами БРИКС реализуются десятки мероприятий в самых разных сферах культуры и искусства. В год 70-летия Победы над фашизмом в Китае, Бразилии, Индии и ЮАР прошли юбилейные мероприятия, связанные с этой датой, — открываются выставки, посвященные Победе, проводятся кинопоказы российских фильмов о войне. В Гонконге с большим успехом прошла Неделя российского кино. В России продолжается фестиваль индийской культуры «Намасте, Россия!». На недавнем Международном кинофестивале в Пекине

демонстрировалось шесть российских картин, одна из них — «Белая ночь» — принимала участие в основном конкурсе.

В мае 2015 года Министр культуры РФ Владимир Мединский провел переговоры о сотрудничестве и перспективах проката российских фильмов в Китае с руководством крупнейшей кинокомпании Китая China Film Group. В 2016 году в рамках «перекрестных» Культурных сезонов Россия — ЮАР прошли Недели российских фильмов, обменные мероприятия состоялись в нескольких городах КНР и в Бразилии. Расширяется межмузейное сотрудничество между Россией, Китаем и Индией: только в Китае в 2015 году реализовано 12 крупных выставочных проектов. В сентябре 2015 года в «Музее столицы» Пекина начнет работу историко-документальная выставка из собрания Государственного исторического музея «Победа. К 70-летию окончания Второй мировой войны». В 2015 году произошли подписание договоров о сотрудничестве, обмен специалистами и стажировками между крупнейшими российскими библиотеками и национальными библиотеками стран — участниц объединения и между национальными культурными центрами стран БРИКС. Еще одним знаковым событием в библиотечной сфере стала 81-я Генеральная конференция и Ассамблея Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), которая пройдет в Кейптауне (ЮАР). [2]

В совещании Министров культуры стран БРИКС в Москве в 2015 году приняли участие Министр культуры КНР Ло Шуган, Министр искусств и культуры ЮАР Нати Мтетва, глава Ассоциации киноиндустрии ЮАР Зама Мкоси, Чрезвычайный и Полномочный Посол Бразилии в РФ Антонио Геррейро, заместитель главы Дипломатической миссии Индии в РФ Сандип Арья, директор Департамента международных культурных связей Минкультуры Индии Монали Дхакате.

В 2016 году в Индии было подписано Соглашение между правительствами стран БРИКС о сотрудничестве в области культуры. Правительство Федеративной Республики Бразилии, Правительство Российской Федерации, Правительство Республики Индии, Правительство Китайской Народной Республики и Правительство Южно-Африканской Республики (БРИКС), исходя из деклараций, принятых на саммитах БРИКС в гг. Санья, Дели, Дурбане и Форталезе, осознавая важность расширения и углубления сотрудничества в области культуры, будучи убежденными в том, что культурный диалог вносит вклад в прогресс стран и укрепление взаимопонимания культур, способствуя сближению народов, будучи твердо приверженными ценностям БРИКС в духе открытости, инклюзивности, равенства, уважения культурного

многообразия, взаимного уважения и взаимопознания, согласились содействовать развитию сотрудничества и обмену в области культуры, в том числе музыкального и танцевального искусства, хореографии, театра, циркового искусства, архивного, издательского, библиотечного и музейного дела, культурного наследия, изящных, декоративных и прикладных искусств, аудиовизуальных работ, а также в других областях творческой деятельности.

Государства-члены БРИКС сотрудничают в сфере подготовки и повышения квалификации деятелей культуры и искусства в конкретных областях, способствуют обмену работниками научно-исследовательской сферы, университетскими исследователями, экспертами и студентами по программам, представляющим интерес, и разрабатывают совместные программы между учреждениями государств Организации, действующими в сфере культуры, искусства и подготовки соответствующих специалистов. Компетентные ведомства государств БРИКС обмениваются информацией о проводимой в их государствах деятельности в сфере культуры, предусматривающей обмен творческим и научным опытом.

Государства БРИКС содействуют расширению сотрудничества в таких областях, как охрана, сохранение, реставрация, возврат и использование объектов культурного наследия, оказывают взаимное содействие и помощь в управлении объектами культурного наследия и подаче заявок на включение таких объектов в Список всемирного наследия. [5]

Национальным учреждениям и организациям стран БРИКС рекомендуется: организовывать демонстрацию аудиовизуальных работ и участие профессионалов аудиовизуальной сферы в международной деятельности согласно правилам и предписаниям государств-членов БРИКС. Государства-члены БРИКС поощряют сотрудничество между библиотеками и музеями своих государств, в том числе посредством организации выставок.

Сотрудничество в сфере культуры стран БРИКС направлено на реализацию согласованных действий, повышение статуса национального и мирового культурного и природного наследия в общественной жизни стран БРИКС и включение вопросов сохранения и использования объектов культурного наследия, в том числе их участия в программах и планах социально-экономического развития стран БРИКС.

Инвестирование в межкультурную подготовку и взаимодействие стран БРИКС в сфере культуры, в том числе по общему образованию на националь-

ном языке; перевод и печать самых известных произведений; производство телевизионных программ и создание специализированных ресурсов в информационной сети; реализация совместных проектов в сфере культуры, которые способствуют развитию духовных ценностей на высоком техническом и художественном уровне.

Повышение осведомленности и продвижение сотрудничества между государственными органами разных уровней, организациями и экспертными сообществами стран БРИКС в области обмена опытом по эффективному национальному и международному управлению в сфере культуры, в том числе через создание информационных центров и центров коммуникации БРИКС; создание постоянного сетевого экспертного сообщества в сфере культуры и гражданских инициатив стран БРИКС. [3]

Одной неотрывной частью культурного обмена является обмен студентами. Со стороны КНР предлагаются различные стипендии, чтобы финансировать талантливых учащихся учиться в Китае, в том числе стипендия китайского правительства, стипендия Института Конфуция, стипендии провинций и регионов. У разных филиалов Института Конфуция есть свое преимущество в отборе студентов, поскольку они хорошо знают студентов разных стран. Активно сотрудничая с разными учебными заведениями, вместе с посольством Китая, они выбирают выдающихся молодых учащихся и финансируют их учёбу. Это и укрепляет статус Института Конфуция как авторитетное учреждение по преподаванию китайского языка. Для увеличения интенсивности студенческих обменов, Институт Конфуция также организует летние лагеря для краткосрочного обмена студентов и других учащихся. [4]

У разных национальностей разные праздники и обычаи, что и отражает культуру национальностей, происхождение и формирование традиционных праздников также содержит много культурной информации. По каждому китайским традиционным праздникам, Институт Конфуция организует соответствующие фестивали, семинары, лекций о культуре, путём различных выставок, киношоу, конкурсов по языку и регионоведению, культурных семинаров и других мероприятий, студенты чувствуют праздничную атмосферу и понимают традиционные праздники Китая. Китайские традиционные праздники все больше знают за рубежом. Углубление знания студентов о истории, культуре, языке, социальном развитии, современном Китае способствует дальнейшему развитию культурного обмена между странами и углублению взаимопонимания и дружбы между народами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайт Министерства науки и технологии. URL: http://www.most.gov.cn/kjbgz/201403/t20140310_112225.htm
2. Сайт Министерства образования КНР, Юань Гуйжэнь принял участие в первом заседании министров образования БРИКС и ЮНЕСКО. URL: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_1485/201311/159192.html
3. Сайт штаб-квартиры Институтов Конфуция, URL: http://www.hanban.edu.cn/confuciousinstitutes/node_10961.htm
4. Сайт БРИКС. Сетевой университет БРИКС. URL: <http://www.brics2015.ru/news/20150516/90741.html>
5. Соглашение между правительствами государств — членов БРИКС о сотрудничестве в области культуры. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420286688>

© Чжэн Цзелань (Jielan@list.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ НАРКОЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

THE FORMATION OF DRUG-ADDICTED BEHAVIOR AS A SOCIAL-PSYCHOLOGICAL PROBLEM

A. Vislova

Summary. The article considers social and psychological aspects of addiction from narcotic substances. Analyzes the motives and personality traits predisposing to drug use. The stages of formation of drug addiction and reveals the characteristic features of abuse behavior.

Keywords: drugs, addiction, drug addiction behavior, teenagers, motives of drug use, accentuation of character.

Вислова Аминат Данияловна

*С.н.с., д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт
гуманитарных исследований (г. Нальчик)
avislova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются социальные и психологические аспекты развития зависимости от наркотических веществ. Анализируются мотивы и личностные черты характера, предрасполагающие к приему наркотиков. Представлены этапы формирования наркозависимости и раскрываются характерные особенности наркоманического поведения.

Ключевые слова: наркотики, наркомания, наркозависимое поведение, подростки, мотивы употребления наркотиков, акцентуации характера.

В подростковой среде XXI века нарастает формирование своеобразного «наркоманического» сознания. Жизненный успех, духовное развитие и общение подчиняется опыту, приобретенному посредством употребления наркотических веществ. Все чаще говорится о престижных наркотиках и возможности его приобретения. Во многом это служит идейной основой для оправдания наркоманического образа жизни.

В свою очередь, исследователи широко обсуждают вопросы о том, кто склонен к употреблению наркотиков, почему это происходит и как это начинается.

Среди множества исследований, посвященных мотивации употребления наркотиков, отметим исследование Т.И. Петраковой с сотрудниками, в котором подчеркивается, что психологическая готовность к употреблению психоактивных веществ определяется личными убеждениями, давлением группы и авторитета, конформизмом, демонстративным протестом против мнения окружающих, стремлением к самоутверждению, снятием эмоционального напряжения. Исследователи утверждают, что «мотивация, связанная с конкретными ситуациями, несущими негативные аффективные переживания, играет важнейшую роль в формировании активизации особого «состояния готовности» к употреблению наркотических веществ» [1].

П.Д. Шабанов, автор руководства по наркологии, компетентно утверждает, что мотивом первого приема наркотических веществ является подражание, стремление

походить на старших, быть независимым в принятии решений [2].

Однако определить, какие именно мотивы и факторы риска являются ключевыми для формирования потребности в наркотических средствах, не так просто. Так, например, по инерции принято считать важным фактором, обуславливающим первое употребление наркотика, — неосведомленность о его вреде. Данные нашего исследования, проведенного среди школьников и активных наркоманов, свидетельствуют, что абсолютное большинство подростков относятся отрицательно к употреблению наркотиков и других одурманивающих веществ и, практически никто не выразил позитивного отношения. Тем не менее, это не послужило для подростков-наркоманов барьером в приобщении к наркотикам. Во многих случаях первая проба наркотика произошла в возрасте 15 лет. Основными причинами называются: «любопытство», «скука», «нечего делать» и «просто так» [3].

Мотивы приема наркотиков различны. Согласно данным М.Е. Поздняковой, на первом месте стоит стремление получить удовольствие, не предпринимая усилий в реализации жизненных потребностей. Далее следует «скука», «разочарование в жизни», «так все поступают в моей компании», «семейные неурядицы», «лишение свободы», «потеря близкого человека» [4].

Характеризуя наркозависимых пациентов Ю.П. Лисичин и П.И. Сидоров отмечают нравственную незрелость их личности, которая проявляется в следующих симпто-

мах: отрицательное отношение к обучению и низкий образовательный уровень; отсутствие социально значимых установок; узкий круг и неустойчивость интересов, отсутствие увлечений и духовных запросов; неопределенность в вопросах профессиональной ориентации, отсутствие установки на трудовую деятельность; дефицит мотивации поведения, уход от ответственных ситуаций и решений; утрата «перспективы жизни», утрата видения путей развития своей личности [5].

Н.Г.Найденова с соавторами в качестве психологических факторов формирования наркоманического поведения также рассматривает сочетание ряда особенностей личности. К ним они относят: несформированность высших эмоций, ограниченность интересов, отсутствие установок на труд и другую общественно полезную деятельность; низкий внутренний контроль, стремление к искусственному изменению своего состояния, обусловленному психической неуравновешенностью, чувством внутренней напряженности, патологическим стремлением к самоутверждению или гедонистическими тенденциями; эмоционально-волевым дисбалансом, расторможенностью влечений и нарушением психологических адаптивных механизмов [6].

Во многих работах можно найти длинный перечень личностных черт, характерных для наркозависимых подростков. Так, в работе С.А.Шейна и Т.Л.Чугуновой, указывается, что для несовершеннолетних характерно: установка на быстрое удовлетворение потребностей при минимальных затратах усилий; установка на пассивные способы защиты при столкновении с трудностями; уход от ответственности за свои поступки; импульсивный характер поведения; узость интересов; перенос активности в сферу досуга; гиперкритицизм в сочетании с конформизмом внутри своей возрастной группы; чувство исключенности из социального процесса; игнорирование статусных позиций; неопределенность жизненной перспективы; нравственный инфантилизм [7].

К числу регуляторов моделей поведения подростков, которые могут вызвать интерес к наркотикам, исследователи называют различные поведенческие реакции — эмансипации и «группирования» со сверстниками. Однако перечисленные особенности личности не оказывают фатального воздействия на формирование наркозависимости, и обобщенный личностный портрет наркомана характеризует лишь один полюс этого сложного социально-психологического явления.

Из литературы известно, что французские писатели Шарль Бодлер, Теофил Готье, Жерар де Нерваль, Артур Рембо организовали клуб любителей гашиша и описали свой опыт потребления этого наркотика. Такие художники, писатели и поэты как Э. Юнгер, Э. Блох, В. Бенджамин,

Г. Гессе при помощи конопли пытались проникнуть в новые области восприятия и познания. Наркотики погубили многих известных звезд эстрады и кино — Джимми Хендрикс, Элвис Пресли, Мэрилин Монро.

Под влиянием идей К. Юнга, английский психолог Айзенк выдвинул гипотезу, согласно которой интроверты, имеющие больший уровень возбудимости коры головного мозга, активнее стремятся к саморегуляции психики с помощью приема депрессантов (алкоголя, барбитуратов и др.). Это нужно им для компенсации высокого уровня возбуждения. Экстраверты, имеющие обычно более низкий уровень возбудимости, чаще прибегают именно к стимуляторам — кофеину, никотину и др., которые необходимы им для коррекции поведения и психики в интровертированном направлении [8].

Наркотики — это вещества, которые вмешиваются в естественные процессы организма. Пристрастие к наркотикам выражается в физической и психологической зависимости [9]. О физической зависимости говорят в тех случаях, когда тело включило наркотик в обмен веществ. Психологическая зависимость имеет место тогда, когда еще нет физической зависимости, но есть очень сильное стремление продолжать его употребление, когда отсутствие удовлетворения этой потребности сопровождается депрессией. Две наиболее опасные грани наркозависимости стимулируют большое число практико-ориентированных исследований со стороны не только врачей — наркологов, но и патопсихологов.

В соответствии с материалами Всемирной организации здравоохранения наркоманами и токсикоманами можно считать тех людей, у которых:

- ◆ вследствие часто повторяемого приема натурального или синтетического ядовитого вещества возникает состояние периодической или хронической интоксикации, представляющей вред и опасность для них самих или их окружения;
- ◆ наблюдается почти или совершенно непреодолимое влечение к этому яду;
- ◆ нет возможности самостоятельно отказаться от приема наркотика;
- ◆ внезапное прекращение приема наркотика вызывает физически и психически непереносимое состояние.

Эксперты ВОЗ отмечают, что среди потребителей наркотиков чаще всего действуют один или несколько мотивов. Ведущим для лиц молодого возраста является удовлетворение любопытства относительно действия наркотического или другого одурманивающего средства. Следующим по значимости является подражание или, как это формулируется в докладе экспертов ВОЗ «испытание чувства принадлежности, с целью быть принятым опреде-

ленной группой». Иногда приобщение к наркотикам является проявлением «независимости» от требований семьи или педагогов, что проявляется в сознании подростков как «чувство взрослости». Еще одна причина, толкающая молодежь к наркотикам — влияние моды. В возникновении такой «моды», по словам наркологов, существенную роль играют противонаркотическая неподготовленность молодежи, дефекты их знания о наркотиках и последствиях их применения [10].

Однако в ряде исследований отмечается, что заявления о любопытстве в качестве исходной мотивации в формировании наркозависимого поведения — это типичный защитный мотив. М. В. Михлин и Е. А. Дюбин придерживаются данной точки зрения и утверждают, что человек спокойно смотрит правде в глаза, если она ему приятна. Не признаваясь в собственном слабости и нечестности, бояливости и уступчивости, уклонении от трудностей и капризности, он охотно признает себя любознательным, тем более что любопытство относится к социально поощряемым побуждениям. Экспериментально-психологический анализ подтвердил, что защитная мотивация и не вполне осознанное стремление к изменению своего психологического состояния иногда приобретают обличье любознательности. Авторы обращают внимание на принуждающее влияние моды. Приверженность моде является распространенным социально-психологическим механизмом, создающим суррогат престижа, личной значимости. В зависимости от личного опыта, системы установок и ценностей для части молодых людей могут стать привлекательными модные шаблоны наркоманической субкультуры» [11].

С. В. Березин с соавторами расширяет наше представление о процессе формирования психофизиологической зависимости, описывая следующие этапы:

Первый этап — эксперимент. Это самая начальная стадия потребления, когда молодые люди исследуют изменения своего настроения в зависимости от наркотического вещества.

Второй этап — периодическое потребление — характеризуется известной степенью самоконтроля за частотой потребления и дозировкой.

Третий этап — регулярное потребление. Наблюдается явление, которое называется «самолечение». С помощью наркотика подросток стремится избавиться от плохих чувств, переживаний, состояний.

Четвертый этап — навязчивая идея. Здесь подростки начинают терять контроль над собой. Различные внешние и внутренние факторы служат оправданием их действий

(плохое настроение, вечеринка и т.п.). Наблюдается тенденция проводить меньше времени с теми друзьями, которые не принимают наркотики.

Пятый этап — формирование психофизиологической зависимости. Характерным является полная потеря контроля. Вместо эйфории психофизиологически зависимый наркоман получает лишь непродолжительную передышку от физических и душевных страданий. Его главной задачей становится стремление получить возможность чувствовать себя нормально.

Специалисты выделяют ряд признаков поведения, которые могут свидетельствовать о зарождении наркозависимости у подростков. К ним относятся: исчезновение денег или ценностей из дома; увеличение требуемой подростками суммы денег на карманные расходы; неожиданные перемены настроения от активности к пассивности, от радости к унынию, от оживленного состояния к вялому и инертному; необычные реакции (раздражение, агрессивность, вспыльчивость или чрезмерная раскованность и болтливость); немотивированные и нехарактерные приступы сонливости; потеря аппетита и снижение веса; потеря интереса к вещам, которые раньше были для подростка важными (хобби, учеба, спорт, друзья); резкое изменение круга друзей; появление скрытности в поведении; лживость, отказ сообщить о своем местонахождении; невнятная речь; неожиданное и беспричинное снижение успеваемости в школе [12].

Потребление наркотика является способом псевдодовлечения потребности и средство мнимого решения личностных проблем, что ведет к патологическим изменениям личности, которые проявляются в дезорганизации деятельности, ослаблении устойчивости эмоционально-волевой сферы, деформации ценностно-смысловой структуры личности, снижении познавательных процессов.

В основе патопсихологического подхода к проблемам наркозависимости лежит концепция А. Е. Личко о различных типах акцентуации характера в подростковом возрасте.

Согласно данным А. Е. Личко, риск ранней наркотизации поведения повышен у подростков неустойчивого и гипертимного типов. Для гипертимов характерно тяготение к приключениям и риску, к острым ощущениям и неизведанным переживаниям. Они склонны перепробовать на себе действие самых разнообразных дурманящих средств. Наиболее привлекательны для них те, которые вызывают эйфорию в сочетании с общительностью и активностью. Обнаружив возможность «исправить настроение» искусственным путем гипертимы могут все чаще прибегать к этому способу.

Для шизоидных подростков саморазрушающее, аддиктивное поведение составляет также определенную угрозу. Особенно привлекательны для них те средства, которые способствуют аутистическому фантазированию или служат «коммуникативным допингом», облегчают контакты со сверстниками.

Эпилептоидная акцентуация предопределяет большой риск саморазрушающего поведения. Опьянения нередко протекают по дисфорическому типу (затевают скандалы и драки, наносят тяжкие повреждения другим или сами оказываются жертвой и т.п.). Наркотики боятся. Опасаются повредить здоровью или оказаться в рабской зависимости от источников снабжения ими. Но если начинается злоупотребление наркотиками, то патологическое влечение пробуждается быстро и проявляется сильно. Поэтому, пишет А.Е. Личко, среди подростков-наркоманов и токсикоманов представители эпилептоидного типа составляют значительный процент.

Конформный тип акцентуации проявляется у подростков, которые легко попадают под чужое влияние и некритически оценивают установки неформальных групп, членами которых они являются. Трусливость и слабоволие делают их зависимыми от более стеничных сверстников, для которых они оказываются вынужденными «таскать каштаны из огня». Таким образом, судьба этих подростков определяется тем окружением, в которое они попадают.

Подростки с истероидными чертами, пишет А.Е. Личко, «могут пасть жертвой собственных притязаний на исключительность», доказывая, что им «все нипочем» и они всех могут «перепить» и все «перепробовать» [13].

Некоторые авторы различают два основных типа наркоманов: *seakers* (искатели) и *heads* (головы).

К первому типу относятся люди, которые проводят эксперименты с наркотиками и, сравнивая их, находят новый смысл человеческого бытия. Они употребляют наркотики эпизодически и в перерывах анализируют пережитые впечатления. Это люди импульсивные, склонные к самоанализу, пытливые.

Ко второму типу принадлежат те, кто до и во время приема наркотиков обнаруживают серьезные отклонения личности. Из-за неразрешенных внутренних конфликтов, неуверенности и депрессии они начинают употреблять наркотики чаще и в больших количествах, что с неизбежностью ведет к формированию психической зависимости.

От нормальных подростков их отличают следующие симптомы: постоянно присутствующая легкая депрессия, беспокойство, подозрение, частые размышления над соб-

ственной индивидуальностью, независимостью и свободой мысли и слова, трудности в обычном общении с окружающими.

Среди комплекса причин, обуславливающих риск формирования наркозависимости, большое значение имеет фактор возраста. Как пишет известный детский врач и крупный специалист в области возрастной физиологии Д.В. Колесов, «поведение человека, которому предлагают попробовать наркотическое вещество, в существенной степени определяется его возрастными психологическими особенностями» [14].

Как известно, трудности подросткового возраста являются серьезной психолого-педагогической проблемой. Подросток находится на «перекрестке» возрастов жизни. Он принадлежит одновременно и детскому, и взрослому миру. Как ребенок, он зависит от взрослых; как взрослый, он находится на пути самоопределения, построения своей жизненной перспективы [15].

Психологические задачи подростков связаны с самоопределением в трех сферах, т.е. в трех линиях развития — физической, психологической и социальной. Возрастные психологи и психофизиологи считают, что проблемы подросткового возраста могут быть обусловлены поиском путей удовлетворения шести основных потребностей. Это физиологическая потребность, которая запускает физическую и сексуальную активность подростков; потребность в безопасности, которую подростки удовлетворяют благодаря принадлежности к группе. Существуют также потребности в независимости и эмансипации от семьи; в привязанности; в успехе, в проверке своих возможностей; и, наконец, в самореализации и развитии собственного «Я» [16].

В литературе часто встречается понятие «трудный подросток». Что это значит? Ответ известен. Он содержится в документальном фильме литовского режиссера Ю. Подниекса «Легко ли быть молодым?». Неопределенность социального положения в обществе; возникновение социально-психологических экстремальных ситуаций, для выхода из которых молодой человек не получает помощи ни со стороны семьи, ни со стороны школы, ни со стороны общества; противоречия, обусловленные изменением механизмов социального контроля (детские формы контроля уже не действуют, а взрослые способы, основанные на сознательной дисциплине и самоконтроле, еще не сложились). Именно эти причины во многом обуславливают возникновение девиантного поведения [17].

В.В. Барцалкина, изучая истоки раннего приобщения к наркотикам, выявляет внешние и внутренние причины этого феномена. «Ориентируясь на целостного человека,— пишет она,— надо рассматривать его в нераз-

рывной связи с его возрастными и индивидуальными особенностями, а также с тем окружением, в котором он живет и развивается и где могут скрываться корни его вредных привычек». Одной из главных причин, по которой подростки начинают свое знакомство с наркотиками, является желание самоутвердиться за счет приобщения к своеобразной «элите», способной ощутить «высокие переживания», недоступные «серым», простым людям. Уходят в «кайф» от пустоты реальной действительности, от всецельной власти авторитетов, от «двойной» морали взрослого мира, от чрезмерной рационализации и регламентации общественной жизни, ограничивающей возможности творческой реализации человека [18].

На фоне экономической и социальной депривации потребление наркотиков подростками приобретает форму эпидемии. С каждым годом число начинающих употребление наркосодержащих веществ возрастает и особенно интенсивно — в возрасте 13–15 лет.

Статья 33 Конвенции ООН о правах ребенка предписывает всем государствам — участникам этого международного документа «принимать все необходимые меры, включая законодательные, административные и социальные меры, а также меры в области образования, с тем,

чтобы защитить детей от незаконного употребления наркотических средств и психотропных веществ, как они определены в соответствующих международных договорах, и не допустить использования детей в противозаконном производстве таких веществ и торговле ими». Однако, как отмечают специалисты, в Российской Федерации исполнительская дисциплина по реализации этого положения еще не налажена в той мере, в какой того требует существующая наркоманийная ситуация в подростковой среде.

Обобщая, можно сказать, что определяющими факторами обращения к наркотикам являются социальные и психологические условия жизни, факторы группового влияния, непосредственное психофизиологическое воздействие наркотиков, вызывающее иллюзорное удовольствие. Те или иные психопатические черты характера, психопатоподобное поведение или акцентуации характера, т.е. заострение отдельных черт личности, ведут к формированию наркозависимости лишь при особых обстоятельствах. Все представленные признаки наркозависимости могут совпадать с типичными особенностями подросткового поведения, поэтому проблему следует рассматривать комплексно и не делать слишком поспешных выводов.

ЛИТЕРАТУРА

- Петракова Т. И., Лимонова Д. Л., Меньшикова Е. С. Ситуационная мотивация потребления наркотиков у подростков. // Вопросы психологии, 1999, № 5. С. 31–35.
- Наркомании: патопсихология, клиника, реабилитация / П. Д. Шабанов, О. Ю. Штакельберг. СПб.: Лань, 2000. 367с.
- Вислова А. Д. Психолого-педагогические и социальные аспекты формирования и профилактики наркотической зависимости у детей и подростков: дисс. ... к. психол. Наук. М., 2001. 168с.
- Позднякова М. Е. Наркомания: ситуация, тенденции и проблемы. Вып. 2. М.: ИС РАН, 2002.
- Лисицын Ю. П., Сидоров П. И. Алкоголизм (медико-социальные аспекты). Руководство для врачей. М. Медицина, 1990. 528с.
- Найденова Н. Г. Радченко А. Ф. Методы ранней профилактики наркомании и токсикомании. // Новые формы организации наркологической помощи населению и профилактики алкоголизма. М., 1989. С. 45–48.
- Шейн С. А., Чугунова Т. Л. Возможности психологической диагностики и коррекции подростково-юношеской наркомании/ Предупреждение наркомании и токсикомании несовершеннолетних. Минск, 1987. С. 24–31.
- Борьба с наркоманией: проблемы и перспективы / отв. ред. Е. Г. Мартынич. Кишинев: Штиинца, 1990. 219с.
- Вислова А. Д. Модели формирования и профилактики наркозависимого поведения. Нальчик: ГП КБР РПК, 2009. 208с.
- Ураков И. Г. Наркомания: мифы и действительность. М: Медицина, 1990. 64с.
- Михлин М. В., Дюбин Е. А. Осторожно: белая смерть. Кишинев, 1989. 213 с.
- Березин С. В., Лисецкий К. С., Назаров Е. А. Психология наркотической зависимости и созависимости. Монография. М.: МПА, 2001.
- Личко А. Е. Психопатия и акцентуация характера у подростков. Л.: Медицина, 1983.
- Колесов Д. В. Не допустить беды. М.: Педагогика, 1998. 160 с.
- Кривцова С. В. Подросток на перекрестке эпох. М.: Генезис, 1997. 288 с.
- Алексеева Л. С. Социально-педагогический аспект мониторинга состояния наркотической зависимости детей и подростков // Отечественный журнал социальной работы, 2011. № 2. С. 71–76.
- Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения: учебное пособие. СПб., 2007. 160с.
- Барцалкина В. В. Некоторые психолого-педагогические аспекты антинаркотической пропаганды / Психологические проблемы выявления и коррекции отклоняющегося поведения школьников. М., 1990. С. 132–138.

ВЛИЯНИЕ ТРАВМАТИЧЕСКИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ У ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В ЗАМЕЩАЮЩЕЙ СЕМЬЕ, НА ОТНОШЕНИЕ К СЕБЕ И ДРУГИМ

Волчанская Виктория Олеговна

Аспирант, Московский государственный областной
университет
vmerkul@mail.ru

THE IMPACT OF TRAUMATIC EXPERIENCES IN ADOLESCENTS BROUGHT UP IN THE FOSTER FAMILY, THE ATTITUDE TOWARDS YOURSELF AND OTHERS

V. Volchanskaia

Summary. In our country, government policy on orphans and children left without parental care has unambiguous direction — the transfer of children to grow up in families of citizens. This line determines the need for development of the sector of psychology that studies the characteristics of children in foster care, in particular, the aspect of the impact of traumatic experiences in teenagers who are brought up in a foster family, the attitude towards oneself and others, as it will allow to develop the forms and methods of work with both child, and with the family.

Psychological studies show that overall physical and mental development of children orphaned different from the development of their peers growing up in families.

“Home” Children see themselves as a whole is positive and believe that others are also valued highly enough, the children from the orphanage for the most part give yourself a negative assessment, and reflective self-portrait from them worse.

These data are, first of all, say that for teenagers from the orphanage central acts Communication (since moral qualities primarily govern the interaction with other people and society as a whole), for the ‘home’ school — mastering his own behavior and his self. And in this sense of “home” school, it can be considered a mature personality. After all, the search for identity, self-determination of the activity is a sign of youth, as well as the activities of communication — characteristics peculiar to adolescence, and especially — younger teens.

Keywords: orphans, substitute family, adolescents, traumatic experiences.

Аннотация. В нашей стране государственная политика в отношении детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеет точно выраженное направление — передача детей на воспитание в семьи граждан. Данное направление определяет необходимость развития отрасли психологии, изучающей особенности детей, воспитывающихся в замещающих семьях, в частности, аспект влияния травматических переживаний у подростков, воспитывающихся в замещающей семье, на отношение к себе и другим, так как это позволит выработать формы и методы работы как с ребенком, так и с самой семьей.

Психологические исследования свидетельствуют о том, что общее физическое и психическое развитие детей-сирот отличается от развития ровесников, растущих в семьях.

«Домашние» дети оценивают себя в целом положительно и полагают, что окружающими они также оцениваются достаточно высоко, дети из детдома в большинстве своем дают себе негативную оценку, а рефлексивный автопортрет у них еще хуже.

Эти данные, прежде всего, говорят о том, что для подростков из детдома центральным выступает общение (так как нравственные качества в первую очередь регулируют общение с иными людьми, с обществом в целом), для «домашних» школьников — овладение своим собственным поведением и своей собственной личностью. И в данном смысле «домашних» школьников, можно считать более зрелыми личностно. Ведь поиск идентичности, деятельность самоопределения является знаком юности, а как деятельность общения — характеристика, которая свойственна подростковому и особенно — младшему подростковому возрасту.

Ключевые слова: дети-сироты, замещающая семья, подростки, травматические переживания.

В современной России довольно остро стоит вопрос о воспитании детей, оставшихся без попечения родителей. Хоть и численность таких детей постепенно сокращается, она все равно остается достаточно высокой — численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России остается высокой. На начало 2016 года на учете состоит более 82 тысяч детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [10].

В нашей стране государственная политика в отношении детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеет точно выраженное направление — передача детей на воспитание в семьи граждан. Данное направление определяет необходимость развития отрасли психологии, изучающей особенности детей, воспитывающихся в замещающих семьях, в частности, аспект влияния травматических переживаний у подростков, воспитывающихся в замещающей семье, на от-

ношение к себе и другим, так как это позволит выработать формы и методы работы как с ребенком в рамках замещающей семьи, так и с самой семьей, как сложной структурой, которая имеет потенциал создания среды для развития и формирования наиболее здоровой личности.

Влияние переживаний подростков на систему его отношений с собой и миром

Психологические исследования свидетельствуют о том, что общее физическое и психическое развитие детей-сирот отличается от развития ровесников, растущих в семьях. Как отмечают Лисина М. И., Мухина В. С., прожив какое-то время в учреждениях для детей-сирот, подростки часто не готовы к лишению привычного уклада жизни и испытывают трудности в формировании системы отношений с собой и миром [18].

По данным Л. М. Шипициной привязанность между ребенком и родителями (лицами, их заменяющими), формирование союза ребенка и взрослого, обеспечение стабильности (длительности) отношений и качества коммуникации между ребенком и взрослым очень важны для нормального развития ребенка [14]. Привязанность к родителям дает ребенку возможность развить базовое доверие к миру и положительную самооценку, нарушение этой привязанности в отношении родителей мешает нормальной социализации подростков и их коммуникаций в замещающей семье.

Во многих отечественных исследованиях (Л. И. Божович, И. В. Дубровина, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых и др.) высказывается идея формирования особого типа личности у ребенка, воспитывающегося в детском доме.

Характер травматических переживаний подростка, связанных с кровной семьей, влияет на особенности отношения к окружающему миру. Дети, пострадавшие от аддиктивного и эбьюзного поведения отца (жестокое обращение), хуже адаптировались в школе, чем дети, пережившие аддиктивное поведение матери [9].

Н. Н. Толстых и А. М. Прихожан проведен психологический анализ отношения к себе и к окружающим подростка, имеющего опыт жизни вне семьи. Подростки должны были ответить на вопросы и сформулировать портрет «Я, каким кажусь другим» и «Я, каким кажусь себе», было проведено сравнение с подростками, не имеющими такого травматического опыта.

При выполнении данного задания между подростками с опытом травмирующих переживаний и без была выявлена разница в том, что если «домашние» дети оце-

нивают себя в целом положительно и полагают, что окружающими они также оцениваются достаточно высоко (порой даже ожидаемая оценка окружающих, которая отражается в рефлексивном автопортрете, становится выше личной), то дети из детдома в большинстве своем дают себе негативную оценку, а рефлексивный автопортрет у них еще хуже. В частности, подростки 14–15 лет из детского дома описывают свой автопортрет так: «Во мне есть немного эгоизма (это есть в каждом), но я могу поддерживать товарищей, помогать им», а в рефлексивном: «Способный много дать коллективу, но не желает, полный эгоист... Не желает принять какие-либо требования со стороны коллектива».

Если сравнить содержательные характеристики образа «Я» у двух групп подростков, то можно отметить, что дети из детдома, описывая себя, главным образом говорят о своих нравственных свойствах (причем негативных): «грубый», «непослушный», «лентяй», «врун», и т. п. У «домашних» детей также встречались отрицательные качества, тем не менее, чаще позитивные: «умею дружить», «добрый», «трудолюбивый». При этом подобные характеристики у них не превышают трети от общего числа, основную часть занимают эмоционально-волевые характеристики: «организованный», «сдержанный» или «нет никакой силы воли», «разболтанный». Эти качества у подростков из детского дома составляют меньше 15% (а в массовой школе — 55%).

По наблюдениям за реальным поведением подростков из детдома Н. Н. Толстых и А. М. Прихожан отмечено, что у них много проблем, которые связаны с недостаточным формированием эмоционально-волевых качеств: они часто бывают раздражительными, несдержанными, не могут себя заставить выполнить какое-то дело без давления со стороны взрослых. Тем не менее данные очевидные особенности их поведения и особенности личности не отражаются в их «образе Я». У «домашних» подростков также существует множество проблем, которые связаны с недостаточным формированием эмоционально-волевой сферы личности, но в отличие от подростков из детдома они эти проблемы включают в картину своего «образа Я».

А. М. Прихожан и Н. Н. Толстых полагают, что эти данные, прежде всего, говорят о том, что для подростков из детдома центральным выступает общение (так как нравственные качества в первую очередь регулируют общение с иными людьми, с обществом в целом), для «домашних» школьников — овладение своим собственным поведением и своей собственной личностью [17]. И в данном смысле «домашних» школьников, можно считать более зрелыми личностно. Ведь поиск идентичности, деятельность самоопределения является признаком юности, а как деятельность общения — характеристика,

которая свойственна подростковому и особенно — младшему подростковому возрасту.

А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых также проведен детальный анализ высказываний подростков, которые касаются отношений с другими людьми, и выявлены определенные различия. Как правило, «домашние» дети акцентируют свое внимание на личных качествах, помогающих или мешающих им быть хорошим другом, кроме того — на своих умениях, а вернее на неумениях, проблемах в понимании окружающих людей. Акцент на данных качествах, который отмечает наиболее проблемные для всякой личности стороны общения, указывает на признание другого как автономной личности, которая имеет свой собственный, многогранный, суверенный и уникальный внутренний мир.

У подростков с опытом жизни в детском доме подобные темы абсолютно непопулярны. Как правило, они выделяют, описывая себя, лишь свое отношение к окружающим людям. Много внимания воспитанниками детдома уделяется также тому, как они умеют находить общий язык с другими людьми.

Исследователи полагают, что в результате их работы у подростков, имеющих опыт травматических переживаний, выявлен абсолютно особенный тип психического развития, про который нельзя говорить, что он медленнее или хуже, чем у домашних детей [17]. Он просто является другим. Его нельзя отнести к современной норме, умственной отсталости, форме той или другой психической патологии. Это особенный тип, который связан со спецификой формирования ребенка, пережившего травматический опыт, который связан с депривационными условиями сиротского учреждения.

Опыт жизни в любом сиротском учреждении, независимо от его качества, накладывает на развитие ребенка тяжелый отпечаток. Доказано: чем дольше дети живут в сиротском учреждении, тем сложнее им адаптироваться в замещающей семье. Жизненный опыт ребенка, оставшегося без попечения родителей, предостерегает его от доверия, привязанности, глубоких чувств. Он воспринимает этот мир как опасный и ненадежный, мир, где в любой момент может произойти личная катастрофа. Властные фигуры этого мира — взрослые, и они управляют ребенком, как хотят, в то время как от него самого ничего не зависит. В результате у ребенка формируется твердое убеждение, что любить его невозможно и ничего стоящего из него не получится [11].

Боулби, впервые описавший влияние депривации на личность подростка, придумал термин «бесчувственный психопат» [6]. В.Н. Ослон в своем исследовании показывает, что это свойственно для детей

в замещающих семьях. Однако анализ медицинских заключений показал, что ни одному ребенку не был выставлен диагноз «психопатоподобный синдром». В условиях детского дома дети вели себя достаточно спокойно. Однако, включившись в коллектив «домашних» сверстников, они начали провоцировать негативное внимание к себе. Дети испытывали значительные трудности в установлении отношений доверия и принятия. Стереотип самыми вызывающими и травматическими способами привлекать к себе внимание абьюзных родителей отразился и на поведении ребенка в социальном окружении.

Для обеспечения нормального формирования психики и предотвращения ее девиаций большое значение имеет динамическая оценка психического развития и при необходимости создание для него более благоприятных условий. Для гармонизации личностных черт, в целом, полезна пропаганда таких воспитательных воздействий в семье и детских учреждениях, которые бы способствовали умению бороться с трудностями, управлению своими эмоциями, ограничению своих притязаний в соответствии с возможностями и т.д. Более старшим детям следует дать, хотя бы, минимум знаний и навыков, необходимых для понимания психической деятельности и посильного ее регулирования. Не только забота о душевной жизни, но и внедрение физической культуры и спорта сделают детскую личность менее ранимой. Необходима также хорошая психологическая подготовка детей к общению с другими людьми, в том числе и противоположного пола. Все требования к детям, к их психическим и физическим возможностям должны быть сбалансированы в соответствии с возрастом и полом.

Сравнительный анализ характера переживаний подростка в зависимости от эффективности замещающей заботы

Переживания подростка, влияние его травматических переживаний на отношение к себе и другим зависит от особенностей замещающей семьи и эффективности замещающей заботы.

В частности В.Н. Ослон указывает, что проблемы школьной адаптации приемных детей обусловлены многими факторами, среди которых — особенности замещающей семьи [9]. Другие факторы включают в себя проявление депривационных паттернов поведения ребенка со сверстниками (62% упоминаний респондентов) и взрослыми, отношение последних к сироте, нередко сопровождающееся нетерпимостью и негативным вниманием (37,9% упоминаний), страхом перед «сиротской агрессивностью» (26% упоминаний), опытом обучения в условиях сегрегационного учреждения (32% упоминаний).

Именно замещающая забота позволяет подросткам адаптироваться. Окружение в классе может быть враждебным — помещение в класс приемного ребенка вызвало у учителей и родителей домашних детей, особенно в первые полгода, значительное беспокойство. Учителя могут считать, что они не умеют обращаться с сиротами и не понимают функций приемных родителей. Сами дети-сироты, особенно те, кто уже обучался в условиях детского дома, где преподавал квалифицированный дефектолог, а количество детей в классе не превышало 8, однородных по социальному статусу, испытывают состояние шока, попав в общий класс (25–30 домашних детей) с неподготовленным учителем.

Вторым по значимости показателем, влияющим на отношения ребенка к окружающим, в том числе и в школе, является отношение в приемной семье. В.Н. Ослон выявлен парадоксальный феномен: чем лучше были отношения в замещающей семье, тем чаще дети совершали деликты (воровство) в семье, чем хуже — деликты переносились в школу.

Как показывает анализ данных, за 2 года у детей из эффективных замещающих семей результаты адаптивности в классе повысились примерно в 3,5 раза.

По экспертным оценкам учителей, через полтора года у них нивелируются «сиротские проявления», наблюдается «скачок» в адаптации к школе, и их уровень и темп адаптации соответствует аналогичным показателям успешных домашних детей. У приемных детей из семей с неэффективной заботой уже к году начинают проявляться позитивные результаты адаптации, а в полтора года они становятся более выраженными.

В целом, дети из эффективных замещающих семей более успешны в школьной адаптации, лучше взаимодействуют с социальным окружением. Это подтверждается и характером социальных ролей, которые дети исполняют в классе (экспертами выступали учителя). Анализ ролевой структуры указывает на различия социальных ролей у приемных детей в зависимости от уровня эффективности замещающей заботы. Первые три места у детей из неэффективных семей занимают негативные роли: «агрессор» (1 место), «жертва» (2 место), «клоун» (2 место). В первые полгода на третье место выходит роль «бесчувственного». В целом, это те роли, которые характерны для детей с депривационными нарушениями.

Дети из неэффективных семей не исполняют роли «липучки», которая характерна для детей из эффективных семей. Пережив абьюз по типу «жестокое обращение», они выстраивают границы «Я» как «тактильный (неприступный) барьер» между собой и другими.

Дети из семей с эффективной заботой, в основном, пытаются исполнять положительные роли. Выделяются истероидные компоненты поведения, которые отражаются в одной из ведущих потребностей ребенка быть в центре внимания. В восприятии учителей дети преимущественно исполняют роли «ответственного», «помощника», «положительного лидера». В полгода ведущей ролью является «липучка», что также отражает симптомы депривационных нарушений. Границы «Я» у детей из эффективных семей более слабые и прозрачные, чем у детей из неэффективных семей. Они нуждаются в более тесных, точнее, тактильно тесных отношениях. Данный паттерн отношений, сформированный в депривационных условиях, при включении ребенка в новую ситуацию начинает актуализироваться. Однако, уже к году, когда ситуация становится более стереотипной, значение данной роли нивелируется [9].

Переживание детей, переживших вторичное сиротство

За последние годы уменьшилось общее количество случаев отказа опекунов, приёмных родителей и усыновителей от детей, принятых на воспитание но все же, по разным причинам, отказы существуют. Данный феномен был назван вторичное сиротство. Согласно официальной статистике: «Количество случаев возврата детей обратно в детские дома росло и достигло нескольких тысяч ежегодно, в 2013 году было 6136 таких случаев, в 2014 году — 7834 случая, а в 2016 году — уже 6 тыс. случаев» [16].

Опасность этого явления заключается в том, что дети, возвращенные из семьи, к которой уже успели привыкнуть, обратно в детский дом, получают серьезную неизгладимую психологическую травму. Для подтверждения своих слов хотелось бы процитировать следующее: «Вторичное сиротство глубоко травмирует детей и влечёт их нравственную и психическую деградацию. Будучи брошенными второй раз в жизни, дети теряют оставшееся доверие к взрослым и разочаровываются в институте семьи, у них углубляются проблемы с привязанностью к близким людям» [4].

Последствия отказа для ребенка чудовищны. После такого шага со стороны приемных родителей он перестает верить вообще всем людям. Он не понимает причин подобного отношения к себе и потому абсолютно всех взрослых рассматривает как жестоких эгоистов. Ребенку невозможно объяснить, почему от него вновь отказались. Он начинает воспринимать каждого взрослого человека исключительно с отрицательной стороны. Исходя из этой новой позиции он меняет свое поведение: в лучшем случае сам становится эгоистом и начинает использовать окружающих, в худшем — теряет всякую веру в будущее. Чувство утраты родных он переживает очень долго —

от года до 5 лет: в этот период у него пропадает желание учиться, общаться и даже жить — многие, повторно брошенные дети пытаются покончить жизнь самоубийством. Устроить их снова в семью крайне трудно — скорее всего, вторая попытка тоже закончится возвратом.

Стоит отметить, что значительная часть возвращенных детей достаточно длительное время проживали в замещающих семьях (есть дети, прожившие в семьях от 1 года до 6 лет). Это, естественно, оказало влияние на их личностное развитие. Ими были усвоены иные ценности и нормы, выработаны иные механизмы адаптации, отличные от тех, которые приняты у воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Как правило, дети, прожившие в приемных семьях, отмечали положительные моменты, которые там происходили, и многие в дальнейшем изъявляли желание проживать в другой семье, но предъявляли к потенциальным приемным родителям гораздо большие требования.

Одна из основных причин вторичного сиротства — это низкий уровень подготовки замещающих семей. Неподготовленность психологическая и педагогическая, и не профессиональность замещающих семей, принявших на воспитание ребенка-инвалида является, чуть ли не самой главной причиной возврата детей обратно в детские дома. Чаще всего это происходит с наступлением у ребенка подросткового возраста, когда у приемных родителей появляются первые серьезные проблемы с воспитанием подростка, если выходки родного ребенка еще можно стерпеть, то от приемного проще отказаться. Опасность такого поведения приемных семей заключается в том, что, как правило, опеку берут в основном над малышами, подростков же усыновляют крайне редко, а это значит, что взяв ребенка в семью, а затем, отказавшись от него по достижению им подросткового возраста, мы практически лишаем его шансов обрести новую семью. Более того, подростки брошенные приемными родителями, очень часто склоны к девиантному поведению.

Сиротство является тяжелой участью, которая оставляет значимые травматические переживания и накладывает на всю жизнь подростка отпечаток, нередко стал-

кивая его на социальное дно. Мир для такого подростка превращается в пустыню, где нет никого, кто его мог бы поддержать.

Выходом из подобной ситуации является воспитание подростка в замещающей семье. Лишь в близких отношениях с членами семьи подросток вновь сможет обрести чувство любви и привязанности, научиться доверять другим, преодолеть состояние беспомощности и одиночества.

Воспитание приемного ребенка является безусловным благом с точки зрения подлинных человеческих ценностей, почетным делом — с позиции социальной значимости, и трудным — по психологическим задачам, стоящих перед замещающими родителями, которые они вынуждены решать в процессе помощи ребенку, чья судьба часто искалечена, и семьи, при том что замещающая привыкла жить по своим правилам, в процессе решения задачи превращения в единое целое — замещающую семью.

Таким образом, чем дольше дети живут в сиротском учреждении, тем сложнее им адаптироваться в замещающей семье, тем к опыту ребенка, оставшегося без попечения родителей, предостерегает его от доверия, привязанности, глубоких чувств. Для гармонизации личностных черт ребенка полезна подготовка ребенка к проживанию в семье, формирование качеств, которые бы способствовали умению бороться с трудностями, управлению своими эмоциями, ограничению своих притязаний в соответствии с возможностями и т. д. Не менее важной является подготовка замещающих родителей, принявших на воспитание подростков, сиблингов и детей с ограниченными возможностями здоровья.

Сейчас перед нашим обществом стоит важная задача — осознать свою причастность к воспитанию детей, которые остались без попечения родителей. Помочь им справиться с данной проблемой могут специалисты по психолого-социальной работе — сделать так, чтобы семья была «эффективной» в преодолении психологических проблем, а рассказывая о том, какая поддержка нужна людям, которые хотят взять ребенка из детского дома, об успешном опыте замещающих семей, о непродолжительном процессе адаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова, М. Н. Организация работы с приемными семьями [Текст] / М. Н. Акимова. — Самара.: Самвен, 2008. — 291 с.
2. Анисимова, В. В. Влияние опекунской семьи на личностные отношения [Текст]: дис. ... канд. псих. наук 19.00.13/ В. В. Анисимова. — М., 2003. — 148 с.
3. Араканцева, Т. А. Полорольевая социализация детей в приемной семье [Текст] / Т. А. Араканцева // Семья России. — 2002. — № 3 — с. 35–41.
4. Бережная, О. В. Психолого-педагогическое сопровождение детей-сирот как средство их социализации [Текст]: дис. канд. пед. наук: 13.00.01/ О. В. Бережная. — Ставрополь, 2005. — 191 с.
5. Большакова, Л. Н. Социально-психологическая адаптация родителей и детей в приемной семье [Текст]: дис. канд. психол. наук / Л. Н. Большакова. — Ярославль, 2004. — 236 с.

6. Боулби, Дж. Привязанность [Текст] / Дж. Боулби. — М.: Изд-во АСТ, 2003. — 240с.
7. Винникотт, Д. В. Разговор с родителями [Текст] / Д. В. Винникотт. — М.: Независимая фирма «Класс», 1994. — 222 с.
8. Осипова И. И. Система предотвращения социального сиротства: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.04 / Осипова Ирина Ильинична; [Место защиты: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского]. — Нижний Новгород, 2009. — 329 с
9. Ослон В. Н. Замещающая профессиональная семья как условие компенсации депривационных нарушений у детей-сирот: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.04: Москва, 2002281 с. РГБ ОД, 61:02—19/172-X
10. РИА Новости -URL: <https://ria.ru/adaptation/20160601/1441503135.html>
11. Психолого-педагогическое сопровождение адаптации детей-сирот к жизни в замещающей семье: научно-методическое пособие / Сост. Д. С. Занин, О. Н. Хахлова [Текст]. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. — 206с
12. Семикин В. В., Векилова С. А. Психологические аспекты проблемы отказа от усыновленных и приемных детей: вторичное сиротство// Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 7. — МО.: СВВТ, 2013. — С. 81—85
13. Серова, Е. В. Особенности страхов формирующейся личности в условиях замещающей семьи: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.01 / Серова Елена Валерьевна; [Место защиты: Современ. гуманитар. акад.]. — Москва, 2012. — 216 с.: ил. РГБ ОД, 61 13—19/37
14. Шипицына Л. М. Психология детей-сирот — СПб. 2013
15. Яковлева, Е.Л. Социальная адаптация детей-сирот в условиях трансформирующегося общества [Текст]: дис. канд. социол. наук: 22.00.04. / Е. Л. Яковлева. — Хабаровск, 2004. — 198 с.
16. Павел Астахов Уполномоченный при президенте РФ по правам детей//РИА Новости -URL: <http://ria.ru/society/20130418/933249993.html> (дата обращения: 20.01.16)
17. Прихожан, А. М., Толстых, Н. Н. Дети без семьи. Детский дом: заботы и тревоги общества. — М.: Педагогика, 2010
18. Лишённые родительского попечительства: Хрестоматия. Ред. сост. В. С. Мухина, М., 1991

© Волчанская Виктория Олеговна (vmerkul@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АСПЕКТЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ ЭЛЕКТРОННОЙ КУЛЬТУРЫ

ASPECTS OF TRANSFORMATION OF HUMAN PSYCHE IN THE SPACE OF ELECTRONIC CULTURE

N. Zhokhova

Summary. The article's author describes the computer virtual reality as a social and cultural phenomenon of doubling of reality; considers the creative possibilities offered by the Internet, for personal fulfillment; reveals the mechanism of skills transformation from the imaginary world to reality; underlines the ambivalence of the impact of the Internet on the human psyche.

Keywords: e-culture; computer systems of virtual reality; selfie and selfie (relationship selfie); phobias; game activity on the Internet.

Жохова Надежда Николаевна

Аспирант, Московский государственный областной
университет (МГОУ)
nikolaevna_na@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется компьютерная виртуальная реальность как социокультурный феномен удвоения действительности; рассматриваются творческие возможности, предоставляемые интернетом для самореализации личности; раскрываются механизмы переноса навыков из придуманного мира в реальность; отмечается амбивалентность воздействия интернета на психику человека.

Ключевые слова: электронная культура; системы компьютерной виртуальной реальности; селфи и релфи; фобии; игровая деятельность в интернете.

Распад Советского Союза и стран соцлагеря Варшавского договора совпал со вступлением нашего общества в постиндустриальную, усложнённую кибертехнологиями стадию развития. Сменилась парадигма: сверхмощные танки уступили место накрученным суперкомпьютерам. Повсеместное использование интернета — это эволюционный скачок в новое осевое время, в котором возникновение информационного сознания сравнимо по значимости со становлением научного мышления в железном веке.

На международных социально-экономических форумах стали сталкиваться концепции поиска социальной справедливости и интересы международного капитала. Противоречие между глобализацией мира и его национальной, территориальной, государственной, религиозной идентичностью вызвало напряжение и сопротивление в консервативных кругах. Учёные стали исследовать модели сетевого воздействия на жизнь социума, так как интернет и мобильная связь благодаря своей скорости и дешевизне не только неиссякаемые источники информации, но и самая мощная человеческая коммуникация, изменяющая до неузнаваемости жизненные стандарты [24, с. 8]. Стремительное проникновение новой коммуникации во все сферы жизни человека, его ответ на этот вызов постоянно дискутируются психологами, педагогами, военными, медиками, филологами, искусствоведами, социологами, философами, политологами, программистами, банкирами и другими специалистами. Например, в 2017 г. Сбербанк начнет

внедрять технологии распознавания лиц и голосов клиентов, эти технологии помогут полностью отказаться от использования пластиковых карт. Глава Сбербанка Герман Греф заявил на встрече в Высшей школе экономики, что если сравнить Сбербанк сегодня и пять лет назад, то 50% тех решений, которые принимались раньше людьми, сейчас принимаются значительно качественнее машинами. А ещё через пять лет в Сбербанке 80% всех решений будут обрабатываться автоматически с помощью искусственного цифрового интеллекта. Изменение же материальной составляющей влечёт за собой духовную трансформацию.

В 2011 г. немецкие промышленники вкпе с экономистами предсказали четвертую промышленную революцию, которая была названа «Индустрия 4.0». Как известно, первая промышленная революция связана с изобретением паровой машины, вторая — с электрификацией, третья — с информационными технологиями, четвёртая — с интеграцией новых информационных технологий, или киберфизических систем (CPS), в производственные процессы. Философия цифрового производства зиждется на идее «интернета вещей», то есть предметы сами обмениваются информацией, собирая необходимые данные без участия человека. Например, автомобиль, обработав информацию об износе тормозных дисков, самостоятельно заказывает заводу-поставщику замену дисков. Идея оптимизации труда появилась ещё в 1999 г., когда были внедрены технологии умных ламп, умных домов. В настоящее время трёхмерные технологии используются

не только для моделирования, но и для внедрения серийной продукции. 3D-принтеры помогают производить протезы, шпалы, беспилотные самолеты. Использование комплекса 3D и PLM/ALM-решений позволяет избегать перепроизводства и брака. В России в 2013 г. Siemens PLM Software заключила соглашение с «Объединенной двигателестроительной корпорацией» (ОДК) и холдингом «Вертолеты России». Используют трёхмерное моделирование в ОАО «КАМАЗ», в «ОКБ Сухого».

Важный этап теоретических и эмпирических научных исследований в области психологии компьютеризации связан с изучением аспектов преобразования психики человека при его пребывании в электронной культуре (э-культуре): при решении задач, связанных с роботизацией, с искусственным интеллектом, с внедрением чипов, например, в ухо человека (многие считают неэтично и неэстетично вшивать чипы в голову). Психоментальную модель, основанную на интеграции нанобиотехнологий, информационной и когнитивной технологий (НБИК-технологий), предложила В.И. Самохвалова [17]. Интеллектуальная электронная культура самоорганизует и модернизирует общество. О роли нейрокompьютеров, об этической проблеме при разработке проектов искусственного человека и искусственного общества пишет философ А. Ю. Алексеев [1].

Мы будем рассматривать современную э-культуру в виде виртуальных коммуникаций, благодаря которым человек получает всё больше информации через электронные цифровые носители, отодвигая непосредственное живое общение на второй план. Сейчас телефонному разговору, при котором слышен голос собеседника со всеми его оттенками, предпочитают более «холодные», дешёвые и быстрые эсэмэски или электронные сообщения (мессенджеры), где эмоции можно «выразить» смайликом (по-английски smiley — «улыбающийся»), или эмоджи, или эмодзи. Смайллы появились в 2012 г., а эмодзи, изображающие эмоции не графикой, а знаками препинания, придумывают сами пользователи сети. Эмодзи (по-японски 絵 — картинка и 文字 — идеографический знак, символ), их сейчас больше 800, были созданы в 1990-е японской фирмой NTT DoCoMo, эта фирма сейчас проектирует молекулярную коммуникационную систему [13].

Научные исследования [2, 11, 14, 25] также описывают амбивалентное воздействие интернета на психику человека: работа с компьютером удовлетворяет интеллектуальную заинтересованность в новейших технологических достижениях, помо-

гает человеку изучить технические инструкции, справочники, непосредственно обратиться к компетентным интернет-консультантам, и в то же время чрезмерное увлечение интернетом способствует развитию гипертрофированных социопсихических форм: интернет-аддикций, хакерства, аутизации, игромании.

За время существования э-культуры психиатры ввели в медицинскую терминосферу несколько десятков новых фобий (по-гречески *страхов*, то есть навязчивых иррациональных психических состояний), маний и комплексов неполноценности. Они предупреждают, что детям надо вовремя перерастить свои комплексы, потому что запущенные фобии можно лечить только гипнозом. Социальные психологи, конечно, всегда ратуют за гомеостаз, уравновешенность со средой, поэтому также переживают и за безопасность абсолютно не имеющих страха предельных экстрасерверов. У неправильно воспитанных детей, не имеющих «накрученных» гаджетов с дорогостоящими функциями, эти адлеровские комплексы выражены чувством собственной ущербности, верой в превосходство над ними «продвинутых» виртуозных пользователей. По результатам проведённого нами, а также и другими специалистами [5, 12, 22] онлайн-опроса (150 человек) отметим следующие проценты отклонений в психических состояниях пользователей сети. *Номофобией* — переживанием, связанным с возможностью остаться на время без мобильной связи, забыв зарядить свой смартфон, оставив его нечаянно дома или попав вне зону действия сети — страдают в среднем 20% активных пользователей, можно, конечно, провести градацию, поделив их на хронических, острых и так далее. Молодые номофобы не хотят расставаться с электронными ресурсами ни на минуту, постоянно проверяют поступающие к ним звонки, сообщения, электронную почту, интернет-новости. Пожилые пассивные пользователи, наоборот, страдают *киберфобией* — страхом перед цифровыми оптико-волоконными технологиями, они (30%) часто не решаются самостоятельно нажать новую кнопку электронного устройства, чтобы чего-то случайно не перепутать [15]. *Энэсэофобы* (5%) уверены, что их переписку в соцсетях неусыпно отслеживают спецслужбы. *Баянофобы*, или *обсолетафобы* (2%) подвержены страху выложить в сеть затёртый мем, трюизм, банальную остроту; а также им всегда кажется, что их не так понимают друзья по переписке или они сами их неправильно понимают [20]. Некоторые пользователи интернета (30%) подвержены *мамбафобии* (*мамбархобия*) — панической боязни онлайн-знакомств через самый популярный российский сервис знакомств «Мамба», который на международный рынок вышел под брендом Wamba, и через

многие другие подобные системы заочного общения, непривычные и пока неприемлемые для многих глубоко эмоциональных россиян [18]. *Требофобы* (thread — ветвь) не решаются участвовать в комментариях (таких — 15%), чтобы не навредить своей репутации [21].

Ботофобия (по-английски bot — сокращение чешского слова *robot* — робот) связана с неконтролируемой боязнью перед компьютерной программой, которая может выполнить различные заданные действия чата, или искусственного интеллекта. (Бот имеет омоним: виртуальный собеседник или в онлайн-играх роботизированный космический корабль — зонд). Ботофобия не редко (5%) развивается в тех случаях, когда, например, автор Википедии за год усердного труда выправил тысячу статей, а появился *бот* и за 15 минут отквалифицировал десять тысяч статей [21]. *Интернет-хронофобов* (15%) постоянно мучит совесть, что они являются сидячими роботами-бездельниками, пишущими свой бесконечный онлайн-дневник и бесполезно блуждающими в сетях. Им не хочется уподобляться Еве Адамс из «Глобального человеичника» А. Зиновьева, для которой компьютер по имени Адам был одной-единственной привязанностью в жизни [10, с. 28–32].

Среди опрошенных только 20% пользователей сообщили, что, по их мнению, они не имеют никаких психических отклонений.

Цель данного исследования — проанализировать влияние электронного пространства на процессы, происходящие в сфере реального взаимодействия людей, не успевающих полностью адаптироваться к цифровым технологиям. Одна из задач состоит в том, чтобы показать последствия масштабных преобразований третьей и четвертой промышленных революций на неокрепшую человеческую психику, на локус контроля, на ценностно-смысловую трансформацию личности, на преобразование, а иногда искажение идентичности.

В основном интернет-деятельность направлена на удовлетворение трех видов потребностей: *когнитивной*, например проведение опросов Центром исследования массового электронного сознания (ЦИМЭС) в рамках различных проектов; получение дистанционного образования, настройка навигации, просматривание и чтение прессы, поиск и исследование цифровых архивов, конкретной информации, зарождение нового знания на стыке наук, на основе ассоциаций; *познавательной-развлекательной*, например индивидуальное или групповое участие в карточно-шахматных компьютерных играх или в интеллекту-

альных, ролевых играх; *коммуникативной*, например использование электронной почты, чатов, конференций, листов рассылки, новостей, или ньюсгрупп (newsgroups), гостевых книг, форумов. Каждый месяц социальную сеть «ВКонтакте» навещает 87–91 млн. человек, средний возраст которых 24 года. 76% участников заходят в ВК с помощью мобильных устройств. Ежедневно россиянин, пользователь мобильного приложения ВК, проводит там 33 минуты, просматривая 100 постов за день. Женщины активнее в соцсетях, чем мужчины, особенно в «Инстаграм» (75,7%) и сети с самой взрослой аудиторией «Мой Мир» (60,3%), мужские аккаунты немного преобладают только в «Живом Журнале» (56,4%) и «Твиттере» (50,6%) [23].

Влияние информационных технологий на личностное развитие не может быть однозначно квалифицировано как положительное или отрицательное: наряду с негативными трансформациями личности при интернет-аддикциях, существует возможность позитивного развития отдельных способностей, Я-концепции, мотивационной сферы. К тому же соцсети — это один из немаловажных способов ослабить психологическую напряженность [18].

Социальные сети помогают преодолевать статусные различия. Например, можно связаться с публичной личностью, «подружиться» с ней, поддерживать контакт, даже зная, что этот интернет-контакт никогда не перейдет в реальный. Можно пожаловаться, войдя на страницу вышестоящей инстанции, на нарушение прав или обратиться с предложениями через «обратную связь» на сайтах «активного гражданина» — и на это тотчас же отреагируют, что способствует, по нашему мнению, увеличению в обществе интервалов (людей с внутренним локусом контроля) [7].

В социальных сетях зачастую человек с завышенной или заниженной самооценкой себя приукрашивает, его Я-идеальное не соответствует Я-реальному, тем самым он искажает представление о себе у других пользователей и начинает сам обманываться. Пользователь, выкладывая свои фотографии и видео, становится зависим от мнения окружающих, ожидая одобрения от них в виде множества «лайков», комментариев, что может повышать самооценку и демонстративное поведение. У современного человека, глубоко включенного в пространство социальных сетей, теряется сфера приватного: любой факт только тогда становится частью реальности, когда о нем знает кто-то ещё, при этом качество знающей аудитории не имеет значения.

Проведенные нами вузовские исследования показывают, что активный пользователь социальных

сетей регулярно посещает одни и те же социальные группы, в которых, как правило, преобладают его единомышленники. Данное обстоятельство вызывает избирательность представлений о действительности, человек отвлекает сравнивать свои взгляды с противоположными.

Согласно данным ресурса Facebook, средний интернет-пользователь проводит в социальных сетях один час в сутки, при этом имеет около двухсот тридцати друзей и знакомых, что в десять раз больше, чем в обыденной жизни. На эту актуальную тему контраста отношений «в реале» и «в сети» написано немало художественных произведений, создано много документальных и художественных фильмов. В искусстве, как и в науке поднимается проблема психологической безопасности участников социальных сетей. Вот цитата из сериала «Черное зеркало»: «У нас есть доступ ко всей информации в мире, но в голове хватает места лишь для того, чтобы воспринять 140 символов из сообщения в твиттере». Элиза Дули (актриса Карен Гиллан), героиня популярного тринадцатисерийного американского фильма «Селфи» (2014 г., реж. Эмили Капнек) имеет 263 000 подписчиков в инстаграм, которые восхищаются каждым её постом, селфи, твитом, но к которым бесполезно обращаться за помощью, когда приходит беда. Элиза просит маркетолога Генри (актёр Джон Чо) провести ребрендинг её имиджа и научить общению с людьми на языке, требующем больше мысли, чем пара игривых, ничего не значащих фраз. Между благоразумным наставником и весёлой воспитанницей возникают искренние чувства. Сюжет сериала позаимствован из музыкального фильма «Моя прекрасная леди» (1964 г., реж. Джордж Кьюкор) и также является вольной интерпретацией известной пьесы нобелевского лауреата Бернарда Шоу «Пигмалион» (1912 г.). В свою очередь название пьесы-комедии является аллюзией на одноимённый античный миф о скульпторе Пигмалионе. Благодаря мифу, Пигмалионом стали называть человека, который силой своего чувства, направленностью своей воли способствует перерождению другого, а также влюбленного, встречающего холодное равнодушие любимой женщины (жены-статуи Галатеи).

Массовый уход от живого общения в сеть имеет свои стереотипы, своеобразно отражается на человеческом поведении. У активных пользователей соцсетей могут наблюдаться некоторые социально-психологические особенности, которые в свою очередь накладываются на общественное поведение в целом. Независимо от территориального местонахождения человека в реальной жизни появляется виртуальный

«эффект присутствия». Это может развивать культ публичности, характерный для современного общества потребления. Если раньше в традиционной культуре в центре внимания находилась фигура «недоступной знаменитости», то в современной массовой культуре «звезда» доступна, и сам ты отчасти «звезда», отчего у людей с нездоровой психикой часто развивается «нарциссизм», а если вдруг не «звезда», а «изгой», которому не хватает лайков, то возникают различные виды *лайкофобии* (9%).

Для самих пользователей может быть незаметным то влияние, которое оказывает на них интернет. Общепринято, что в сетях «сидят» люди, которым не хватает любви. В повседневной жизни мы наблюдаем, как в учреждениях, на улице, особенно в транспорте всё больше людей читают электронные книги, увлеченно общаются в чатах через мобильные телефоны, оповещая друзей о разнообразных событиях: о том, какие блюда употребляют на ужин, какую одежду приобретают в магазине, и показывая, какой вид всё это имеет на картинке, в селфи. Увлечённость селфи демонстрирует не только эгоистичность автора, но и часто сигнализирует о его психических расстройствах — хронической или острой *селфифобии* (14%). В 3,5 раза меньше встречаются *аглиофобы* (4%), которые, наоборот, боятся быть отмеченными на фото или в посте [20]. Хронические селфифобы делают сотни фотографий в одном и том же месте, чтобы потом можно было выбрать лучший снимок, обрабатывают изображение в фотошопе, применяют фильтры в инстаграме, теряют многие часы на это занятие, ежедневно просматривая получившиеся снимки и удаляя непонравившиеся. Учёные Университета штата Огайо исследовали эту проблему. Восемьсот мужчин, участников эксперимента, ответили на вопросы психологов о том, какое количество селфи они делают за определённый промежуток времени и как часто редактируют снимки, также их попросили заполнить анкеты на уровень их адекватности и объективности.

Оказалось, мужчины, которые постоянно делают селфи, склонны к самовлюбленности и к психопатическим расстройствам, а те, кто только усердно редактируют снимки, имеют склонность только к нарциссизму без всяческих психических отклонений [25].

Релфи (по-английски *relfie* от *relationship selfie*) — это автопортрет с любимым или близким человеком, назван так социологами из Гарвардского университета. Согласно опубликованным в книге «The Science of Relationships» результатам исследования, проведённого при участии 200 добровольцев, релфи раздражают подписчиков в социальных сетях больше, чем любые другие снимки. В отличие от исследований в за-

падных вузах, исследования, проведенные нами среди ста российских студентов и преподавателей в Московском государственном областном университете (МГОУ) и среди ста студентов и сотрудников в Московском политехническом университете (Московский политех), показали другие результаты: российским студентам, особенно их пожилым преподавателям, нравятся релфи больше чем селфи. Но настоящими «фанатами» коллективных снимков, в центре с русскими преподавателями на фотографии, являются китайцы, северные корейцы, вьетнамцы, обучающиеся в МГОУ и МПУ. Наблюдения над шестидесятью пятью иностранными студентами из дальнего зарубежья, проведенные в летнем лагере МГОУ в Мытищах в 2016 г., показали, что западные немцы менее других коммуникабельны, они с большими уговорами выстраивались в ряд для общих снимков, с трудом соглашались хором петь песню «Подмосковные вечера», постоянно предъявляли мелкие претензии к быту и к методике обучения современному русскому языку в лагере, бурно реагировали на незначительные отклонения от плана. В общем, немцы с усердием занимались грамматикой, с помощью смартфона выходя в интернет, в то время как французы, сербы, македонцы, не говоря уже об индийцах, предпочитали живое общение между собой и с преподавателями, поварами, экскурсоводами. Как видим, южноевропейские и восточные студенты в меньшей степени обращавшиеся к смартфонам, согласно их ментальности, были коммуникабельны, с довольной, понимающей улыбкой шли на контакт, любили совместные спортивные и музыкальные мероприятия, а не длительное сидение в лингафонных кабинетах.

Социальные психологи Калифорнийского университета проводили исследование у шестиклассников, предварительно разделив их на две подгруппы. Школьники из первой группы, которым запретили в течение десяти дней использовать цифровые устройства с экраном, показали более высокую способность различать весь спектр эмоций собеседников. Участники второй подгруппы, которые не имели никаких ограничений в использовании гаджетов, узнавали своих собеседников по соцсетям, но узнавание не помогало им улучшить понимание собеседников на чувственном уровне [4].

По мнению социального психоаналитика С. И. Выгонского, электронная виртуальная реальность напоминает массовую галлюцинацию в технотронный век [6]. В. Ф. Петренко, А. В. Россохин проводили исследование изменённых состояний сознания с применением спецтехник: видеопроекторов, датчиков, экранов, шлемов, перчаток, компьютерных спецпрограмм; интенсивных психотехник, например разных видов

гипноза, медитации, ребефинга, нейролингвистического программирования, экстрасенсорики. К сожалению, имеются этически недопустимые химические воздействия в виде допингов, а также уголовно наказуемые, смертельно опасные наркотические приёмы впадения в транс. Овладев разрекламированной спецтехникой «Медуза», можно постоянно пребывать в фоновом режиме в альфа-состоянии, что, по мнению инструкторов, является ключом к сверхвозможностям человека [16].

Часто отмечают, что общение посредством интернета происходит в искусственной среде, его участники опираются на редуцированные образы пользователей, без традиционных атрибутов межличностного взаимодействия. Но культура, в частности искусство, любит разнообразие и всячески сопротивляется прогрессу [9]. Различные этносы неодинаково воспринимают и словесно обозначают свободу, расстояние, время, силу, красоту, вкус, оттенки цвета. Например, неискушённые новички в горах дрожат, задыхаются без достаточного для их организма кислорода, а горцы-аборигены в родных местах чувствуют прилив сил. Многие люди боятся лесов, пустынь, морей. Даже представители одной и той же культуры не всегда одинаковы: одни уединяются с семьёй в загородном доме, другие отдают предпочтение экстремальным путешествиям, третьи проводят время в весёлой компании. Мечтательные романтики любят фантазировать. Если спорить о реальности или ирреальности вымысла, эмоции в любом случае будут реальны. Для детей игра в условных обстоятельствах важнее скучной обыденности. Например, дошкольники с азартом изучают алфавит по «Сказбуке» В. Демчюга, выполненной на платформе андроида. Причем малыши самостоятельно разбираются с программой. Взрослые также готовы с наслаждением окунуться в мир искусства, праздника, отойдя на время от ежедневных занятий. Людям нравится фиктивно удваивать мир. Потребность в удвоении мира, когда жизнь похожа на приключение, есть неотъемлемое антропологическое свойство личности.

В сознании равноправно сосуществуют обыденная и необычная реальность, представленная состоянием душевного творческого подъёма, а также сказочными образами, играми, мистикой, религией, медитацией, аутотренингом, сновидениями, галлюцинациями и другими изменёнными состояниями сознания в многовариантной виртуальности. Есть полный и неполный переход в транс, при котором «образ Я» присутствует то в одной сфере реальности-ирреальности, то в другой. Ценным является то, что человек, ориентированный на виртуальность, проживает

одновременно несколько жизней. Механизмы психологического затягивания в искусственные азартные игры, стремление достичь в них успеха заложены у людей в архетипах. Толкиенисты иногда делают вывод, что настоящая, эмоционально насыщенная жизнь невозможна без игры, при этом обыденная деятельность для игроков скучна и безрадостна. 67% детей испытывают страх перед вымышленными виртуальными персонажами, но большинству из них нравится преодолевать это состояние [12]. Сценарии из виртуальной реальности они подсознательно переносят в жизнь, поэтому важно выбирать целомудренные сюжеты.

Компьютерная, игровая или коммуникативная виртуальная реальность имеют в качестве общей основы определенный принцип построения: вся полнота физической и социальной реальности редуцируется до набора отобранных признаков. Освоить такую редуцированную реальность и осмысленно действовать в ней проще, чем в реальной жизни. Постоянно появляются новые модели рекордно сложных игровых компьютеров, а также создаются оригинальные версии полюбившихся игр (Казачи-3, Красная буря, Эллены, МАРИО, DOOM-3, DMC-3, I Wanna Be the Guy, Ghost and Goblins, Super Meat Boy, Mushihimesama, RomeWar). Несмотря ни на что, не виртуальные события сложнее, глубже, богаче. Ф. М. Достоевский в ещё в докомпьютерное время писал, что никакой остросюжетный роман не в состоянии соперничать с полноценной жизнью.

Кроме развлечения, виртуальные игры типа преферанса, шашек, шахмат, нарды, квадротона [27], го (игровая программа го MoGoTitan работает на суперкомпьютере мощностью пятнадцать терафлопов) развивают недюжинную интуицию, быстроту реакции, память, логику, наглядно-образное мышление, способствуют успеху в профессиональной деятельности, недаром они восходят к тренажерам. Сравним спортивные интеллектуальные онлайн-игры: в 64-клеточных шахматах после четвертого хода возникает около ста тысяч позиций, в 361-клеточном игровом поле го (девятнадцать линий по вертикали и горизонтали) число позиций превышает шестнадцать миллиардов. Сейчас компьютер может обыграть даже таких гроссмейстеров, как Гарри Каспаров. А вот робот-квадротон, у которого в памяти возможных уникальных партий больше числа атомов во Вселенной, не всегда способен обыграть человека, потому что возникают проблемы с оценкой комбинаций.

Возьмём для наблюдения популярные компьютерные игры типа «стрелялки», или как их ещё на-

зывают «танчики» (World of Tanks), «самолёты» (War Thunder). Они также развивают глазомер, тактическое и стратегическое мышление. Так, военнослужащим, прошедшим через такие игры, настоящие боевые действия могут в какой-то степени казаться продолжением детских «войнушек». Об этом можно говорить, обратившись к опыту участия в боевых действиях в новейшее время, начиная с операции «Буря в пустыне»: ракетчику (летчику, моряку, артиллеристу) доступна лишь сильно редуцированная картина того, куда попала выпущенная им ракета. Руины зданий, гибель и страдания людей большинство таких ракетчиков не наблюдают. Между прочим рядовым солдатам также не сообщается о целях операции и месте дислокации их отряда. Считается, что полученный опыт неплохих, «со смыслом» компьютерных игр, если он совпадёт с сенситивным периодом развития психики, может произвести катарсис: спасти подростков от повторения судьбы некоторых ура-патриотов, впоследствии осознавших результаты своего «геройства» и потерявших из-за этого своё душевное здоровье. Конечно, такой компьютерный опыт не всем поможет при реальном столкновении с жестокой правдой жизни: корреляция здесь непростоя.

Сейчас наиболее популярными в интернете стали интегрированные соцсети, потому что человеку, тем более одиноким пенсионерам, инвалидам, доставляет удовольствие ощущать себя частицей огромного мира. Психологи-практики в течение более пятнадцати лет достаточно успешно применяют системы компьютерной виртуальной реальности для решения пространственных проблем при терапии церебрального паралича, различных психических заболеваний и фобий. Они выдвигают предложения об организации мультимодальных каналов обратной связи в обучающих системах виртуальной реальности, особенно с тактильной и ольфакторной обратной связью [8].

Итак, за абстрактные знаки отвечает левое полушарие (условно *янь*), а древнее правое полушарие (*инь*) связано с интуицией и конкретикой, поэтому, чтобы сохранить человеческую гармонию и психическое здоровье, навыки из искусственного мира символов необходимо бережно переносить в виде нравственно-интеллектуальных конструктов в жизнь, близко связанную с природой, физическим трудом, высшими чувствами,— в этом основная задача гуманизации [2]. Если этому не следовать, то виртуальной личности со специфическим пет-мышлением, как актору в коммуникативно-информационной среде, не избежать различных сетевых фобий и синдромов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. Ю. Проблема другого в компьютерных коммуникациях // Философские науки. — М., 2008. — № 6. — С. 114–136. Проект «Искусственное общество» (руководитель академик В. Л. Макаров).
2. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. — М.: Издательство физико-математической литературы, 2010. — 228 с.
3. Дежкина Ю. А. Роль семьи в формировании толерантности // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. — М, 2016. — № 2(14) — С. 147–150.
4. Егорова А. Г. Сетевое мышление: деградация или прогресс // Фундаментальные исследования. Серия «Технические науки». М.: Издательский Дом «Академия Естествознания», 2014. — № 9. — С. 2626–2629.
5. Жохова Л. А., Жохова Н. Н. Особенности построения электронного дискурса. Международный научно-исследовательский журнал. Психологические науки. — Екатеринбург, 2016. Выпуск № 7 (49). Июль. Часть 3. — С. 138–140.
6. INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL, ISSN2303–9868 PRINT, ISSN2227–6017 ONLINE: www.research-journal.org DOI:10.18454/IRJ.2016.49.121
7. Жохова Н. Н. Влияние интернет-коммуникаций на социальное поведение // Материалы научно-практической конференции с международным участием: Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации. Отв. редактор А. Ю. Нагорнова. Тольятти, 27–28 ноября 2014 г. — Издательство: SIMJET (Ульяновск), 2014. — С. 370–375.
8. Жохова Л. А., Жохова Н. Н. Тенденции развития интернет-коммуникаций в российском обществе // Известия МГТУ «МАМИ». Серия «Гуманитарные науки». Серия «Теоретические и прикладные аспекты высшего профессионального образования». — М.: Издательство МГТУ «МАМИ», 2014. Т. 5. № 3 (21). — С. 125–130.
9. Жохова Л. А. Динамика развития образования в России // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации. Материалы научно-практической конференции с международным участием. Отв. ред. А. Ю. Нагорнова. — Ульяновск, 2014. С. 364–369.
10. Жохова Л. А., Жохова Н. Н. Влияние социальных сетей на современное общество // Теоретические и практические вопросы психологии и педагогики: сборник статей Международной научно-практической конференции (10.12.2015, г. Челябинск) — Уфа: АЭСТЕРНА, 2015. — в 2 ч. Ч. 1. — С. 177–180.
11. Зиновьев А. А. Глобальный человек. — М.: Издательство Эксмо, 2003. — 448 с. (Серия «История XXI века»).
12. Дери М. Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. М.: Ультра, 2008.
13. Крупеникова Л. Ш., Курбатов В. И. Виртуальная личность: пет-мышление, сетевой психотип и интернет-фобии // Инженерный вестник Дона, 2014. Выпуск № 2. Т. 30.
14. Ляшенко Е. С. Семиотический аспект интернет-культуры / Е. С. Ляшенко // Гуманитарный вектор. Серия «Педагогика. Психология». — Издательство. ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», 2011. — № 2 (26). — С. 99–105.
15. Мартыанов Д. С. Виртуальные ценности: структура, динамика, противоречия / Д. С. Мартыанов // Сборник трудов Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. — 2015. — Т. 206. — С. 319–327.
16. Овсяник О. А. Социально-психологическая адаптация женщин второго периода взрослости: диссертация ... доктора психологических наук: 19.00.05 / Овсяник Ольга Александровна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. — Москва, 2013. — 348 с.
17. Россохин А. В. Рефлексия измененных состояний сознания: психолингвистический анализ / А. В. Россохин // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия «Психологические науки». — 2009. — № 1. — С. 12–20.
18. Самохвалова В. И. Сверхчеловек: образ, метафора, программа / В. И. Самохвалова. Институт философии РАН. — М.: Ваш формат, 2015. — 400 с.
19. Мамбафобия (Mamba) — паническая боязнь онлайн-знакомств // Фобии URL: fobies.ru/mambaphobia.html (дата обращения: 29.10.2016).
20. Филимонов Г. Ю., Цатурян С. А. Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием // Политика и общество. — М.: Nota Bene, 2012. С. 65–75.
21. Муранова А. Семь фобий, рожденных гаджетами и интернетом // Русская семерка [Электронный ресурс]. URL: <http://russian7.ru/2014/04/7-fobij-rozhdennyh-gadzhetaми-i-internetom/> (дата обращения: 28.10.2016).
22. Двадцать пять самых странных фобий [Электронный ресурс]. ADME URL: <http://adme.ru/svoboda-psihologiya/25-samyh-strannyh-fobij-660905/> (дата обращения: 27.10.2016).
23. Опросы в сети // Кто1RU [Электронный ресурс]. URL: <http://kto1.ru/> (дата обращения: 28.10.2016).
24. Фролова Е. Самые популярные социальные сети в России 2016 // Про СММ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pro-smm.com/#1443167912317-b53c39a2-72eb> (дата обращения: 31.10.2016).
25. Edward Gornish. Cyber Future. The Futurist. 1996. Jan. — Febr. — P. 1–15.
26. Jackson M. Social and Economic Networks. — Princeton: Princeton University Press, 2008.
27. «Оксфордский словарь» назвал словом года «selfie» [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2013/11/131119_ru_s_word_of_the_year (дата обращения: 25.10.2016).
28. <http://quadrotone.org/complexity>

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОБСТВЕННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛОВ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ПРОЕКТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

PROFESSIONALS INCLUDED IN PROJECT ACTIVITY AND PERCEPTIONS OF THEIR OWN AGENCY

A. Klimova

Summary. in the past two decades, the project activity become a common form organization of the work, project management formed in a new profession. There are special requirements to competence level of professionals involved in the project: shared understanding of project goals (especially in the case where the intrinsic goals do not coincide with the goals set from the stakeholders), awareness of time-bounds for achieving the result, planning and programming of activities, taking into account peculiarities of their own skills and the environment, understanding of the relationships and communication flows in the project. On the basis of theoretical analysis, we highlight the key characteristics of the project activities that distinguish it from the traditional forms of work organization. A study on the problem of subjectivity of professionals included in the project activities, attended by 152 employees (average age 33 years). Questionnaire developed for this study can be used to measure current "Self-image" of professional included in project activities, his objectives, social responsibility, functional states, system of relationships that are emerging in the project.

Keywords: the subject of labor, agency, subjectivity, identity and compliance work (P-J fit), professionalism, project activity.

Климова Анна Вячеславовна

Институт «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС
klimova-av@ranepa.ru

Аннотация. в последние два десятилетия проектная деятельность становится распространенной формой организации труда, проектное управление формируется как новая профессия. К компетентности сотрудников, занятых в проекте, предъявляются следующие требования: понимание цели проекта (особенно в случае, когда интринсивные цели не совпадают с заданными извне), осознание сроков достижения результата, моделирование и программирование деятельности с учетом особенностей собственных средств труда и внешней среды, понимание взаимоотношений со всеми заинтересованными сторонами и потоков коммуникации в проекте. На основе теоретического анализа выделены ключевые характеристики проектной деятельности, отличающие ее от традиционных форм организации труда. В исследовании, посвященном проблеме субъектности профессионалов, включенных в проектную деятельность, приняло участие 152 человека (средний возраст 33 года). Разработанные для данного исследования вопросы анкеты могут быть использованы в диагностике актуального «Я-образа» (самосознания) профессионала, включенного в проектную деятельность, его целей, социальной ответственности, функциональных возможностей, системы взаимоотношений в проекте.

Ключевые слова: субъект труда, субъектность, соответствие личности и работы, профессионализм, проектная деятельность.

Профессионализм характеризуется не столько исполнительностью предписаний и стандартов деятельности на основе имеющейся компетентности, сколько проактивностью, которая реализуется через индивидуальную стратегию труда. Формирование такой стратегии рассматривается в отечественной психологии в контексте проблемы функционирования человека как субъекта труда, соответствия качеств отдельного человека требованиям профессиональной деятельности (Е. А. Климов и его ученики). Взаимосоответствие «человек-профессия» складывается посредством формирования когнитивных (осознание образа будущего результата труда, создание общественно значимых ценностей) и эмоционально-волевых (вовлеченность в работу, ответственность за достижение заданных результатов труда даже в напряженных условиях, позитивное отношение к участникам рабочего процесса) регуляторов, обеспечивающих адекватную реализацию субъектности в профессиональной деятельности. Среда и индивидуальные особенности в каждый момент профессионального развития предоставляют

человеку разнообразие возможностей и создают ограничения. Если человек действует из позиции субъекта, он усиливает свой профессионализм, осознает границы своего мастерства, предвидит, в какую сторону двигаться в своем развитии. Субъект профессиональной деятельности формирует индивидуальный стиль своего труда в соответствии со своими способностями, отношением к задаче, выбранной стратегией, а также с учетом объективной динамики организационных процессов.

Субъектность как отдельный предмет организационно-психологического исследования фактически никогда не появляется в западной психологии, схожие параметры изучаются как соответствие личности и организации (P-O Fit), личности и работы (P-J Fit). Высокое соответствие между личностью и различными аспектами работы имеет широкий спектр положительных последствий (низкий уровень увольнений, приверженность организации, высокую вовлеченность, удовлетворенность трудом). Наравне с перечисленными, одним из последствий

может быть стремление работника активно преобразовывать свое окружение и себя как субъекта профессиональной деятельности.

Стандартизация процессов по управлению проектами, призванная минимизировать роль личностных характеристик, влияющих на поведение в рамках работы над проектом, в настоящий момент практически не учитывает соответствие личностных особенностей профессионала и содержания проектной работы. В связи с этим представляется актуальной проблема рассмотрения представления о собственной субъектности профессионалов, включенных в проектную деятельность.

Несмотря на накопленные в междисциплинарной литературе по управлению проектами и в эмпирических исследованиях организационного поведения знания открытым остается вопрос об особенностях проектной деятельности в отличие от традиционных форм организации труда. Проектное управление, формирующееся как новый тип профессиональной деятельности, требует от профессионала развитых навыков постановки и удержания целей (особенно в случае, когда интринсивные цели не совпадают с заданными извне), моделирования и программирования собственной деятельности.

Для выявления представления о собственной субъектности профессионалов, включенных в проектную деятельность, на основе выделенных Е. А. Климовым психологических признаков труда (З, с. 103–112), которые он предлагает использовать для оценки сформированности человека как субъекта труда, были разработаны вопросы анкеты. Представление о собственной субъектности позволяет оценивать адекватность отражения профессионалом параметров проектной деятельности для формирования дифференцированного подхода к самовоспитанию, корректирующих мероприятий в процессе наставничества. Вопросы, прошедшие проверку в ходе исследования, могут быть использованы как инструмент для коучинга в работе с актуальным «Я-образом» (самосознанием) профессионала, включенного в проектную деятельность: его функциональными возможностями, интересами, ролями в системе взаимоотношений, складывающихся в проекте.

Субъектность как критерий развития субъекта, мера выраженности этого качества у человека, содержит прямое указание на специфичность человека в этой позиции. Чтобы стать субъектом труда (по Е. А. Климову), человек должен адекватно отображать в своем сознании психологические признаки труда: предвосхищать социально ценный результат своего труда; сознавать обязательность его достижения (саморегуляционная воспитанность); владеть внутренними и внешними сред-

ствами труда, совершенствовать их; ориентироваться в производственных отношениях (осознавая, в том числе, связи между производителями и потребителями результатов деятельности) [З, с. 103–112].

Можно выделить два уровня психологического анализа субъекта труда: структурный и функциональный. На структурном уровне анализа исследуются различные формы профессиональной активности, различающиеся мотивами, целями, программой деятельности и особенностями ее регуляции. Понятие «субъект» раскрывает актуальный функциональный статус индивида в конкретной деятельности. На функциональном — субъектность, как способность интегрировать качества и свойства личности в единый функциональный комплекс, оценивать и соотносить свои возможности. Развитие субъектности — движение от формирования активной позиции в деятельности к позиции непосредственного преобразователя действительности, когда индивид осознает границы своих возможностей изменения себя и мира. Субъектность может нарастать и ослабевать в зависимости от того, какие уроки извлекает человек из опыта, она проявляется в неодинаковой степени в зависимости от позиции, которую по собственному выбору занимает человек (ответственность), от меры включенности человека в деятельность, способности управлять собственными действиями.

Развитие профессионализма тесно связано с субъектогенезом человека. Профессионал — работник, который самостоятельно, систематически, надежно и результативно выполняет поставленные перед ним задачи. В исследованиях Ю. П. Поваренкова выявлена последовательность смены форм профессиональной активности субъекта труда:

- ♦ решение задач уже сложившимися средствами деятельности (активизация процессов функционирования). Если это не приводит к успеху — попытки оптимизации, увеличение энергозатрат, включение саморегуляционных процессов (в лучшем случае);
- ♦ формирование новой профессиональной активности как разрешение противоречий нормативных кризисов профессионального развития в результате осознания реальной ситуации (обычно после безуспешных попыток применить старый опыт); представленность психологической структуры профессиональной деятельности в сознании, интериоризация психологической системы деятельности в систему средств субъекта труда (в психологическую метасистему деятельности), полная или частичная автоматизация, включение свернутой формы профессиональной активности в арсенал ресурсных возможностей субъекта труда;

- ◆ саморегуляция, которую профессионал включает в свой арсенал ресурсных возможностей или средств труда [5, с. 22–23].

Субъектность развивается в процессе преобразовательной профессиональной деятельности. Проектная деятельность направлена на создание нового уникального продукта или услуги, это деятельность, развивающая саму действительность, что ведет к преобразованию самого субъекта труда. В «Атласе новых профессий» управление проектами отмечено как важный надпрофессиональный навык, повышающий эффективность профессиональной деятельности и дающий возможность сохранять востребованность на рынке труда [1, с. 14]. За последние два десятилетия проектная деятельность становится все более распространенной формой организации труда во многих сферах экономики, проникая также в политическую, социальную сферы, в управление социально-экономическими реформами. Проекты являются средством для разработки нового продукта, услуги; реинжиниринга операционных процессов; внедрения инноваций; ускоренного развития, что особенно важно в периоды интенсивных изменений, которые организации переживают в настоящее время. Управление проектами — междисциплинарная прикладная область, однако в литературе по этим вопросам обоснование идеи о том, что управление проектами отличается от управления деятельностью без проекта, часто проводится без опоры на исследования в организационной психологии, а эмпирические исследования в области организационной психологии практически не фокусируются на структуре и процессах проекта. Ограниченное использование выводов из исследований организационной психологии создает разрыв между тем, что известно о человеческом факторе в психологии и тем, что обсуждается в документах по управлению проектами. Как следствие, практики основываются на устаревших моделях, например, мотивации и развития команды [8].

Обобщая информацию из литературы по управлению проектами и опыт экспертов проектного управления, мы выделили три дифференцирующие характеристики, которые представляются ключевыми с точки зрения институционализации проектной деятельности как профессиональной:

1. Проект создается для достижения заранее определенной цели/целей — уникального продукта, услуги или результата. Именно для этой задачи собирается проектная команда (кросс-функциональная или междисциплинарная, работающая в условиях неопределенности, потому что движется к результату, который создается впервые). В психологическом аспекте субъектность участников проекта будет характеризоваться толерант-

ностью к неопределенности, проактивностью, социальной ответственностью за согласованное понимание этой цели.

2. Проект ограничен во времени (что контрастирует с непрерывными операционными процессами в непроектной или оперативной команде), имеет начало и запланированное окончание. Субъектность участника проекта с точки зрения этой особенности проектной деятельности будет характеризоваться осознанием сроков достижения результата, моделированием и программированием деятельности с учетом особенностей собственных средств труда и внешней среды для их соблюдения несмотря на встречающиеся препятствия.

3. Проект характеризуется регулярными итерациями повышения уровня детализации, когда все большие объемы информации по ходу развития проекта становятся доступными для получения более точных оценок. Эти итерации должны обсуждаться в проектной команде для выработки общего видения задачи. Такая прогрессивная разработка результата необходима, когда уникальный продукт, услуга, результат или план проекта, плохо определенные в его начале, постепенно становятся все более определенными по мере того, как проект разворачивается. Понимание взаимосвязей и потоков коммуникации в проекте требует от его участников проявления субъектности. На наш взгляд именно эти три особенности в совокупности отличают проект от других форм организации труда.

В мета-аналитических исследованиях была выявлена отрицательная корреляция между различием в восприятии задачи (конфликт задач) и производительностью [10] и положительная связь между сплоченностью и производительностью [7]. Проект растянут во времени, если работник не находится в тесном контакте с выполняемой работой, у него могут возникнуть трудности с пониманием конкретных задач проекта или того, что должно быть достигнуто в результате выполнения поставленных задач. Этот фактор полностью нивелируется в условиях высокой поддержки команды и сотрудничества в процессе общения, координации, которые могут способствовать командной слаженности и эффективности.

Стандартизация процессов по управлению проектами, призванная минимизировать роль личностных характеристик, влияющих на поведение в рамках работы над проектом, в настоящий момент практически не учитывает соответствие личностных особенностей профессионала и содержания проектной работы. Проектная деятельность как профессиональная требует от профессионалов преобразовательной субъектной позиции, совершенствования самой деятельности, а также собственных средств труда.

Для выявления представлений о собственной субъектности в труде было разработано 12 утверждений (Климова А. В., неопубликованная рукопись). Первые два вопроса направлены на выявление представленности в сознании субъекта социально ценного результата, который в проектной деятельности часто является искомым в силу его уникального характера. Субъект профессиональной деятельности должен в том или ином виде осознавать социально заданный результат своего труда, описанный в образцах соответствующей работы, в формулировке общих требований к нему. Этот заданный результат (образ желаемого будущего) может быть принят субъектом труда (интринсивная цель) или не принят (экстринсивная цель). В последнем случае возникает рассогласование объективно заданных целей, которые являются реальным регулятором активности участников проектной деятельности, и личных целей профессионала, что может приводить к формальному «присутствию» работника в жизненном цикле проекта, например, с целью развития собственных компетенций (вопрос № 3). Кроме того, субъект должен понимать социальную ценность предписанного (заданного) результата. Эмоциональный компонент первого признака измерялся четвертым вопросом, который раскрывает эмоциональные реакции и отношение к ключевому результату проекта. Вопросы, связанные со вторым признаком (осознание обязательности достижения социально фиксированной цели), выявляли понимание необходимости достижения результата даже в напряженных условиях (когнитивный компонент этого признака — вопрос № 5), а также эмоциональные переживания по поводу расхождения реального протекания профессиональной деятельности с ее запланированным предвосхищением (эмоциональный компонент — вопрос № 6). Третий признак, характеризующий осознание подготовленности человека к выполнению конкретной профессиональной деятельности, применение и совершенствование своих средств труда, изучался вопросами № 7 и № 8. Четвертый признак, свидетельствующий об ориентировке субъекта труда в производственных взаимоотношениях и потоках коммуникации, понимании зависимостей от заинтересованных сторон в процессе достижения результата, измерялся вопросами № 11 и № 12.

Общая выборка исследования составила 207 человек в возрасте от 18 до 63 (средний возраст — 33 года ($sd = 10,02$)). Для проведения опроса была выбрана платформа LimeSurvey, одной из возможностей которой является осуществление рандомизации испытуемых, что позволило случайным образом распределить их в два квази-экспериментальных условия: заполнение опросника в форме А — «Представления о собственной субъектности в трудовой деятельности», либо в форме Б — «Представления о собственной субъектности в проектной де-

ятельности» (различным было содержание вопросов). Данные были обработаны с помощью пакета R, использовался Т-тест Стьюдента, эксплораторный и подтверждающий факторный анализ.

Полностью на все вопросы ответило 152 человека, 55 человек ответили на вопросы частично, там, где включение их ответов было возможным, мы использовали данные и этих респондентов. Пол указало 125 человек, из них 73 женщины (58%) и 52 мужчины (42%). Участники исследования — сертифицированные проект-менеджеры (25 человек), профессионалы, реализующие профессиональные задачи в форме проектной деятельности (127 человек). Профессионалы, имеющие опыт проектной деятельности: управляли отдельными функциями в проекте (10 человек), управляли простыми проектами (3 человека), основными функциями в сложных проектах (3 человека), сложными проектами (4 человека), 5 человек управляли программой или портфелем проектов. Менеджеры проектов имеют следующие уровни сертификации: 10 человек — уровень D (Certificated Project Management Associate — CPMA); 2 — уровень C (Certified Project Management — CPM); 3 человека — уровень B (Certificated Senior Project Manager — CSPM); 4 человека — уровень A (Certificated Project Director — CPD), 3 человека — PM Expert и 4 — PM Profesional (один человек сертифицирован по двум уровням квалификационных стандартов). Респонденты, ответившие на вопрос: «Сколько лет вы занимаетесь проектной деятельностью?», сталкиваются с проектно-ориентированными формами деятельности в среднем в течение семи лет ($N = 128$). 72 человека указали количество выполненных проектов (в среднем 19). Профессионалы, сталкивающиеся с проектно-ориентированными формами организации труда, заняты в такого рода деятельности 9 лет, в среднем в 22 проектно-ориентированных формах организации труда.

Количество факторов, выделенных вращением на основе критериев *eigen*-числа, MAP-критерия У. Велицера [11] и «параллельного анализа» по Дж. Хорну [9], в анкете из 12 вопросов оказалось равно трем, то есть меньше, чем в теоретической модели, в которую мы закладывали четыре фактора/признака, предложенных Е. А. Климовым для оценки субъектности профессионала. После сравнения показателей качества факторных моделей на выявление представления профессионала о собственной субъектности лучшей моделью стала усеченная модель, построенная на данных ответов респондентов на шесть вопросов (№ 1, № 2, № 7, № 8, № 10, № 11). При выборе мы осуществляли сравнение моделей на основе критериев RMSEA и CFI. Полученная модель содержит три латентных фактора и имеет хорошие показатели соответствия данным.

Выраженность представления о собственной субъектности в труде ($\bar{x} = 26,25$; $sd = 3,04$; $N = 88$) отличается от выраженности представления о собственной субъектности в проекте ($\bar{x} = 26,01$; $sd = 2,78$; $N = 64$) на статистически не значимом уровне — $t = 0,49$, $df = 142,30$, $p = 0,62$, d -Коэна = $0,08$. Это значит, что 53,2% ответов в Условии 1 — Представление о собственной субъектности в труде — имеют значение больше, чем среднее значение в Условии 2 — Представление и собственной субъектности в проектной деятельности. Этот факт сам по себе еще не позволяет говорить о том, что феномен субъектности является универсальным как по отношению к профессиональной деятельности (работе, труду), так и по отношению к конкретной форме организации труда (например, проектной). Скорее, можно говорить о том, что представление профессионалов о собственной субъектности дифференцировано в зависимости от того, насколько они проявляют это качество в своей деятельности, то есть насколько развит их профессионализм независимо от того, как они категоризируют то, чем занимаются — участие в проектах как профессиональную деятельность (труд) или как форму организации труда.

Далее мы предположили, что есть значимые отличия представления о собственной субъектности у работников, прошедших сертификацию РМ и не имеющих соответствующей сертификации. Ответы респондентов в Группе 1 — Работники, включенные в проектно-ориентированные формы организации труда

($\bar{x} = 25,96$; $sd = 3,02$; $N = 127$), были значимо меньше ($t = -2,26$; $df = 44,27$; $p = 0,03$; d -Коэна = $-0,4$), чем ответы в Группе 2 — Работники, прошедшие сертификацию РМ ($\bar{x} = 27,12$; $sd = 2,18$; $N = 25$). Обнаружен маленький размер эффекта (d -Коэна = $-0,4$). Это значит, что только 35% ответов в Группе 1 — Работники, включенные в проектно-ориентированные формы организации труда, имеют значение большее, чем среднее по Группе 2 — Работники, прошедшие сертификацию РМ. Гипотеза об отличии ответов в Группе 1 (работники, включенные в проектно-ориентированные формы организации труда) и в Группе 2 (работники, прошедшие сертификацию РМ) нашла своё подтверждение. Выраженность субъектности варьируется в зависимости от деятельности, которой человек занимается: от формирования активной позиции до преобразования действительности. Проектная деятельность подразумевает создание нового уникального продукта, поэтому требует от профессионалов системы компетенций, которые будут способствовать преобразованию исходного предмета труда с учетом интересов всех сторон (как внутренних, так и внешних клиентов) и изменяющихся условий, требующих мониторинга и итераций для получения результата, отвечающего показателям качества и надежности. Нормативный (заданный) результат труда всегда трансформируется, потому что работнику приходится балансировать показатели результативности, качества, надежности [5, с. 104]. Достижение этого баланса требует ответственного выбора и соотношения своих возможностей соответственно задачам, которые стоят перед профессионалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас новых профессий. Вторая редакция. АСИ, Сколково. — Москва, 2014. — 287 с.
2. Климова А. В. Стилиевые особенности саморегуляции и представление о собственной субъектности профессионалов, включенных в проектную деятельность (неопубликованная рукопись).
3. Климов Е. А. Введение в психологию труда: учебник для студ. вузов. — М.: Изд-во Моск. ун-та: Академия, 2004. — 334 с.
4. Климов Е. А. Психология профессионала: Избранные психологические труды. — М.: Воронеж, 2003. — 456 с.
5. Поваренков Ю. П. Уточнение отдельных понятий системогенетической концепции профессионального становления личности // Системогенез учебной и профессиональной деятельности [Текст]: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции под науч. ред. Ю. П. Поваренкова. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. — 317.
6. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. — 464 с.
7. Chiochio F., Essiembre H. Cohesion and performance: A meta-analytic review of disparities between project teams, production teams, and service teams // Small Group Research. 2009. 40 (4). P. 382–420.
8. Hobbs B., Chiochio F., Kelloway E. K. The Psychology and Management of Project Teams: An Interdisciplinary Perspective. Oxford University Press, 2015. — 552 с.
9. Horn J.L. A rationale and test for the number of factors in factor analysis // Psychometrika. 1965. Vol. 30 (2). P. 179–185.
10. O'Neill T. A., Allen N. J., Hastings S. E. Examining the “pros” and “cons” of team conflict: A team-level meta-analysis of task, relationship, and process conflict // Human Performance. 2013. 26. P. 236–260.
11. Velicer W. F. Determining the number of components from the matrix of partial correlations // Psychometrika. 1976. Vol. 41 (3). P. 321–327.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

SOCIO-PSYCHOLOGICAL STRUCTURE OF MAKING MANAGEMENT DECISIONS

Z. Masharsky

Summary. No control function, no matter what body it performs, cannot be realized except through the preparation and execution of managerial decisions. The totality of the activities of any employee of the administration is somehow connected with the adoption and implementation of decisions. This determines the importance of decision-making and determine its role in management.

Keywords: managerial decisions, group activities, Manager, psychological consequences.

Машарский Захар Владимирович

К.псх.н., Белорусский научно-исследовательский институт транспорта «Транстехника», Республика Беларусь, г. Минск
distm@mail.ru

Аннотация. Ни одна функция управления, независимо от того, какой орган ее осуществляет, не может быть реализована иначе как посредством подготовки и исполнения управленческих решений. Вся совокупность видов деятельности любого работника управления так или иначе связана с принятием и реализацией решений. Этим определяется значимость деятельности по принятию решений и определению его роли в управлении.

Ключевые слова: управленческие решения, групповая деятельность, менеджер, психологические последствия.

В современной системе подготовки сегодня особое место занимает подготовка управленческих кадров. Необходимость профессиональной и качественной подготовки управленцев уже давно не вызывает сомнения, т.к. управление как особый вид деятельности давно выделилось в отдельную сферу жизни различных организационных систем. Любой человек, который готовится стать управленцем достаточно четко знает основные функции управления — планирование, организация, мотивация, контроль. Однако при этом он не часто задумывается, что реализовывать эти функции возможно лишь при условии принятия решения. Управленцы ежедневно принимают множество решений, которые они реализуют или нет, однако важным является понимание места и роли решений для теории и практики управления.

В наше время издано множество учебников и монографий, посвященных механизмам разработки, принятия и реализации решений. В каждой из этих работ заметна обеспокоенность трудностями, которые возникают при подготовке управленцев к принятию решения. Эти трудности заключаются в существующих противоречиях:

- ◆ между образовательными системами подготовки управленцев и требованиями реальной действительности;
- ◆ между имеющимися образовательными технологиями и степенью развития личных и профессиональных качеств обучающихся, необходимых для принятия решений;

- ◆ между уровнем и качеством развития теории принятия решений и запросами практиков к теории.

Сегодня принятие управленческих решений разного уровня требует учета глобальных факторов в развитии социальных систем, осознания системного характера всех осуществляемых действий. Современная действительность характеризуется целым рядом вызовов, которые фиксируют определяющую роль управленческих решений, это:

- ◆ мировоззренческий вызов, требующий нового миропонимания процессов, протекающих в социальных системах, приведения повседневной жизнедеятельности и деятельности людей в соответствие с требованиями законов природы и общества, вскрытых фундаментальной наукой;
- ◆ организационный вызов, определяющийся превращением созданных людьми организаций, в большие и сложные системы, что влечет за собой усложнение принятия решений, в первую очередь, по оптимизации управления этими системами;
- ◆ средовой вызов, сформированный неопределенностью среды и наличием множества критериев выбора;
- ◆ информационный вызов, развивающийся активностью использования информационных систем, систем поддержки принятия решения, административных систем и программ искусственного интеллекта в процессе принятия решений;

- ♦ культурный вызов, определяющийся тем, что затрагивает все сферы человеческой жизнедеятельности, требует высокой культуры мышления и особенно развитого стратегического мышления.

Вся современная система и условия деятельности управленца вызывают необходимость изменения системы подготовки так, чтобы она развивала в них способность к принятию решений в новых реалиях, в новой системе координат. Это требует разработки новых критериев оценки вариантов действия, другой системы базовых и индивидуальных ценностей, учета тенденций изменения глобальной ситуации. Управленческая практика сегодня показывает, что компетентность управленца проявляется в эффективности принимаемых им решений и умении их реализовывать. Это, в свою очередь, делает необходимым внесение изменений в систему принятия решений, понимания места и роли решения в управлении и управления в развитии человека и общественных систем[1].

Анализ процесса принятия решения в социально-психологическом контексте может быть проведен с учетом трех его составляющих: анализ активности субъекта, принимающего решение, особенности ответственности, специфика последствий. В рамках анализа активности субъекта надо учитывать, по меньшей мере, три уровня его активности: собственный психологический уровень, личностный уровень, групповой уровень.

Анализ многоуровневости личностного пространства субъекта, принимающего решение, основывается на особенностях этого пространства, которые обусловлены системой субъектного взаимодействия. На психологическом уровне процессы принятия решения носят характер субъективных действий и определенной психологической активности. На первом шаге осуществляются процессы распознавания неопределенности в контексте собственной активности, дальше осуществляется репрезентация в форме субъективных представлений о необходимости принятия решения, то есть самоопределение. Дальнейшая активность обусловлена определением возможных альтернатив в соответствии с внешними факторами (среда, требования и т.п.) и субъективными представлениями о проблеме относительно дальнейшего выбора из этих альтернатив, то есть осуществлением решения как волевого акта принятия ответственности за последствия. Реализация принятого решения, предусматривает сложную и разветвленную активность относительно поставленной цели. На этапе контроля и анализа результатов и последствий принятого решения реализуется рефлексивная активность субъекта.

Процесс принятия управленческого решения одновременно регулируется и системой групповой деятельности и взаимодействия, т.е. процесс принятия решения является таким социальнопсихологическим феноменом, который определяется также и через механизмы регуляции групповых процессов, которые существуют в организации. Особенностью этих процессов является тот факт, что анализу должны подлежать система деятельности в целом, которая представлена в двух формах — внешней (определенное действие и поведение) и внутренней (регуляция, осознание, контроль действий); субъект этой деятельности, как определенная целостная система и как отдельные единицы этой системы, которые активно участвуют в развитии собственной деятельности[2].

Следовательно, анализ процесса принятия решения как специфического социальнопсихологического феномена должен учитывать как минимум три уровня активности субъекта, который принимает решение: собственный психологический (субъективный) уровень, личностный уровень; групповой уровень. На психологическом уровне возникает определенное субъективное действие, которое обуславливается потребностью решения неопределенности в процессе осуществления профессиональной деятельности. Такая психологическая активность может быть реализована лишь при условиях учета личностных норм и ценностей, а также способности взять за нее ответственность. То есть способность к личностной рефлексии и собственной идентичности. Управленческое решение обеспечивает направленность деятельности конкретных субъектов на достижение цели, следовательно, оно должно отвечать и групповым нормам и ценностям, в которых презентуется специфика взаимодействия и эффективность реализации деятельности.

Следовательно, такая многоуровневость субъективного пространства принятия решения требует анализа влияний каждого уровня на этот процесс. Причем, когда субъект, который принимает решение, является групповым субъектом управления, то на психологическом уровне возникает потребность определять особенности интегрированности всех членов группы как целостного субъекта управления, который имеет собственные психологические характеристики. Однако, с позиций системного подхода эти характеристики являются не простой суммой отдельных характеристик членов этой группы или какимто средне статистическим показателем. Активность субъекта, который принимает решение, определяется специфическими характеристиками группового сознания, особенностями мотивационноволевой направленности, целостным представлением ситуации неопределенности, потребностью в собственных субъективных действиях, кото-

рые соотносятся с коллективными действиями по принятию решения. При условиях, когда субъект, который принимает решение, является единоличным субъектом управленческого действия, то анализу подлежат его мотивационно-волевые процессы, которые определяют направленность активности в разрешении ситуации неопределенности. Однако, при любых условиях, субъект, который принимает решение, должен будет иметь развитую субъективную идентичность и психологическую целостность.

На личностном уровне определяющим является осознание субъективных норм и ценностей, которые обуславливают специфику и качество ответственности за принятое решение. Осознанное задействование собственной личностной позиции через мировоззрение, ценностные ориентации, социальные установки обуславливает наполнение процесса принятия решения определенными нормами социальной активности, специфическими ценностными факторами. Эффективность принятия решения на этом уровне обуславливается способностью к личностной рефлексии, рефлексии собственной деятельности, сформированностью личностной идентичности, а при условиях группового субъекта интегрированных в определенную целостность нормам и ценностей всех его участников.

Даже самый высокий уровень эффективности деятельности на психологическом и личностном уровне во время реализации процесса принятия решения может быть нивелирован на социально-психологическом (групповом) уровне. Решающим на этом уровне является соответствие принятого решения действующим нормам и ценностям в организации. Это обусловлено тем, что реализация всех этапов процесса принятия решения касается всех субъектов деятельности, которые в этом процессе обнаруживают собственные позиции и состояния, развиваются как личности и как профессионалы (в пределах деятельности, которая осуществляется). Однако, определенная индивидуальность каждого регулируется групповыми процессами и групповыми нормами, причем эти процессы могут способствовать гармонизации групповой деятельности, а могут наоборот — затруднять ее, что определенным образом будет влиять на эффективность реализации принятого решения.

Следовательно, анализ процесса принятия управленческого решения с позиций многоуровневости субъективного пространства должен учитывать определенные влияния, которые могут снижать успешность реализации процесса принятия решения, а именно:

- ◆ ориентация только на экономический результат, недооценка социальных и социально-психологических условий и последствий;

- ◆ отсутствие сформированной психологической готовности исполнителей к приятию и реализации решения;
- ◆ разрывы и отсутствие целостности всего процесса принятия решения;
- ◆ ограниченный субъективизм разработчиков решения, которое оказывается в ориентации исключительно на собственный опыт, интуицию, вдохновение, симпатии или антипатии к кому-то или чему-то, преследование, прежде всего, собственной выгоды, стремление к неоправданному риску;
- ◆ недостаточная интегрированность в групповом взаимодействии;
- ◆ отсутствие учета внутренних групповых процессов в организации[3].

Второй спецификой социальнопсихологического анализа процесса принятия решения является готовность человека целенаправленно действовать определенным образом и побуждать к определенным действиям других, при условиях взятия на себя ответственности за возможные последствия своих действий или действий тех, кто будет выполнять решение. Субъект, принимающий решение, создает условия, в которых другие снимают с себя ответственность за последствия собственных действий. Следовательно, еще один аспект процесса принятия решения — это система регуляции взаимосвязи личности и организационной системы относительно распределения ответственности в этой системе.

Ответственность субъекта, принимающего решение, является определенным равновесием между профессионально-статусными требованиями и нормативами и морально-этической активностью личности. Значимым элементом процесса принятия решения здесь является социальная ответственность. То есть в процессе принятия управленческого решения проблематика ответственности заостряется дважды: во время принятия решения (личностный уровень) и во время анализа последствий, принятого решения (социальный, уровень). Следовательно, социально-психологический анализ процесса принятия решения должен учитывать особенности готовности брать ответственность за собственные действия и действия исполнителей: с одной стороны через специфику личностной позиции субъекта, принимающего решение, а с другой — относительно социально-нормативных требований к деятельности организации в социальном пространстве[4].

Третья составляющая социально-психологического анализа принятия решения — это учет психологических и социально-психологических последствий. Любое решение должно быть обосновано относительно

последствий, которые оно вызывает. Управленческое решение имеет не только хозяйственные последствия, оно всегда социально, всегда вызывает у всех субъектов, на которых оно направлено, или позитивное, или негативное отношение. Оно полиэффектно и касается всех смыслов: производственно-экономического, социального, морального, психологического и т.п. Оценкой оптимальности принятого решения являются не только экономические показатели, а также поведение, инициатива и деятельность людей. Для субъекта, принимающего решение, при этих условиях важны коммуникативные и аутокоммуникативные процессы, которые отображают рефлексивные установки личности. Технологически эти установки отображаются в постоянном ответе на вопрос: что необходимо сделать в конкретных условиях по реализации цели; каким образом можно представить предметное будущее, каким образом получить результат, который отвечает предметной форме результата и тому подобное.

Таким образом, принятие управленческого решения — это системный процесс, реализующийся на субъективном уровне субъекта, принимающего решение, и предопределяющий активность группового субъекта относительно достижения изменений развития организации в соответствии с поставленной целью. Следовательно, основная социально-психологическая проблема управленческой деятельности может быть определена как нахождение баланса между поддержкой управленческих решений и поддержкой конкретных субъектов (объектов) управленческой деятельности. Указанные особенности анализа процесса принятия решения позволяют иначе рассматривать арсенал имеющегося педагогического инструментария в организации качественной подготовки управленцев. Здесь, с нашей точки зрения, наиболее эффективными являются активные формы групповой работы: тренинги с использованием системно-мыследеятельностных форм, проектные игры, организационно деловые игры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубков Е. П. Технология принятия управленческих решений / Е. П. Голубков. — М.: «Дело и сервис», 2005. — 544с.
2. Дафт Р. Менеджмент. 6-е изд. / Пер. с англ. — СПб.: Питер, 2004. — 864с.
3. Друкер, Питер Ф. Эффективный руководитель: пер. с англ. — М.: ООО «И. Д. Вильямс», 2007. — 224с.
4. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: пер. с англ. — М.: «Дело», 1992. — 702 с.

ДИАГНОСТИКА И КОРРЕКЦИЯ ВНУТРИЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

DIAGNOSTICS AND CORRECTION OF INTRAPERSONAL CONFLICTS OF PEDAGOGICAL INSTITUTE STUDENTS

Yu. Pecherskii

Summary. The article analyzes the problems of diagnostics and correction of intrapersonal conflict in students of pedagogical institute of higher education. It was presented a brief review of approaches to the problem in the foreign and domestic psychology. The key questions of intrapersonal conflict problems of students — pedagogues were considered, in particular — nature, types of intrapersonal conflict, and the conditions for its correction. It was proved that the essence of the intrapersonal conflict connected with the fight of motives, ideas, goals and personality values.

Keywords: intrapersonal conflict, contradiction, psychosynthesis, correction, professional adaptation.

Печерский Юрий Иванович

*Соискатель, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского»
y.i.pechersky@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются проблемы диагностики и коррекции внутриличностного конфликта студентов педагогических вузов. Представлен краткий обзор подходов к проблеме в зарубежной и отечественной психологии. Рассмотрены ключевые вопросы проблемы внутриличностного конфликта студентов-педагогов, в частности — природа, виды внутриличностного конфликта, условия его коррекции. Доказано, что сущность внутриличностного конфликта связана с борьбой мотивов, идей, целей, ценностей личности.

Ключевые слова: внутриличностный конфликт, противоречие, психосинтез, коррекция, профессиональная адаптация.

Внутриличностные конфликты как фактор стимуляции личностного и профессионального роста, сопутствующие успешной социализации рассмотрены в работах Ф.Ю. Василюка, Л.С. Выготского, П.В. Лушина, В.В. Москаленко, К. Роджерса, Б.И. Хасана, К.Г. Юнга и др.

Современная психологическая наука как продуктивный подход к решению проблемы функциональной роли конфликта в формировании личности определяет конфликтологическую схему выработки профессиональной социализации. Ее сущность состоит в осмыслении конфликтной природы взаимоотношений общества и человека, тезисе о взаимосвязи проявления внутриличностного конфликта как психологического феномена всех уровней. Она строится на идее понимания внутриличностного конфликта как субъективного отображения человеком неравномерности процесса его развития [3, с. 57].

Однако, несмотря на достаточно большой объем работ по вопросам внутриличностных конфликтов, аспект этого явления в плане проблемы профессионального выгорания студентов педагогических вузов остается недостаточно изученным.

Исходя из анализа основных психологических теорий личностного развития, можно отметить, что понимание внутриличностного конфликта в контексте профессиональной адаптации студента-педагога не-

однозначно. Систематизация теоретических подходов к проблеме внутриличностного конфликта как фактора профессиональной адаптации позволила классифицировать его по таким ключевым позициям — «сохранение исходного противоречия» и «вероятность конструктивного решения конфликта» [3]. Исходя из теоретических исследований, сегодня существует шесть психологических моделей внутриличностных конфликтов: психоаналитическая (З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, А. Адлер), когнитивная (К. Левин, Р. Лазарус, Л. Фестингер, С. Фолкман), гуманистическая (А. Маслоу, К. Роджерс, К. Юнг, В. Франкл), ролевая (И.С. Кон, Я.Л. Колминский, Р. Мертон, Т. Парсонс, Т. Шибутани), возрастная (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, Э. Эриксон), мотивационно-смысловая (В.М. Мясичев, В.В. Столин, С.Л. Рубинштейн, В.С. Мерлин).

Исходя из теоретических разработок, можно выделить несколько уровней, на которых проявляется внутриличностная конфликтность как характеристика ситуационного взаимодействия: внутриличностные осложнения, собственно внутриличностные конфликты, внутриличностные кризисы (А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов). Психологическое содержание внутриличностных конфликтных переживаний студентов педагогических вузов имеют высокую степень индивидуальной дифференциации и тем самым определяют уникальность их восприятия и интерпретации конкретным человеком [10]. Индикатором перехо-

да с одного уровня внутриличностных осложнений на другой выступает восприимчивость системы самоотношения перед конфликтным контекстом внутреннего опыта [5, с. 915]. Характер профессиональной социализации студента-педагога определяется теми внутренними моделями переживания и решения внутриличностных осложнений, которые формируются в сознании и составляют основу индивидуального опыта.

Ключевые содержательные единицы конфликтных переживаний студентов-педагогов относительно профессиональной сферы определяются следующим образом: главный контекст проблемы внутреннего Я — это внутриличностная дезориентация, скованность («не знаю, чего хочу», «тяжело описать мои чувства другим»), боязнь будущего и оценок окружающих («волнуюсь при взаимодействии с новыми людьми, новыми обстоятельствами», «другие не одобряют моего поведения»).

Проблема неудовлетворенности выбором профессии определяется тремя взаимосвязанными контекстами, которые отображают переживание бесперспективности обучения в высшем учебном заведении: неуверенность в будущем трудоустройстве по избранной специальности без посторонней помощи; неудовлетворенность выбранной специальностью, профессией; недостаточное вовлечение в профессию из-за предметов, которые изучаются «не по специальности» [8; 9].

На основе анализа взаимосвязи показателей системы самоотношения и уровня интенсивности конфликтных переживаний можно констатировать, что риск потери положительного самоотношения повышается с ростом интенсивности конфликтных переживаний. Самым большим конфликтогенным влиянием на систему самоотношения, независимо от уровня осознания, характеризуются негативные переживания, связанные с внутренним Я студента-педагога, отношениями с лицами противоположного пола [1; 4; 5; 6].

Большинство студентов педагогических вузов характеризуются высоким уровнем положительного самоотношения, свидетельствующим о восприятии трудностей взросления как относительно несложных внутренних проблем; группа с негативным самоотношением характеризуются наличием острых внутриличностных конфликтных переживаний.

При этом, для большинства студентов профессиональная социализация происходит бесконфликтно, для меньшинства — характерна конфликтная социализация, особенности внутриличностных конфликтов студентов при этом имеют различное выражение и содержание. Мотивирующим влиянием на профессиональную соци-

ализацию студентов обладает внутриличностная конфликтность, выраженная в мотивации на достижение успеха на фоне негативного самоотношения, при этом восприятие студенчества характеризуется дихотомичностью мотивационных смысловых установок: на саморазвитие (новый опыт в преодолении трудностей, развитии и тренировке интеллекта) и коммуникативный комфорт (уважение одногруппников, приключения с друзьями). Для студентов с бесконфликтной профессиональной социализацией характерны определения студенчества как благоприятного для саморазвития, активной самореализации (возможность проявлять самостоятельность, организованность, выявлять свои способности, приобретать необходимые профессиональные знания) [1; 5].

Признаками критического типа внутриличностного конфликта студентов-педагогов, независимо от этапа обучения, выступают: 1) блокирование осознания личностной значимости, выраженное как тенденция к негативному самоотношению, потеря самоуважения и аутосимпатии; внутренняя скованность, зависимость от одобрения других, неспособность проявления собственных чувств; 2) коммуникативный дистресс, выражающийся как ощущение дискомфорта при общении с одногруппниками, преподавателями, родителями; коммуникативная пассивность (неспособность установления доверительных отношений, трудности самопрезентации); 3) блокировка мотивации саморазвития, выражающаяся как повышенный уровень мотивации избежать неудачи, в превосходящей мотивационной установке поиска комфортных эмоциональных и коммуникативных условий [2].

Основываясь на теоретических подходах к проблеме роли внутриличностных конфликтов как факторов профессионального выгорания студентов педагогических вузов установлено, что психологическая составляющая данного феномена определяется сложным взаимодействием внешних и внутренних факторов, представленных конфликтными переживаниями, связанных со сферами, имеющими наибольший эмоциональный потенциал, а также внутриличностными осложнениями в обучении и отношениях с преподавателями.

Для коррекции негативного воздействия внутриличностных конфликтов на студентов-педагогов с целью предотвращения их профессионального выгорания необходима разработка психологических механизмов, обеспечивающих преодоление негативных последствий внутриличностных конфликтов, расширение личностных возможностей трансформации внутриличностных конфликтов как продуктивных в процессе саморазвития и самореализация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В.В. Возможности профилактики конфликтов в студенческой группе [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.rae.ru/forum2012/236/539> (Дата обращения: 02.09.2016).
2. Андреева Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2004. — 365 с.
3. Анцупов А. Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 528 с.
4. Буйнов Л. Г. Деформация в мотивационной и смысловой сфере как один из основных факторов, обуславливающий предрасположенность к асоциальному поведению / Н. Н. Плахов, А. Г. Зайцев, Л. Г. Буйнов // в сборнике: Развитие системы уровневой подготовки специалистов безопасности жизнедеятельности (опыт внедрения) материалы XII Всероссийской научно-практической конференции. — СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — С. 167–168.
5. Зайцев А. Г. Изучение ценностно-мотивационной сферы студентов-первокурсников гуманитарного ВУЗа / А. Г. Зайцев, В. А. Ткачук, А. А. Ткачук // Молодой ученый. — 2014. — № 3. — С. 915–916.
6. Конфликтология / А. Я. Кибанов [и др.]. — М.: Инфра-М, 2005. — 302 с.
7. Никуленкова О.Е. [© Печерский Юрий Иванович \(y.i.pechersky@mail.ru\). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»](http://library.islu.ru/cgi-bin/irbis64r_opak81/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&l21DBN=AREF&P21DBN=AREF&S21STN=1&S21REF=10&S21FMT=fu1lw&C21COM=S&S21CNR=20&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21COLORTERMS=0&S21STR=Гендерные особенности внутриличностных конфликтов в студенческом возрасте и их предупреждение: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.07 / О. Е. Никуленкова. — Пятигорск, 2009. — 22 с.
8. Плахов Н. Н. Безопасность жизнедеятельности: психолого-педагогические основания здоровья // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2012. — № 145. — С. 90–95.
9. Сыромятникова Л. И. Компетентный подход к изучению медико-валеологических дисциплин будущими специалистами безопасности жизнедеятельности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 98. — С. 201–204.
10. Ткачук В. А. Влияние деформации в ценностно-смысловой сфере на структуру внутриличностных конфликтов студентов гуманитарного вуза / В. А. Ткачук, А. А. Ткачук // Молодой ученый. — 2014. — № 3. — С. 1036–1038.

</div>
<div data-bbox=)

ГОТОВНОСТЬ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА СТУДЕНТА КАК ЖИЗНЕННАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

WILLINGNESS TO IMPLEMENT THE STUDENT'S CHOICE OF PROFESSIONAL COMPETENCE AS A VITAL

**E. Stoyanova
O. Kozyreva**

Summary. In modern conditions of high interest to the various problems of the professional competencies of university students the most interesting is the discussion of the problem of formation of a greater degree of psychological competence. One of the main psychological competencies of students majoring in "Clinical Psychology" stands ready to make a selection. It is the ability to exercise choice becomes the criterion of personality integrity and readiness for self-realization.

Keywords: readiness, professional range of student competence

Стоянова Екатерина Иннокентьевна

К.псх.н., доцент, ГОУ ВО «Красноярский
государственный медицинский университет
им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого»
katya-chernova@yandex.ru

Козырева Ольга Анатольевна

К.п.н., доцент, ГОУ ВО «Красноярский государственный
педагогический университет им. В. П. Астафьева»;
доцент, ГОУ ВО «Красноярский государственный
медицинский университет
им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого»
kozyrevaoa@mail.ru

Аннотация. В современных условиях повышенного интереса к разным проблемам профессиональных компетенций студентов вузов наиболее интересной представляется рассмотрение проблемы сформированности в большей степени психологических компетенций. Одной из основных психологических компетенций студентов специальности «Клиническая психология» выступает готовность к осуществлению выбора. Именно способность осуществлять выбор становится критерием целостности личности и ее готовности к самоосуществлению.

Ключевые слова: готовность, профессиональный выбор студента, компетентность.

Рассмотрим существующую трактовку понятия «готовность». В словаре С.И. Ожегова в первом значении готовность — это «согласие сделать что-нибудь», во втором — «состояние, при котором все сделано, все готово для чего-нибудь» [18, с. 122]. В первом значении, по нашему мнению, речь идет о принятии решения, а во втором значении — о ресурсах, наличие которых обеспечивает выполнение принятого решения. Научное понятие «готовность к деятельности», «к осуществлению выбора» включает в себя оба эти значения. В социально-экономических исследованиях готовность рассматривается в более широком толковании, как «готовность информационно-коммуникационной инфраструктуры страны, континента или всего земного шара к всеобщей электронизации экономики», в данном случае здесь рассматривается готовность общества жить в информационном пространстве [17]. С точки зрения естественнонаучного подхода рассматривается понятие «биологическая готовность — термин описывает тот факт, что организмы лучше приспособлены к ассоциированию определенных сочетаний стимулов и реакций» [11].

Как отмечают В.А. Крутетский, В.А. Шадриков «готовность к деятельности» рассматривается через понятия

«бдительность», «боеготовность», «мобилизационная готовность», «настроенность», «оперативный покой» и т.п. и рассматривают ее как кратковременное либо длительное состояние, свойство или качество личности, соотнося с такими характеристиками человека, как способность, направленность, компетентность, профессионализм [23].

В многочисленных социологических, педагогических, психологических исследованиях существует тенденция употреблять понятие готовности в широком диапазоне и в контексте достаточно разнообразного спектра психологических явлений: готовность к действию, к деятельности, к труду (Т.В. Кудрявцев, Н.И. Крылов, Л.А. Мойсенко), к педагогической деятельности, к педагогическому общению (Н.В. Кузьмина, Е.А. Орлова), к выбору профессии, профессиональному самоопределению, профессиональной деятельности (Э.А. Фарапонова, В.В. Чебышева, А.В. Массанов, В.И. Виноградов).

В научной психологической литературе рассматриваются различные аспекты понятия «готовность». По мнению М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбовича, готовность рассматривается в качестве настроев лич-

ности на определенное поведение и как установка на активные действия, приспособление личности для успешных действий в данный момент, обусловленных мотивами и психическими особенностями личности [цит. по. Бершедова:]. Многие исследователи отождествляют понятие готовность с такими понятиями как «установка», «социально-психологическая установка». Как известно, проблема установки была специальным предметом в школе Д. Н. Узнадзе, «установка является целостным динамическим состоянием субъекта, состоянием готовности к определенной активности, состоянием, которое обуславливается двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объектной ситуации» [цит. по.: Гилева].

Несмотря на различия в конкретном толковании понятия готовности, большинство авторов придерживаются мнения, что это особое психическое состояние. Отметим следующее, что в исследованиях А. Г. Ковалева, Н. Д. Левитова психическое состояние трактуется, прежде всего, как целостное проявление личности, занимающее как бы промежуточное место между психическими процессами свойствами личности [цит. по.: Магазаева]. Л. И. Бершедова в своем исследовании отмечает, что состояние высокой психической напряженности, которое знаменует овладение личностью новым для нее способом деятельности существования, можно считать индикатором активизации самим человеком обширных систем своей психической жизни. В науке результаты таких преобразований личности иницируются с понятием «готовность», выступающим автономной характеристикой изменяющегося человека в изменяющихся ситуациях и имеющим, таким образом, свое происхождение и историю развития [11; 21].

Исследования ученых М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбовича показали, что динамическую структуру готовности к сложным видам деятельности составляют следующие взаимосвязанные элементы:

- ◆ Осознание своих потребностей, требований общества, коллектива или поставленной другими людьми задачи;
- ◆ Осознание целей, достижение которых приведет к удовлетворению потребностей или выполнению поставленной задачи;
- ◆ Осмысливание условий, в которых будут протекать предстоящие действия, актуализация опыта, связанного в прошлом с решением задач и выполнением требований подобного рода;
- ◆ Определение на основе опыта и оценки предстоящих условий деятельности как наиболее вероятных, так и вспомогательных способов решения задач или выполнения требований;

- ◆ Прогнозирование проявления своих интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных и волевых процессов, оценка соотношения своих возможностей, уровня притязаний и необходимости достижения определенного результата;
- ◆ Мобилизация сил в соответствии с условиями и задачей, самовнушение в достижении цели [цит. по.: Бершедова].

Изложенный материал показывает, что состояние готовности имеет сложную динамическую структуру, является выражением совокупности интеллектуальных, эмоциональных, мотивационных и волевых сторон психики человека в их соотношении с внешними условиями и предстоящими задачами.

Как уже отмечалось выше, ряд авторов считают, что помимо готовности как психического состояния существует и проявляется готовность как устойчивая характеристика личности, обозначенная понятиями: подготовленность, длительная или устойчивая готовность.

Прежде всего, отметим, что готовность это всегда состояние, направленное на что-либо, так в исследовании О. М. Краснорядцевой, И. О. Гилевой был описан феномен «мотивационной готовности к творческой профессиональной деятельности», который рассматривался следующим образом «мотивационная готовность — это готовность действующей личности к трансформации деятельности, изменению мотивов как определяющих деятельность при встрече со значимой информацией, способной позволять такую трансформацию» [цит. по.: Гилева], также отмечается, что мотивационная готовность это «системная характеристика человека, представляющая интеграцию индивидуально-типологических, личностных и деятельностных свойств, которая позволяет реализовывать возможности, открывающиеся в мире, и тем самым открывать самого себя, выходя за пределы норм, проявлять нормотворчество, свободную инициацию» [цит. по.: Гилева].

Достаточно убедительно представлена трактовка «мотивационной готовности к творческой профессиональной деятельности» О. М. Краснорядцевой, И. О. Гилевой, которая в свою очередь органично вписывается в контекст данной работы, позволяющая охватить весь спектр индивидуально-типологических и личностных особенностей, которые могут быть включены в структуру готовности к осуществлению управленческой деятельности.

По мнению авторов М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович, готовность к осуществлению выбора может быть

определена как: длительная готовность (сформированная) и ситуативная готовность.

Длительная (сформированная) готовность действует постоянно, ее не надо каждый раз формировать. Эта готовность существенная предпосылка успешной деятельности. Длительная готовность — устойчивая система профессионально важных качеств личности, соответствующая структуре, содержанию и условиям профессиональной деятельности, обеспечивающая легкость актуализации и включения в выполнение задачи, пластичность, сочетание устойчивости и динамизма.

Структура длительной готовности:

- ◆ положительное отношение к тому или иному виду деятельности, профессии;
- ◆ адекватные требования деятельности, профессии, черты характера;
- ◆ необходимые знания, умения, навыки;

- ◆ устойчивые, профессионально важные особенности восприятия, внимания, мышления, эмоциональных и волевых процессов [цит.по: Бершедова].

Ситуативная готовность это каждый раз создаваемое функциональное острие долговременной готовности, повышающее ее действительность. Рассматривая структуру ситуативной готовности к деятельности, авторы конкретизируют эти позиции, выделяя: познавательные компоненты (понимание разного рода профессиональных задач, оценка значимости); эмоциональные компоненты (чувство профессиональной чести и ответственности, уверенность в успехе, воодушевление); мотивационные компоненты (потребность успешно решать задачи, интерес к процессу их решения, стремление добиваться успеха и показать себя с лучшей стороны); волевые компоненты (мобилизация сил, преодоление сомнений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни [Текст] / К. А. Абульханова-Славская. — М.: Мысль, 1991. — 299 с.
2. Акофф, Р. Искусство решения проблем [Текст]/Р. Акофф. — М.: Мир, 1982.-224с.
3. Асмолов, А. Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии [Текст]/ А. Г. Асмолов. — М.: Смысл, 2002. — 480 с.
4. Асмолов, А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека/А.Г. Асмолов. — М.: Смысл, Академия, 2007. — 528 с.
5. Бердяев, Н. А. Судьба России: Книга статей [Текст] /Н.А.Бердяев. — М., 2008.-419 с.
6. Бершедова, Л. И. Психологическая готовность к переходу на новый этап возрастного развития как личностное образование кризисных периодов [Текст]: автореф. дис. . . д-ра психол. наук: 19.00.13. — психология развития, акмеология / Бершедова Людмила Ивановна — М., 1999. — 45 с.
7. Василюк Ф. Е.. — М.: МГППУ, Смысл, 2003. — 240 с.
8. Гилева, И. О. Психологическое сопровождение становления личности в процессе вузовской подготовки [Текст] /И. О. Гилева// Психологическое сопровождение становления личности в образовательном процессе: материалы региональной научно-практической конференции. — Барнаул, 2002. — С. 44–47.
9. Гилева, И. О. Психология профессиональной деятельности учителя [Текст]/И.О.Гилева. — Красноярск, 2003. — 108 с.
10. Деркач, А. А. Акмеология/ А. А. Деркач, В. Г. Зазыкин. — СПб.: Питер, 2003. — 256 с.
11. Дмитриева, О. Б. Формирование психологической готовности молодых специалистов к профессиональной деятельности [Текст]: дис. . . канд. психол. наук / О. Б. Дмитриева. — М., 1997. — 188с.
12. Кабрин, В. И. Персональная коммуникативная сеть индивидуальной траектории образования [Текст] / В. И. Кабрин // Сибирский психологический журнал — 2010.-№ 37.-С.71–75
13. Ключко, В. Е. Смысловая теория мышления в транспективе становления психологического познания: эпистемологический анализ [Текст]/ В. Е. Ключко // Вестник Московского университета. Серия «Психология» — 2008. — № 2. — С. 87–101.
14. Козырева О. А. Инклюзивное образование: от теоретической модели к практике реализации//«Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева» № 2(40) 2015.— С. 10–16
15. Козырева О. А. Концепция формирования инклюзивной компетентности магистра образования //«Alma mater». — № 4. — 2016. — С. 36–42
16. Логинова, И. О. Временной континуум жизненного самоосуществления человека [Текст] /И. О. Логинова // Вестник Краснояр.госпед.ун-та им В. П. Астафьева.-2008.-№ 1.-С.84–89.
17. Михайлов, О. В. Готовность к деятельности как акмеологический феномен: содержание и пути развития: дис. . . канд. психол. наук / О. В. Михайлов. — М., 2007. — 166 с
18. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст]/С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Швецовой.-М.: Рус.язык. 1984.-797с.
19. Поникарова, В. Н. Личностно-ориентированные технологии формирования готовности педагогов к осуществлению инклюзивного образования / Личностно-ориентированные технологии в образовании как фактор безопасного развития личности: Монография / Под ред. В. Г. Маралова, Н. В. Гольцовой. — Череповец: ЧГУ, 2014. — с. 256–270
20. Ревякина В. И. Магистратура — ресурс повышения кадрового потенциала Российских ВУЗов.// Вестник ТГПУ. Рубрика: Высшее педагогическое образование. Выпуск № 10. 2011. С. 29–33.

21. Ревякина В. И. Проблемы профессиональной деятельности учителя// Качество образования: достижения, проблемы, перспективы: Материалы научно-методической конференции 31.01–01.02.2001 г. — Томск. — 2001. — С. 60–70.
22. Самарцева, Е. Г. Формирование профессиональной готовности будущих педагогов к инклюзивному образованию детей дошкольного возраста: автореф. дис. . . . канд. пед. наук. — Орел, 2012.
23. Шадриков, В. Д. Психология деятельности и способности человека [Текст]/В. Д. Шадриков. — М.: Логос, 1996.-320 с.

© Стоянова Екатерина Иннокентьевна (katya-chernova@yandex.ru), Козырева Ольга Анатольевна (kozyrevaoa@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕДИКТОРЫ ДОВЕРИЯ В НЕФОРМАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ В ЭКИПАЖАХ СУДОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

PREDICTORS OF TRUST IN INFORMAL COMMUNICATION IN THE CREWS OF SUPPORT SHIPS OF THE NAVY

L. Tatianina

Summary. The article examines psychological characteristics of trust in the crews of support ships of the Navy of Russia. Models and predictors of trust are presented in informal communication among the sailors, and there are presented the formulas of prediction of interpersonal trust in the crew.

Keywords: trust, personal trust, social trust, interpersonal trust, a crew, regression analysis, predictors of trust.

Татьянина Людмила Георгиевна

Старший преподаватель, Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург
l.g.tatyanina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются психологические особенности доверия в экипажах судов обеспечения Военно-Морского Флота России. Представлены модели и предикторы доверия в неформальном общении моряков, предложены формулы прогноза межличностного доверия в экипажах.

Ключевые слова: доверие, персональное доверие, социальное доверие, межличностное доверие, экипажи, регрессионный анализ, предикторы доверия.

В последние годы вопросы психологии доверия в коллективах и организациях активно рассматриваются в различных науках — психологических, политических, социологических, экономических и других. Возрастающий интерес к данной проблематике обусловлен растущей в наше время автономии личности, нередко приводящей к отчуждению людей друг от друга, трудностям взаимопонимания, к одиночеству, безразличию. На этой основе растет количество людей, сомневающих во всем, утрачивается доверие к людям, организациям и властям. Теряются и нравственные ценности, такие как доброта, взаимопомощь, взаимоподдержка. Между тем, сотрудничество между людьми в процессе их деятельности, дружба и взаимопомощь невозможны без взаимного доверия.

В современных науках наиболее разработанными являются философские и социологические представления о доверии. Однако понятие доверие содержит глубоко психологическую природу, поскольку является основой для межличностных отношений, взаимодействия человека с миром и с самим собой. Т.П. Скрипкина характеризует доверие как важное нравственное понятие, которое выступает как этическая категория морали. [6; 28]. Ситуацию полного взаимного доверия партнеров в общении, возникающую в современном мире довольно редко, можно рассматривать как идеальную модель, способствующую творчески продуктивному диалогу. Недоверие рассматривается психологами как неконструктивный способ поведения, как «основной компонент неэффективного общения, блокирующий возможность быть признанным, любимым, препятствующий личностному развитию, ведущий к волнению, депрессии, беспокойству», подозрительности, ма-

нипуляции, незаконченным делам и одиночеству.[1; 86]. Социально-психологическими исследованиями, проведенными А.Б. Купрейченко, установлено, что осознанный высокий уровень доверия к миру и окружающим людям является «выражением общего позитивного мировоззрения, гуманистической жизненной позиции и выполняет созидательную функцию». [3; 64].

Проблема доверия в экипажах судов обеспечения Военно-Морского Флота в настоящее время практически не изучена. Вместе с тем, ее изучение для данной категории групп является крайне актуальной. «Особые» условия профессиональной деятельности моряков сопряжены высоким риском воздействия экстремальных факторов, сложными, а, порой, опасными для здоровья и жизни членов экипажа условиями служебной деятельности, характером выполнения поставленных задач по обеспечению боевых кораблей, обслуживанию оружия и т.п. Нередко профессиональная деятельность проходит в районах с суровыми климатическими условиями, значительно удаленными от основных морских трасс и портов, с продолжительностью нахождения в морских походах при ограниченных возможностях захода в порт (за время похода может быть не запланировано ни одного захода в порт).

Специфика межличностных отношений членов экипажей вытекает из особенностей экипажа судна как группы. Межличностные отношения в таких группах, как правило, строго регламентированы. Личностные особенности членов экипажей, их деловые и профессиональные качества оказывают прямое и определяющее влияние на взаимоотношения, психологическую атмосферу в группе. Известно, что сопротивление организ-

ма к служебным стресс-факторам, его приспособление к экстремальным условиям сопровождается мощным расходом энергетических ресурсов, утомлением, нервным истощением. Необходимость сплоченности экипажа как группы порождается единством условий жизнедеятельности на судне, общими трудностями и опасностями, одной судьбой в море, что психологически способствует слиянию требований капитана судна с требованиями всех членов экипажа к каждому. [2; 42]. Определенная замкнутость экипажа морского судна как коллектива, его изолированность от других социальных групп во время походов в море, длительное общение друг с другом, схожие условия жизни, отрыв от семьи, родных и близких и многие другие «особые» условия труда предъявляют повышенные требования к коллективам морских экипажей: слаженной работе в команде, доверию друг другу, умению оперативно и гибко реагировать на неожиданные или опасные ситуации, эффективно распределять ответственность и полномочия в экипаже, извлекать максимальный эффект от совместной деятельности, активного сотрудничества. Являясь сугубо психологической категорией, доверие выступает тем существенным фактором, который оказывает значительное воздействие на жизнедеятельность экипажа.

Главная цель выполненного нами исследования заключается в изучении влияния личностных и ситуационных детерминант на доверие в неформальном общении в экипажах судов обеспечения Военно-Морского Флота России.

В качестве *личностных детерминант доверия* нами выделены и изучены индивидуально-психологические особенности личности членов экипажа, ценностно-смысловая сфера личности, наличие установки на доверие. Для этого были применены методы исследования: методика «Доверие» (Л.Г. Почебут, М.И. Килошенко, А.Л. Свенцицкий, Т.В. Казанцева), методика изучения структуры ценностей Ш. Шварца, 16-ти факторный личностный опросник Р. Кеттелла. В качестве *ситуационных детерминант доверия* были исследованы психологический климат в экипаже, уровень развития экипажа как группы, сплоченность экипажа. Для изучения ситуационных детерминант доверия были использованы следующие методы исследования: методика изучения социально-психологического уровня развития группы «Пульсар» (Л.Г. Почебут), модифицированная методика оценки доверия личности к коллегам и руководителю (А.Б. Купрейченко), методика оценки социально-психологической атмосферы в коллективе А.Ф. Фидлера.

Выборку исследования составили экипажи пяти судов обеспечения Военно-Морского Флота России. Всего участвовало в исследовании 251 человек в возрасте от 18 до 65 лет (все мужчины).

Методика «Доверие» (Л.Г. Почебут, М.И. Килошенко, А.Л. Свенцицкий, Т.В. Казанцева) является усовершенствованной версией шкалы доверия, разработанной Т. Ямагиши в 1987 г., и предназначена для определения уровня доверия личности другим людям — «персональное доверие» и доверия окружающих людей друг другу — «социальное доверие». Под «персональным доверием» мы понимаем индивидуальную установку опрашиваемого на доверие к другим людям. «Социальное доверие» определяет имплицитное представление опрашиваемого о доверии людей друг к другу вообще. [4;206].

В результате проведенного Л. Татьяниной исследования были выявлены уровни персонального и социального доверия в экипажах, которые можно охарактеризовать как немного выше среднего: 65,0% — персональное доверие и 65,8% — социальное доверие (если за основу данного измерения взять уровень абсолютного доверия — 100%). [Л.Г. Татьяна, 2015]. С помощью данной методики был также определен уровень интегрального межличностного доверия в экипажах, который составил 65,4%.

Для исследования влияния изучаемых психологических параметров на персональное и социальное доверие проведен множественный регрессионный анализ, по результатам которого построены линейные регрессионные модели различных видов доверия в экипажах каждого исследуемого судна. В качестве инструментов обработки данных была использована компьютерная программа для статистической обработки Версия SPSS Statistics 21.0. В данной статье рассмотрена обобщенная регрессионная модель интегрального показателя межличностного доверия по всей исследуемой выборке. В качестве зависимой переменной выступила переменная «интегральное доверие в неформальном общении». В качестве независимых переменных выступили переменные, относящиеся к ситуационным и личностным характеристикам общения.

Исследование показало, что доверие в морских экипажах в достаточной степени зависимо от влияния изучаемых параметров. Коэффициент множественной корреляции модели статистически достоверен (F -Фишера = 10,430; $p = 0,000$). Построенная регрессионная модель показывает, что в исследуемой выборке судов обеспечения ВМФ значимыми предикторами межличностного доверия в экипажах является семь переменных. Из них четыре переменные отражают личностные особенности моряков: стимуляция ($\beta=0,135$), самооценка ($\beta=0,165$), доверчивость-подозрительность ($\beta= -0,158$), твердость-чувствительность ($\beta=0,113$). Взаимосвязи доверия и перечисленных переменных свидетельствуют о том, что более высокое межличностное доверие свойственно морякам с изначальной установкой на доверие в общении, стремящимся к полноте жизненных ощущений, доверчивым, проявляющим сочувствие и эмпатию, независимым, са-

модостаточным. Фактор структуры ценностей личности «стимуляция» (опросник Ш. Шварца) вошел в модель с положительным бета-коэффициентом, что говорит о влиянии на установку доверять другим наличие потребности в ярких переживаниях, новизне и переменах. Фактор «самооценка» (Шкала MD, Кеттелл) вошел в модель с положительным бета-коэффициентом, что отражает влияние на межличностное доверие наличие адекватной самооценки личности, уверенности в себе и самодостаточности. Биполярная переменная «доверчивость-подозрительность» (Шкала L, Кеттелл) вошла в модель с отрицательным бета-коэффициентом, что свидетельствует о влиянии доверчивости как базовой черты характера личности на индивидуальную установку доверять другим членам экипажа. Другая биполярная переменная «твердость-чувствительность» (Шкала I, Кеттелл) вошла в модель с положительным бета-коэффициентом. Следовательно, более высокий уровень доверия проявляют моряки, склонные к эмпатии, сочувствию, пониманию других. Однако данная переменная вносит наименьший вклад в регрессионную модель, и ее связь с зависимой переменной значима только на уровне статистической значимости ($p=0,048$).

Значимыми предикторами межличностного доверия в экипажах судов обеспечения, отражающие ситуационные характеристики, являются три переменные: референтность ($\beta=0,140$), надежность коллег ($\beta=0,189$), согласие-несогласие ($\beta=-0,195$). Следовательно, более высокое доверие проявляют моряки, уверенные в надежности других членов экипажа, оценивающие высокий уровень согласия в деятельности и общении в экипаже. Членство в экипаже для них представляется ценным и важным. Наибольший вклад в регрессионную модель вносят биполярная шкала «согласие-несогласие» (опросник А. Фидлера) и «надежность коллег» (методика А. Б. Купрейченко). Можно сказать, что чем выше уровень согласия в экипаже и надежности моряков, тем более высокое межличностное доверие проявляется в экипаже.

Несмотря на то, что рассмотренные психологические характеристики сказываются на доверии в экипаже, по-

строенная модель позволяет лишь на среднем уровне на основе полученных данных по выделенным переменным достоверно прогнозировать итоговое персональное доверие, которое будет наблюдаться среди членов экипажа. Связь интегрального показателя межличностного доверия с измеряемыми психологическими параметрами можно выразить следующим линейным уравнением:

Доверие в экипажах судов обеспечения прогноз = $9,167 - 0,492 * (\text{согласие-несогласие}) - 0,328 * (\text{доверчивость-подозрительность}) + 0,219 * (\text{надежность коллег}) + 0,223 * (\text{самооценка}) + 0,161 * (\text{стимуляция}) + 0,278 * (\text{референтность}) + 0,213 * (\text{чувствительность})$.

Представленное уравнение может быть использовано для создания прогноза доверия в экипажах судов обеспечения ВМФ с использованием предложенных шкал тестов. Поскольку в рамках данного исследования рассматривается влияние на доверие в неформальном общении в экипажах ситуационных и личностных предикторов, дальнейшее изучение различных (социально-демографических, экономических, культурных и др.) предикторов межличностного доверия моряков позволит расширить модель и повысить ее прогностическую значимость.

Таким образом, по результатам проведенного исследования, в экипажах судов обеспечения ВМФ определяется умеренный (немного выше среднего) уровень интегрального показателя межличностного доверия. Ситуационными предикторами доверия в неформальном общении моряков в экипажах являются референтность, согласие в экипаже, надежность членов экипажа. Личностные предикторы доверия в неформальном общении моряков в экипажах — преобладание в структуре ценностей потребности в стимуляции (т.е., открытости, стремления к переменам, изменениям, потребность в ярких эмоциях), индивидуально-психологические особенности, такие как завышенная самооценка, доверчивость, мягкосердечность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горянина В. А. Психология общения. — М.: Издательский центр «Академия», 2002.
2. Истомина О. А. Социально-психологические особенности морских экипажей в условиях длительных рейсов // Транспорт Российской Федерации. № 12, 2007. — С. 41–43.
3. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. — М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2008.
4. Почебут Л. Г., Свенцицкий А. Л., Марарица Л. В., Казанцева Т. В. Социальный капитал личности. — М.: ИНФА, 2014.
5. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная психология. — СПб.: Издательство «Речь», 2002.
6. Скрипкина Т. П. Психология доверия (теоретико-эмпирический анализ). — Ростов н/Д: Издательство СГПУ, 1997.
7. Татьяна Л. Г. Социально-психологические аспекты доверия в морских экипажах // Морской сборник. № 1, 2015. С. 59–63.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОЕКТНЫХ КОМАНД В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЛЕКСА КАДРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

IMPROVING THE EFFICIENCY OF PROJECT TEAMS THROUGH THE APPLICATION OF COMPLEX TECHNOLOGIES OF PERSONNEL IN PUBLIC AUTHORITIES

I. Sheburakov

Summary. The article proves the feasibility of the project management in public authorities, taking into account the application of human technology. It is proposed to consider how technology, regulated by the current legislation on civil service, and long-term technology, such as performance management, team management, and others.

Keywords: project management, team management, human technology, the efficiency of the teams.

Шебураков Илья Борисович

*К.н.с.х.н., доцент, ВШГУ РАНХиГС
shebur@list.ru*

Аннотация. В статье обосновывается целесообразность внедрения проектного управления в органах государственной власти с учетом применения кадровых технологий. Предлагается учитывать, как технологии, регламентированные действующим законодательством о государственной гражданской службе, так и перспективные, такие как управление по результатам, командный менеджмент и др.

Ключевые слова: проектное управление, командный менеджмент, кадровые технологии, эффективность команд.

После создания в соответствии с Указом Президента РФ № 306 от 30.06.2016 г. [1] Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам, внедрение проектного управления в государственной сфере в нашей стране получило новый импульс. С тех пор прошло уже несколько заседаний Президиума Совета, возглавляемого Премьер-министром, в субъектах РФ и в федеральных ведомствах активно создаются проектные офисы, РАНХиГС и некоторыми другими образовательными учреждениями реализуются специальные образовательные программы, направленные на развитие навыков проектного управления у государственных и муниципальных управленцев. Вместе с тем, широкомасштабное внедрение проектного управления в государственной сфере может быть успешным только при условии инфраструктурной готовности, в сочетании с уже применяемыми или внедряемыми управленческими и кадровыми технологиями. Ниже будут рассмотрены особенности реализации кадровых технологий (в первую очередь на государственной гражданской службе), возможность и целесообразность их сопряжения с инструментами проектного управления.

С момента принятия ФЗ № 79 «О государственной гражданской службе в РФ» [2] был понятен перечень основных кадровых технологий, реализация которых на государственной гражданской службе и, по аналогии с ней, во всей системе государственного управления и на муниципальном уровне, стала не только желатель-

ной, но и обязательной. Среди напрямую регламентируемых 79-ФЗ кадровых технологий можно выделить:

- ◆ Отбор на государственную гражданскую службу на конкурсной основе
- ◆ Формирование кадрового резерва на государственной гражданской службе и его использование
- ◆ Аттестацию государственных гражданских служащих
- ◆ Квалификационный экзамен на присвоение первого или очередного классного чина
- ◆ Оценка результатов профессиональной служебной деятельности
- ◆ Дополнительное профессиональное образование государственных гражданских служащих и подготовка кадров для государственной гражданской службы
- ◆ Регламентация деятельности на основе применения должностных регламентов
- ◆ Оплата труда и на ее основе, стимулирование профессиональной служебной деятельности
- ◆ Ротация государственных гражданских служащих

В тоже время, анализ практики развития кадровых технологий за последние годы показывает, что какие-то из упомянутых выше технологий получили свое закрепление и дальнейшее развитие, какие-то применяются эпизодически или их роль не велика, а какие-то внедряются, во многом, вне зависимости от регламентации 79-ФЗ.

Так, отбор на государственную гражданскую службу развивается не только в направлении осуществления его по конкурсу, но и вне конкурса, что, в первую очередь, определяется значительной долей служащих, принимаемых на службу именно вне конкурса. Роль и значение, придаваемое изначально проведению квалификационных экзаменов серьезно снизились. Зато увеличилась роль оценки эффективности и результативности деятельности на основе применения КПЭ (ключевых показателей эффективности). В этой же связи претерпевает изменение система стимулирования, основанная на оценке результативности, в первую очередь, за счет адаптации существующей и все еще не реформированной системы оплаты труда. Система оценки деятельности постепенно становится более компактной, трансформируясь в систему «комплексной оценки» гражданских служащих, которая учитывает, с одной стороны, необходимость оценки по результатам, с другой, адаптируется в направлении распространенной в бизнесе «оценки по компетенциям». Одним из подэлементов такой оценки становится «общественная оценка деятельности» гражданских служащих, но только в отношении ограниченной группы служащих, как правило, находящейся «на переднем крае» взаимодействия с гражданами.

Достаточно активно развивается институт должностных регламентов, совершенствуются квалификационные требования к должностям гражданской службы.

Одним из наиболее распространенных инструментов реализации кадровой политики на гражданской службе является кадровый резерв. Вместе с тем, не смотря на широкое распространение кадровых резервов, они все еще не всегда выполняют заложенный в них функционал и, зачастую, формируются и используются достаточно формально. Однако понимание необходимости совершенствовать этот инструмент государственной кадровой политики является достаточно определенным и предпринимаются активные попытки его развития, в т.ч. за пределами прямой «юрисдикции» гражданской службы, а именно — на «уровне резервов управленческих кадров».

Системе профессионального развития государственных гражданских служащих уделяется традиционно пристальное внимание. При этом организация профессионального развития претерпевает постоянные изменения, основные из которых предполагают переход от жесткой регламентации необходимости проходить повышение квалификации в привязке к определенным законодательством срокам к оценке реальной потребности в обучении и личностно-профессиональном развитии в зависимости от результатов оценки профессионального уровня гражданских служащих.

Развиваются технологии так или иначе связанные с управлением карьерой гражданских служащих — в терминологии 79-ФЗ: «содействие должностному росту гражданских служащих на конкурсной основе». Вместе с тем, такой традиционный инструмент управления карьерным развитием, как ротация гражданских служащих рассматривается, в первую очередь, как механизм профилактики коррупционных проявлений, а не как способ развития личностно-профессиональных и управленческих качеств за счет приобретения опыта в смежных областях компетенций.

Еще одним направлением развития кадровых технологий может стать управление развитием «государственно-служебной культуры» на государственной службе, т.к. именно эта характеристика современной организации во многом влияет на организационное (или, применительно к гражданским служащим — служебное) поведение.

Одним из наиболее перспективных направлений совершенствования кадровых технологий на государственной службе и их оптимизации является внедрение современных информационных технологий, позволяющих связать как вышеперечисленные, так и перспективные кадровые технологии в единую систему управления кадровым составом. Не случайно именно внедрение ЕИСУКС (Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы РФ) становится приоритетным направлением развития государственной гражданской службы на период 2016–2018 гг. [3]

В целом анализ перечисленных (а возможно и других — не упомянутых) кадровых технологий позволяет выделить три ключевых кадровых технологии, которые либо включают в себя остальные технологии, либо наполняют отдельными элементами эти технологии [4]. Речь идет о таких, так называемых кадровых мета-технологиях, как:

- ◆ Отбор и расстановка кадров;
- ◆ Обучение и развитие кадров;
- ◆ Оценка и вознаграждение кадров.

Так, например, аттестация как кадровая технология, представляет собой оценку кадров, может приводить к таким последствиям, как назначение на вышестоящую должность или направление на обучение. При этом, основной сущностной характеристикой процедуры аттестации является именно оценка. Формирование и использование кадрового резерва обычно предполагает реализацию таких этапов, как отбор в состав резерва, подготовку (часто — именно обучение) кадрового резерва, назначение на вышестоящие должности (расстановку) резервистов, может включать оценку по ре-

Таблица 1. Ответ на вопрос: «С какими трудностями, на Ваш взгляд, сталкивается или может столкнуться, в первую очередь, внедрение проектного управления в государственной сфере? Оцените по 10-бальной шкале: 1 — мешает в минимальной степени; 10 — мешает в максимальной степени»

Вариант ответа	от 1 до 3	от 4 до 7	от 8 до 10	Среднее
Недостаточная квалификация и подготовленность служащих в области проектного управления	26%	26%	42%	6,33
Отсутствие действенных механизмов мотивации членов проектных команд	26%	63%	11%	4,89
Трудности организации межведомственного взаимодействия в условиях реализации проектов	32%	42%	26%	5,26
Незаинтересованность руководства во внедрении принципов и правил проектного управления	26%	47%	26%	5,42
Отсутствие общепринятых стандартов организации проектного управления	21%	53%	21%	5,11
Недостаточно развитая культура взаимодействия в условиях проектного управления (мешает сложившаяся система иерархических отношений и пр.)	16%	63%	16%	5,72
Иное	0	15%	0	-

Таблица 2. Ответ на вопрос: «С какими наиболее типичными сложностями сталкивалась проектная команда при реализации проекта? Оцените по 10-бальной шкале: 1 — мешало в минимальной степени; 10 — мешало в максимальной степени»

Вариант ответа	от 1 до 3	от 4 до 7	от 8 до 10	Среднее
Сложности управления временем	11%	63%	21%	5,06
Нарушение членами команды сроков и других взятых на себя обязательств	32%	37%	32%	5,26
Трудности в постановке целей и задач со стороны руководителя	37%	58%	0%	4,39
Трудности в понимании целей и задач исполнителями	26%	47%	21%	5,11
Недостатки коммуникации	42%	37%	16%	4,71
Низкая компетентность участников проекта в проектной деятельности	26%	42%	26%	5,67
Недостатки в организации труда	47%	21%	26%	4,56
Иное	5%	5%	0	

зультатам подготовки и личностно-профессионального развития и т.п. Таким образом, как было указано выше, любая кадровая технология включает в себя элементы или основывается на технологиях отбора, обучения и оценки. Более того, можно утверждать, что оценка становится ключевым связующим элементом между этими тремя технологиями. Отбор не может осуществляться хотя бы без элементарных элементов оценки кандидатов на должность (тоже самое можно утверждать и о расстановке кадров). Обучение предполагает проведение предварительной оценки потребности в таком обучении, например, с целью подготовки индивидуальных планов профессионального развития и обязательную оценку эффективности обучения.

Таким образом, рассматривать возможности совершенствования деятельности проектных команд в условиях внедрения проектного управления в государственной сфере целесообразно именно через призму технологий оценки и формирования проектных команд (в широком смысле слова), обучения и подготовки слу-

жащих к работе в условиях проектного управления (в т.ч. на основе данных, полученных в ходе оценки). Наконец, нормальное функционирование проектных команд и достижение ими результатов высокого уровня возможно при условии оценки этих результатов по итогам проекта и учета, вначале — потенциала, а затем — вклада каждого из членов команды в командный результат. При этом, необходимо принимать во внимание уровень и тенденции развития кадровых технологий на государственной гражданской службе, рассмотренные выше.

Кроме того, необходимо учитывать и те проблемы, и трудности, которые могут возникать как при внедрении проектного управления в целом, так и при управлении конкретной проектной командой. Так, результаты одного из опросов¹, позволяют провести предваритель-

¹ Опрос проводился в октябре 2016 г. на баз РАНХиГС. В опросе приняли участие 47 руководителей органов власти социальной сферы регионального и муниципального уровней

ную систематизацию основных проблем и трудностей, возникающих при внедрении проектного управления в государственной сфере (Табл. 1,2).

Как видно из представленных данных, наиболее ожидаемые проблемы лежат в области компетентности и квалификации служащих в области проектного управления и проектной деятельности. Таким образом, вопросам обучения при внедрении проектной деятельности должна уделяться первостепенная роль.

Тем не менее, применение кадровых технологий необходимо рассматривать в комплексе. Ниже будет рассмотрена модель повышения эффективности деятельности проектных команд на основе применения комплекса существующих и перспективных кадровых и управленческих технологий на государственной гражданской службе.

Первым элементом данной модели выступает система подбора состава проектных команд, которая может не только привести к формированию пула служащих, потенциально наиболее способных к деятельности в условиях проектного управления, но и выступить основным драйвером развития кадрового потенциала государственных органов.

Так как решение проектных задач по своему характеру является решением задач развития (в отличие от задач функционирования — функций), необходимо понимать, что кадры, способные к эффективной деятельности в этих условиях, должны обладать специфически выраженными личностно-профессиональными ресурсами. Именно ресурсный подход позволяет не делить служащих и руководителей на два сорта: «способные к проектному управлению» и «не способные к проектному управлению». Но помогает выделить ресурсы, позволяющие с большей эффективностью действовать в постоянно изменяющихся условиях, условиях неопределенности и необходимости создания новых продуктов (характерных для проектного управления). А также ресурсы, позволяющие их оптимально применять в условиях предопределенности, необходимости строгого соблюдения регламентов и повторяющихся процедур.

Проведение аудита кадрового состава, как разовой процедуры, включение элементов оценки, направленных на выявление особенностей личностно-профессиональных ресурсов служащих в процедуру аттестации или применение иных инструментов и практик оценки позволит успешно выделить группу специалистов и руководителей, наиболее предрасположенных к деятельности в условиях проектного управления. Более того, при этом появляется возможность формирования оптимального состава проектных команд не только с точки

зрения предметно-содержательной, экспертной компетентности, функциональных требований к составу команд, но и на основе учета соответствия личностных особенностей служащих как специфике проектной работы в целом, так и конкретному проекту в частности. Как отмечается в ряде исследований [5], на смену попытке минимизировать роль личностных характеристик за счет стандартизации процессов по управлению проектами постепенно приходит понимание необходимости опираться на уникальный набор личностно-профессиональных ресурсов человека.

При этом, руководитель проектной команды может подбираться с учетом его склонности опираться в своей управленческой практике на менеджерские, лидерские или экспертные ресурсы в зависимости от специфики проекта (например, в зависимости от того, в какой степени проекту требуется «политическая» поддержка со стороны высшего руководства).

Члены проектной команды могут подбираться с учетом того, к реализации какого функционально-ролевого репертуара они склонны в большей степени с учетом требований к сбалансированному составу команды, а также иными требованиями. Например, в идеале субъективный уровень сложности реализации проекта для определенной части участников команды может характеризоваться как «высокий», для другой части — как «низкий», а для третьей — как «средний». Именно невысокая субъективная сложность проекта для определенной части проектной команды, является одним из факторов его успеха (когда компетенции участников точно соответствуют содержанию и условиям реализации проекта). С другой стороны, средний уровень сложности проекта позволяет участникам расширять области своих компетенций, приобретать соответствующий опыт, развивая собственные личностно-профессиональные ресурсы. Именно в последнем случае будет происходить прирост человеческого капитала в сфере государственного управления. Таким образом, с точки зрения реализации кадровой стратегии в государственном органе чрезвычайно важным становится баланс состава участников по показателю — «экспертная компетентность». В проекте должны участвовать как опытные сотрудники, так и новички. Вопрос о соотношении состава команды с этой точки зрения может быть исследован дополнительно.

Немаловажным является также вопрос учета особенностей мотивации участников, в т.ч. участия в проектах определенного вида или содержания. Как известно (и это отмечалось еще в исследованиях Ф. Герцберга) [5], человек более эффективно осуществляет деятельность в условиях, когда ее содержание вызывает у него интерес.

В целом же аудит кадрового состава государственно-го органа с учетом готовности к проектной деятельности,

может быть положен в основу формирования кадрового резерва. Как отмечается в ряде работ [6,7], кадровый резерв может формироваться не только и не столько для того, чтобы выступать «подушкой безопасности», но и для того, чтобы обеспечивать решение задач развития в органе власти. Именно решение таких задач, как никогда востребовано в условиях разнообразных внешних и внутренних вызовов и может быть обеспечено за счет потенциала наиболее амбициозных и готовых к интенсивному личностно-профессиональному развитию сотрудников. Таким образом, сформированный кадровый резерв может использоваться не только для назначения на вышестоящие вакантные должности, но для решения стратегически важных для организации задач.

Более того, при этом решаются еще две важных задачи развития кадрового состава: 1. Интенсивное обучение наиболее перспективных сотрудников, которое, по сути, осуществляется в формате «обучения действием» [8]; 2. Оценка руководством деловых и личностных качеств сотрудников и руководителей, включенных в кадровый резерв в формате «испытания практикой». Дополнительным эффектом от реализации такого подхода может являться внедрение инструментов карьерного развития, когда назначение на руководящую должность осуществляется после успешной демонстрации сотрудником своих возможностей по управлению людьми в проектном режиме. Само же карьерное развитие служащих внутри проектных практик, например, повышение статуса с уровня «проектного специалиста» или «проектного менеджера» (как это, например, осуществляется в Белгородской области) [9] 4-го класса на ступень выше и т.д. может являться своеобразной альтернативой карьерному росту внутри традиционных иерархических структур. Последнее в какой-то степени может быть альтернативой (по крайней мере, временной) такой проблеме как «карьерные тупики» по причине которой государственные органы зачастую теряют перспективных руководителей и специалистов, переходящих на работу в другие организации.

Как указывалось выше, одним из направлений реформирования системы оценки государственных гражданских служащих, является внедрение общественной оценки деятельности. В настоящий момент общественная оценка деятельности применяется при оценке руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и в отношении гражданских служащих, принимающих участие в предоставлении государственных услуг. Внедрение инструментов проектного управления может сопровождаться распространением практики оценки результативности (успешности) проектов со стороны разнообразных стейкхолдеров — представителей организаций (коммерческих предприятий и бюджетных

организаций) и граждан. Разработка инструментов общественной оценки результатов реализации проектов может использоваться для выявления лучших практик и для оценки деятельности руководителей проектов. Результаты такой оценки могут использоваться для принятия решений о размере итогового вознаграждения участников проектной команды, об их дальнейшем карьерном развитии, как в рамках проектных практик, так и в системе государственной службы в целом. Результаты такой оценки также могут учитываться при оценке управленческого потенциала руководителей и участников проектной команды в рамках проведения комплексного ресурсного анализа и личностно-профессиональной диагностики [10].

Описанный выше подход может позволить оптимизировать и систему дополнительного профессионального обучения государственных гражданских служащих. Основная задача обучения сотрудников — это их подготовка к решению задач в соответствии с потребностями как «сегодняшнего, так и завтрашнего дня». Выделение перечня задач развития, как нельзя лучше позволяет высветить такого рода потребности, в том числе с точки зрения потребностей в обучении сотрудников. Обучение будет носить более системный и актуальный характер, если его содержание будет выстраиваться вокруг тех проблем, которые должны быть сняты органом власти с повестки дня. Такого рода обучение, как указывалось выше, будет не только повышать «стоимость человеческого капитала», но и способствовать переходу государственного органа на новый уровень своего развития, менять внешнюю среду в заданном направлении, улучшая социально-экономическое положение в городе, регионе, стране.

При этом, как указывалось выше, при формировании проектной команды важно обеспечить: на тактическом уровне — соответствие состава команды уровню, масштабам и сложности стоящих проектных задач, а на стратегическом — личностно-профессиональное развитие членов проектной команды за счет наличия в проекте соответствующих возможностей. Решение стратегических задач потребует использования специально разработанного оценочного инструментария, позволяющего измерять степень соответствия имеющегося опыта и потенциала участника команды по отношению к конкретному проекту. Такой инструментарий в настоящее время разработан на базе факультета оценки и развития управленческих кадров ВШГУ РАН-ХиГС и успешно апробирован более, чем на 300 государственных гражданских служащих, представлявших 36 региональных команд в ходе реализации образовательной программы «Управленческое мастерство: развитие региональных команд», реализованной в июле-октябре 2016 г.

При этом представляется, что если проект является реальным, реализуемым на практике, степень соответствия опыта и потенциала участника содержанию проекта (например, его масштабу и сложности) должен быть значительно выше, чем при реализации так называемых учебных проектов, разрабатываемых или реализуемых в рамках образовательных программ. В рамках образовательных программ допустима большая доля риска не выполнении проекта в пользу перспектив приобретения максимального опыта, новых знаний, повышения масштабы мышления или развития других личностно-профессиональных качеств участников.

Наконец, одним из наиболее мощных инструментов повышения эффективности деятельности как функциональных подразделений, так, в первую очередь, и проектных команд является командный менеджмент. Командный менеджмент является одним из немногих инструментов управления кадрами, потенциал которого до сих пор никак не учтен в системе кадровых технологий на гражданской службе на законодательном уровне. Это объясняется, прежде всего, тем, что формирование команды, как и применение других социально-психологических по своему характеру технологий весьма сложно регламентировать, установить перечень формальных требований к их реализации.

Вместе с тем, развитие и успешное внедрение таких технологий осуществляется за счет реализуемых программ обучения — тренингов командного взаимодействия, тренингов командообразования, тренингов развития лидерства. Как отмечается в ряде работ [11] такого рода программы обычно ориентированы на развитие следующих навыков:

- ◆ Навыки формирования общей цели и принятия ответственности за ее достижение
- ◆ Навыки распределения лидерства под задачу и гибкого изменения стиля лидерства в соответствии с особенностями задачи

- ◆ Навык конструктивного взаимодействия и самоуправления
- ◆ Навыки организации и проведения индивидуальных и групповых форм обратной связи
- ◆ Навыки эффективного использования сильных сторон состава команды с учетом особенностей их поведения
- ◆ Навыки создания процедур и стандартов взаимодействия
- ◆ Навыки передачи знаний и опыта командной работы своим подчиненным. Навыки наставничества и коучинга

При этом справедливо отмечается, что, не смотря на то, что основным методом развития навыков командной работы является групповой тренинг, эффект от проведения подобных тренингов является краткосрочным. Формирование подобных навыков должно обязательно закрепляться на практике — в реальных условиях жизнедеятельности группы. С этой точки зрения, скорее не тренинги формирования и развития навыков командной работы могут быть направлены на повышение эффективности деятельности проектных команд, а сам формат проектной работы в составе команды может быть источником распространения практики командного менеджмента в государственной сфере.

Культура командного менеджмента может развиваться наиболее интенсивно именно на почве проектного управления, т.к. часто сам проект является определенным вызовом для участников проектной команды, а среда реализации проекта наиболее благоприятна для проявления командных качеств. Последний тезис еще раз подчеркивает значение объединения тем командного и проектного менеджмента в одну большую тему, потенциально способную значительно повысить качество государственного управления с учетом специфики нашего национального управленческого менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 30 июня 2016 года № 306
2. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N79-ФЗ (действующая редакция, 2016)
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 сентября 2016 г. № 1919-р «План мероприятий («Дорожная карта») по реализации основных направлений развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы»
4. Шебураков И. Б. Ключевые персонал-технологии в системе управления персоналом, ориентированной на результат // Актуальные вопросы управления персоналом, СПб, Северо-западная академия государственной службы, 2008.
5. Floricel S., Bonneau C., Aubry M., Sergi V. Extending project management research: Insights from social theories // International Journal of Project Management. 2014. № 32. P.1091–1107.
6. Грачева И.Г., Клычникова К. А. Президентский резерв в России: тенденции развития // Человеческий капитал, № 7 (91), 2016.
7. Шебураков И. Б. Кадровый резерв как ресурс решения задач развития и повышения результативности организации // Формирование управленческого резерва кадров: региональный опыт. Материалы региональной научно-практической конференции (г. Вологда, 29–30 октября 2009 г.). — Вологда: Легия, 2010. — 132с.

8. Павлуцкий, А. «Обучение действием»: новый подход к корпоративному обучению и развитию персонала / А. Павлуцкий, О. Алехина // Управление персоналом. 2001. N5
9. Прядильников М., Бадин А., Павлова О. Лучшие практики Национального рейтинга. Развитие проектного управления на региональном уровне (пример Правительства Белгородской области). 2016.
10. Белопухова А. С. Личностно-профессиональная диагностика как основной инструмент отбора в президентский резерв. // foir.hspra.ranepa.ru/index.php/наука-практике/item/1916.html
11. Долгов М. Модель «5F» — Геометрия команды, создающая энергию. Краткое руководство к действию для лидеров. М., 2016.

© Шебураков Илья Борисович (shebur@list.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАРУШЕНИЕ РАЗВИТИЯ И ОГРАНИЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНДИВИДУМА В АСПЕКТЕ ХАРАКТЕРА СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ

Шевырева Елена Геннадиевна

*К.псх.н., доцент, Академия психологии и педагогики
Южного федерального университета
devalena12@mail.ru*

DEVELOPMENTAL DISABILITY AND LIMITATION OF OPPORTUNITIES TO THE INDIVIDUAL IN TERMS OF THE NATURE OF THE SOCIAL ENVIRONMENT

E. Shevyreva

Summary. This article is devoted to the study of the concept of "limited capacity" in terms of medical, structural and functional and social model minority. The author is convinced that defining feature of disability advocates is not a process of interaction, and the consequences of human interaction with society atypical.

Keywords: Disabilities, social functions, developmental disability, difficulties in social interaction, functional limitations, terms of social interaction.

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию понятия «ограниченные возможности» с точки зрения медицинской, структурно-функциональной и социальной модели меньшинства. Автор убежден, что особенностью определения ограниченных возможностей выступает не процесс взаимодействия, а последствия взаимодействия атипичного человека с обществом.

Ключевые слова: ограниченные возможности, социальные функции, нарушение развития, затруднения в социальном взаимодействии, функциональные ограничения, условия социального взаимодействия.

Понятие «ограниченные возможности» является термином, который объединяет разные феномены, связанные с недостаточностью развития определённых органов и функций (физических, познавательных, умственных, психических и др.). Это и физические недостатки, связанные со структурными или функциональными нарушениями организма. И ограничения физической активности и деятельности, которые связаны с тем, что человеку тяжело осуществлять определённый образ действий и разрешать какие-то задачи. Это могут быть ограничения, связанные с возможностью решения возникающих в жизни человека проблем. Ограничения, зачастую, возникают на пересечении телесных или психологических возможностей индивида и характера общества, в котором он или она живёт. Для правильного понимания значения этого термина следует перейти к его этимологии.

В основе понятия «ограниченные возможности» лежит английский термин *disability* — это ограниченность или отсутствие физической возможности выполнять нормальную (точнее, считающуюся нормальной) деятельность в повседневной жизни. Рассмотрим это на примере. Когда трёхлетний ребёнок не может автономно ходить, то он органичен в своих возможностях, в силу того что социальный порядок его жизни предполагает (требует), чтобы к трём годам ребёнок начал ходить самостоятельно. Ведь к трём годам у него должны сложиться определённый физический потенциал для этого. Если же этого не происходит, то он оказывается, в сущ-

ности, не способным выполнять определённую социальную роль, социальные функции, ожидаемые от него социальным окружением. Эта беспомощность может быть связана с нарушениями физического развития (*impairment* — от латинского *rejoro* — ухудшение) — ослаблением деятельности, снижением продуктивности или повреждением органа, выполняющего определённую функцию. Тем не менее, для того, чтобы индивид с нарушениями развития стал ограниченным в своих возможностях, надо, чтобы это расстройство сочеталось с определённой социальной организацией. Уровень культуры и общество могут организовывать органы, замещающие или восполняющие несовершенство физического функционирования. Получается, что, когда эти социокультурные органы отсутствуют или не работают надлежащим образом, тогда человек с недостатками и становится социально ограниченным, он или она не имеют возможности осуществлять определённые социальные функции, требующие того или иного уровня физического функционирования. В таком случае данный человек оказывается в невыгодном положении по сравнению с другими, сталкивается с затруднениями в социальном взаимодействии. Он или она оказываются неспособными осуществлять ожидаемые социальные роли. При этом, не всегда обращают внимание на то, что эта беспомощность связана не исключительно с особенностями физического или психического функционирования индивида: она возникает в результате взаимодействия этой особенности с характером социальной среды.

Каким же образом организуется социальная среда? Она складывается в соответствии с нашими представлениями о том, кто, как и с какой целью выступает с нами в те или иные отношения и взаимодействия, представлениями о том, какие функции, потребности должны учитываться и осознаваться в этом взаимодействии, а какие — нет. Многое зависит, таким образом, оттого, как мы видим, как понимаем беспомощность (ограниченность или отсутствие возможностей) совершать те или иные социальные функции. После этого, также возникает трудность различения физического недостатка, болезни и проявлений биологических различий в физической организации психических процессов. Может так случиться что, ограниченные социальные возможности аутистов, слабослышащих и других связаны с несправедливой стигматизацией этих отличий, а не с физическим недостатком?

Таким образом, ограниченность возможностей может быть представлена, по меньшей мере, в рамках трёх теорий: медицинской, структурно-функциональной и модели социальных меньшинств (дискриминируемых и стигматизируемых). Медицинская теория рассматривает ограниченность возможностей как эквивалент функционального нарушения. Структурно-функциональная теория в качестве причин ограниченности возможностей рассматривает факторы внешней (социальной) среды. Теория социальных меньшинств в качестве главного препятствия для нормального функционирования людей с ограниченными возможностями рассматривает отсутствие равных прав для людей имеющих и не имеющих ограничений физических возможностей. Имея социальные, политические, культурные и экономические факторы, которые определяют ограниченности физических возможностей и которые определяют личную и коллективную ответственность за возникающие различия [2].

Теория социального конструирования ограниченных возможностей зачастую не учитывает личного опыта жизни человека с нарушениями физического и психического развития. Осмысление ограниченных возможностей как функциональной ограниченности отражает поверхностное мнение на проблему социального функционирования людей, имеющих нарушения развития. Но каково осмысление самих этих людей своего опыта? Какие собственные значения он для них имеет?

Теория меньшинств опирается на концепт идентичности и гражданских прав [3]. Тогда как сама идентичность есть демонстрация властного определения того, что же есть ограниченные возможности. Во-первых, власть как authority — установленная законом деятельность определённых лиц по принятию решений, установлению границ функционирования, границ возмож-

ностей («можно» — «нельзя»). Эта деятельность связана с установлением различий «свой» — «иной» — «чужой», «друг» — «враг» и установлением баланса возможностей, ресурсов среди них. Во-вторых, власть — как владение теми или иными ресурсами функционирования, жизни, наличие доступа к этим ресурсам в той или иной степени. В-третьих, власть как контроль над значением слов-терминов, описывающих мир. Любая власть предполагает добровольное послушание, установление границ своих возможностей как своих собственных, а не заданных. Продуктивно функционирующая власть проявляется в том, что никто не бросает вызов установленным границам, а принимает их как естественный или нормальный порядок. Модификация конфигурации власти, как правило, предполагает вызов установленному порядку, определениям, границам и т.д.

Как возникает ограниченность возможностей, исходя из концепта власти? Такие ограничения возникают из определения условий нормального взаимодействия социальной среды и людей, отличающихся по своим телесным или психическим характеристикам: что им дозволяется (и не дозволяется), взаимодействовать, получать наслаждение, испытывать счастье, иметь самоуважение. Где границы их свободы, независимости, что для них безопасно и что опасно, какой социально-экономический статус они могут занять в социальной иерархии — обязательно в сравнении с теми, кто не является «нетипичным» индивидом [3].

Что следует их теории социального конструирования ограниченных возможностей? Сформулировать единое, универсальное определение, что такое (социально) ограниченные возможности и кто является лицом с ограниченными возможностями просто невозможно. Определение ограниченных возможностей зависит от целей, для которых это определение используется [1]. К этим целям относятся:

- ◆ право на льготы;
- ◆ возможность работы;
- ◆ участие в определённых образовательных программах;
- ◆ получение медицинских и социальных услуг;
- ◆ создание определённой физической среды (дома, на работе, в общественных местах);
- ◆ установление круга прав и обязанностей граждан.

Особенностью определения ограниченных возможностей выступает то, что оно сфокусировано на последствиях взаимодействия атипичного человека с обществом, но не на процессе взаимодействия. Это означает, что для атипичного человека само включение в процесс социального взаимодействия превращается в настоящее испытание, поскольку правила (нормы) этого взаимодействия зачастую просто негде

не прописываются и к ним предъявляются иные требования, нежели к людям без особенностей. Не обязательные жесткие требования. Общество может снижать требования с учетом ограниченных индивидуальных физических и психических возможностей и отсутствия социокультурных их компенсации. Но это не устраняет сам факт различия и трудностей в выполнении социальных функций и соответствии общим нормам (возникает враждебное отношение со стороны обычных людей).

В жизненном опыте любого нетипичного человека есть разные компоненты:

- 1) нормальное функционирование;
- 2) ограниченное функционирование;
- 3) компенсированное функционирование.

Нормальное функционирование имеется тогда, когда человек с функциональными особенностями взаимодействует с другими людьми (без особенностей) и социальными институтами «на равных» и сталкивается с теми же барьерами или помощниками, что и люди без особенностей.

Ограниченное функционирование связано с рядом обстоятельств:

1. Субъективно существующие барьеры, неудобства, которые ограничивают участие в социальном взаимодействии (с другими людьми и институтами).
2. Субъективные ожидания, что такое взаимодействие будет затруднено (например, из-за имеющихся социальных установок в отношении людей с особенностями) даже при отсутствии объективных барьеров для взаимодействия.
3. Низкий социальный статус или экономическая зависимость.

4. Принятие образа себя в качестве «слабой». Мало что могущей личности.

5. Любые социальные контакты, связанные с опасностями проявления своих особенностей и отсутствием понимания, принятия этих проявлений со стороны тех, кто не является атипичным человеком.

Компенсированное функционирование связано с наличием особых возможностей, которые общество предоставляет людям с учётом имеющихся у них индивидуальных особенностей, мешающих включению в нормальное взаимодействие по имеющимся правилам. Это может быть приспособление окружающей среды под их возможности, предоставление технических средств, дополнительных услуг и распределение денежных и материальных средств, выравнивающих социальный статус и возможности.

Ограниченность возможностей не является статической, постоянной. Она регулируется изменениями в личности или окружающей среде [4]. Так, можно обратить внимание на физический недостаток, оправдывая отсутствие лифта для человека, могущего передвигаться только в коляске. Или же обратить внимание на строительный недостаток здания, тогда ограничения будет приписано не личности, а окружающей среде.

Социальный опыт атипичного индивида зависит от его социального окружения: и дальнего, и ближнего — что эти люди видят, как объясняют и как оправдывают тот или иной факт. Чем обусловлено именно такие «прочтения» особенностей функционирования личности? Феномен ограниченных возможностей — это феномен, возникший в индустриальном обществе, которое накладывает определённые требования на характер личности и её деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егорова С. В. Социальное конструирование в структуре современных представлений об инвалидности // Социология. 2002. № 3
2. Леонтьев Д. А., Александрова Л. А. Вызов инвалидности: от проблемы к задаче // Материалы 3-ей Всероссийской научно-практической конференции по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений. — М., Смысл. 2010.
3. McRuer R. Crip Theory: Cultural Signs of Queerness and Disability. NYU Press, — 283 p.
4. Mitra, S. Sen's capability Approach, Disability and Justice, working paper. 2011
5. Sen, AK. The Ideal of Justice. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts. 2009

ФИЛОСОФИЯ Г. МАРКУЗЕ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОПТИКА ФЕНОМЕНА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НАСИЛИЯ В СОЦИУМЕ

THE H. MARCUSE PHILOSOPHY AS A THEORETICAL APPROACH TO THE INSTITUTIONAL ASPECTS OF VIOLENCE

V. Bocharova

Summary. The article deals with the H. Marcuse theoretical legacy in regard to the institutional forms of violence in the industrialized world. The author concludes that apart from certain valuable findings there are also a number of contradictions on the phenomena of progress and violence in the H. Marcuse thought. Still they offer a certain impetus to gaining new insights as far as violence is concerned.

Key words: Marcuse, Violence, industrialized world, the Frankfurt School, institutionalization, transformation.

Бочарова Виктория Викторовна

Кандидат философских наук, Елецкий
государственный университет им.И.А. Бунина
bosfor4878@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу теоретического наследия Г. Маркузе как одного из главных представителей франкфуртской школы общественной мысли. Главным предметом анализа выступают воззрения Маркузе на проблему институционализации насилия в развитых индустриальных обществах. В статье делается вывод о существенных теоретических противоречиях, содержащихся в философских воззрениях Г. Маркузе, касающихся осмысления роли общественного производства. Также автор приходит к выводу о необходимости разработки альтернативных подходов к изучению насилия в современном обществе, учитывающих теоретические достижения франкфуртской школы.

Ключевые слова: Маркузе, насилие, индустриальное общество, франкфуртская школа, институционализация, трансформация.

Современное состояние исследований, посвященных решению проблем, связанных с массовым распространением насилия в современной культуре, является крайне неоднозначным. С одной стороны, мы наблюдаем качественный подъем исследовательского интереса к этой проблематике. С другой стороны, теоретические подходы к изучению насилия отличаются высокой степенью разобщенности, разнородности, несистематичности. В этих условиях представляется актуальным обращение к ставшему классическим наследию общественной мысли XX века, с целью поиска новых теоретических перспектив, способных стать устойчивыми научными ориентирами в вопросах изучения проблем, связанных с насилием.

В этом отношении, теоретическое наследие франкфуртской школы обретает в наше время новую жизнь. Работы таких классиков социальной критики как Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Ю. Хабермас, продолжают оставаться неоспоримыми маяками в философском пространстве современности, несмотря на весь океан критики, обрушившийся в свое время на франкфуртскую школу. Предметом данной статьи будет анализ воззрений еще одного важнейшего представителя этого философского лагеря — Г. Маркузе, направленный, на установление перспектив использования его философских достижений в деле изучения проблематики насилия.

Аналитика развитых индустриальных обществ приводит Маркузе к неутешительным выводам. Оказывается,

что сама глубинная суть цивилизации, прогресса, просвещения, несет в себе потенциал угнетения и порабощения человека. Так, Маркузе отмечает: «Технологические процессы механизации и стандартизации могли бы высвободить энергию индивидов и направить ее в еще неведомое царство свободы по ту сторону необходимости. Это изменило бы саму структуру человеческого существования; индивид, избавленный от мира труда, навязывающего ему чуждые потребности и возможности, обрел бы свободу для осуществления своей автономии в жизни, ставшей теперь его собственной. И если бы оказалось возможным организовать производственный аппарат так, чтобы он был направлен на удовлетворение первостепенных потребностей, и централизовать его управление, то это не только не помешало бы автономии индивида, но сделало бы ее единственно возможной». [1.С.19]

Такая перспектива общественного развития была бы возможной, однако ей препятствуют фундаментальные аспекты западной цивилизации, делающие воплощение позитивного сценария весьма затруднительным: «Такая задача, «конец» технологической рациональности, вполне по силам развитому индустриальному обществу. В действительности, однако, мы наблюдаем противоположную тенденцию: аппарат налагает свои экономические и политические требования защиты и экспансии как на рабочее, так на свободное время, как на материальную, так и на интеллектуальную культуру. Сам способ организации своей технологической основы современного индустриального общества заставляет его быть тоталитарным; ибо «тоталитарное» здесь означает не толь-

ко террористическое политическое координирование общества, но также нетеррористическое экономико-техническое координирование, осуществляемое за счет манипуляции потребностями с помощью имущественных прав. [1.С.19] То есть, Маркузе продолжает здесь линию рассуждений М. Хайдеггера, говорившего о том, что техника является судьбой западной цивилизации, и что технические процессы в ходе истории начинают вытеснять из истории самого человека и его бытие. Репрессивный характер современного общества, основанного на господстве техники и технологии предполагает институционализацию насилия в самой структуре производства. Однако это насилие не является прямолинейным принуждением, по крайней мере, оно не является им в своей развитой форме. Насилие, институционализированное через господство техники, выражает себя, прежде всего, как репрессивная культура, осуществляющая подмену истинных человеческих потребностей «репрессивными потребностями», искусственно создаваемыми и поддерживаемыми для того, чтобы препятствовать свободной самореализации человека.

С этой точки зрения, философия Г. Маркузе предлагает нам теоретический инструментарий для анализа процессов институционализации насилия в современных технически развитых обществах. С помощью обращения к философским достижениям этого идейного направления становится возможным осуществлять исследования насилия в современном обществе, выходящие далеко за пределы его частных проявлений в тех или иных обществах и коллективах. Приспособление теоретического аппарата философии Г. Маркузе позволяет анализировать глубинные процессы зарождения и укрепления источников социального насилия на самых разных уровнях общества. Особенно важным здесь представляется открывающаяся возможность исследования проявлений насилия в современной массовой культуре через призму их внутренней взаимосвязи с фундаментальными процессами технологически-обусловленной институционализации насилия через культивирование «репрессивных потребностей», смещающих акценты развития человеческой личности. Причем эти акценты всегда смещаются в определенных, выгодных в рамках той или иной общественной системы, направлениях.

Здесь также стоит сказать о том, что важным теоретическим основанием философии Г. Маркузе является синтез марксистских и фрейдистских идей, в свое время очень актуальный, но не лишенный внутренних противоречий. Так, сущность воззрений Маркузе в этом аспекте хорошо обозначена **R. M. Young**: Freud claimed that the history of man is the history of his repression and that 'Our civilisation is, generally speaking, founded on the suppression of instincts.' Sublimation of sex produces the energy for progress, and the price of progress is the

substitution of guilt for happiness. Freud thought that this was due to an inevitable biological clash between Eros and civilization. Marcuse argues that 'the irreconcilable conflict is not between work (reality principle) and Eros (pleasure principle), but between *alienated* labour (performance principle) and Eros.' He believes that a socialist society could engender 'non-alienated libidinal work', 'a non-repressive civilization based on 'non-repressive sublimation'. (Фрейд считал, что история человечества — это история подавления человека, и что «наша цивилизация, в общем смысле, основана на подавлении инстинктов. Сублимация сексуальности производит энергию для прогресса, и ценой прогресса является замещение счастья чувством вины. Фрейд думал, что так происходит из-за неизбежного биологического противоречия между Эросом и цивилизацией. Маркузе считает, что «неразрешимый конфликт существует не между трудом (принцип реальности) и Эросом (принцип удовольствия), но между отчужденным трудом (принцип производства) и Эросом». Он верит, что социалистическое общество может воплотить «неотчужденный либидинальный труд», «нерепрессивную цивилизацию, основанную на «нерепрессивной сублимации»). [2.Р.666]

Таким образом, методы выхода из технологического тупика репрессивной, инструментальной западной цивилизации, предлагаемые Маркузе, тесно сопряжены с обращением к потенциалу внерациональных инстанций человеческой природы, их освобождения от искаженного режима сублимации.

Такая философская позиция приводит Маркузе к необходимости жесткой критики двух принципиальных режимов институционализации насилия в обществе: капиталистического и социалистического. По мнению философа, и в рамках капитализма и в рамках социализма инструментальность западной цивилизации, приводящая к проникновению насилия и подавления во все общественно значимые сферы, проявляется в полной мере. Такая ситуация обусловлена глубинными процессами «диалектики просвещения», приводящей гуманистический проект, зародившийся на заре Нового времени к своему собственному отрицанию в лице массовых репрессивных обществ XX века. Марксистский исследователь творчества Г. Маркузе Р. Штейгервальд связывает это с классовой спецификой культуры: «Вся буржуазная культура есть культура эксплуататорского и господствующего класса. В этом отношении она всегда содержит антигуманистические аспекты. Вместе с Маркузе можно проследить линию преемственности от Гитлера через классику, просветительство вплоть до реформации». [3.С.82]

Таким образом, мы можем осмысливать институционализацию насилия в социуме, по крайней мере, с двух принципиальных позиций. Если мы примем позицию

Маркузе, сочетающую философские положения раннего Маркса с психоаналитической доктриной З. Фрейда, институционализация насилия предстанет перед нами как процесс, обусловленный развитием технологического «господства», как самостоятельного исторического фактора, такого как, например, капитал. С этой позиции, анализ насилия это анализ борьбы различных сил сознательного и бессознательного планов. Если же мы примем ортодоксальный марксистский взгляд на эту проблему, то институционализация насилия должна интерпретироваться как результат классовой борьбы, то есть, она переносится на уровень объективных общественных отношений, независимых от субъективных характеристик сознания.

Вопрос выбора наиболее перспективного подхода остается открытым. С нашей точки зрения, ни один из этих подходов не является достаточно удовлетворительным для целей исследования насилия в современном обществе. Причина этого нам видится в том, что в современных условиях как апелляции к бессознательному, так и апелляции к классовому сознанию уже не представляются в достаточной мере теоретически перспективными. Процессы, происходящие в современных обществах обрели другую качественную специфику во всех своих значимых проявлениях. Анализировать их, положив в основу методы, уходящие корнями в XIX век, уже не представляется возможным. Трансформация современной общественной структуры делает практически неприменимой концепцию классов в его традиционном понимании. Сложная структура современного общественного сознания, обусловленная активным распространением массовой культуры уже не подлежит интерпретации с точки зрения классического психоанализа и его ранних интерпретаций. Однако по-настоящему ценным с теоретической точки зрения остается та перспектива рассмотрения институционализации насилия, которую можно выделить на фоне остальных воззрений Г. Маркузе, и рассмотреть безотносительно к фрейдомарксистским основаниям его философии.

Если мы посмотрим на современную массовую культуру и распространение в ней насилия с этой точки зрения, мы сможем определить основные философские истоки происходящих процессов, опираясь на представление о прогрессирующей институционализации насилия в рамках инструментальной рациональности и технологического господства. Репрессивные процессы современной массовой культуры делают насилие не только случайным спутником своих проявлений, но также интегрируют его в самую сущность массовой культуры. Развлечение, представляемое как истинная цель и конечное содержание массовой культуры, таким образом, оказывается средством подавления, средством навязывания человеку репрессивных потребно-

стей, и более того, средством трансляции насилия через свои образы, что закрепляет эту социальную практику в пространстве и во времени.

Здесь нам важно отметить еще одну особенность теоретической позиции Г. Маркузе, которую следует учитывать при разработке новых подходов к анализу насилия. Речь идет о том, что Маркузе видит один из главных истоков институционализации насилия в самой структуре труда и производства: «Подобно Фрейду, Маркузе квалифицирует труд, производительность, производственную работу как категории, вытекающие из отказа удовлетворения инстинктов, как отчуждающие и репрессивные». [З.С.88] С одной стороны, такая позиция позволяет связать институционализацию насилия с объективными производственными процессами, являющимися выражением «диалектики просвещения» и торжества инструментальной рациональности. Но с другой стороны, критика современной структуры производства, осуществляемая Маркузе, предполагает отказ от всех значимых производственных форм современного общества, воплощающих в себе репрессивное начало. Такая позиция, получившая название «Великого Отказа», предполагает необходимость разработки новых содержательных программ организации общественной производственной деятельности, основанных на свободном от институционализированного насилия труде. Однако такая разработка в рамках этой философии так и не была произведена в достаточном объеме и с достаточной теоретической глубиной. Проект нерепрессивного общества обладает ярко выраженными утопическими чертами, а его обоснование у Маркузе часто принимает вид лозунгов и политических призывов, а не тщательно выверенных теоретических и практических подходов.

Эта ситуация усугубляется еще и тем, что Маркузе, по всей видимости, не осознавал всю теоретическую важность разрешения вопроса о трансформации трудовой деятельности в новом обществе, свободном от институционализированного насилия.

При всей идеологической ангажированности марксистских критиков Маркузе, нельзя не признать некоторой теоретической справедливости их положений относительно недооценки Маркузе значимости общественного производства и серьезности связанных с его структурой вопросов: «Маркузе отвергает существующую культуру как репрессивную и требует иную, не репрессивную, которая способствует «чистому наслаждению». Он — теоретик позднебуржуазного пересмотренного эпикуреизма, и подобные мотивы мы находим в произведениях реакционных философов, проповедующих закат культуры. Эта философия наслаждения, как уже отмечалось, имеет в эксплуататорском строе корни двоякого

вида: утопические «райские мечты» эксплуатируемых и саморефлексию живущих непродуктивно, но наслаждающихся слоем господствующих классов. Философия Ницше уходит своими корнями во второе течение, а Маркузе — в первое, но идеалистическое содержание обоих нередко совпадает именно в основополагающем. Так, для обоих характерно стремление отделить способность и возможность наслаждения от общественной основы или же оценивать эту основу исключительно как ограничение возможностей наслаждения. Они не видят или не хотят видеть, что расширение этих способностей и возможностей для каждого индивидуума требует повышения общественной производительности труда, и следовательно, позитивного отношения к освобожденному труду, который не может быть и не будет лишь «игрой», к производительности и к «продуктивности».[3.С. 88]

Таким образом, в этой части теоретических воззрений Г. Маркузе наблюдаются очевидные трудности, требующие адекватных современным историческим условиям путей разрешения. Нам представляется актуальным переосмысление этой области анализа современного общества на основе концептуального синтеза идей Маркузе о механизмах институционализации насилия и современного подхода к вопросам взаимоотношения цивилизаций в рамках отечественной философской парадигмы евразийства, предлагающей новые пути осмысления проблем, касающихся согласования структуры производства и цивилизационных особенностей того или иного общества.

При этом, все время следует держать в исследовательском поле зрения основополагающую теоретическую установку Маркузе на радикальный пересмотр оснований взаимоотношения человеческой цивили-

зации и природы, отсылающую нас к теоретическому наследию М. Хайдеггера: «Marcuse argues that a new technology based on aesthetically informed sensation would respect humans and nature rather than destroying them. The creation of this technology would require not merely a political and social revolution but the end of the Gestell, Heidegger's technological age, since it would replace the "standing reserve" with a living world once again». (Маркузе считает, что новая технология, основанная на эстетически осознанной чувственности могла бы проявлять уважение к человеку и природе вместо того чтобы разрушать их. Создание такой технологии потребовало бы не только политической и социальной революции, но и завершения Gestell, хайдеггерианской технологической эпохи, так как эта технология снова заменила бы «состоящее-в-наличии» живым миром). [4.P.137]

Выводом из всего вышеизложенного является наше глубокое убеждение в актуальности теоретического наследия франкфуртской школы и Г. Маркузе, как одного из ее центральных представителей для разработки новых теоретических подходов к анализу проблематики насилия в современном обществе. При всей неоднозначности и при всей необходимости согласования этих воззрений с реальностью современной эпохи массовой культуры, философские находки Г. Маркузе, касающиеся осмысления проблем институционализации насилия в развитых индустриальных обществах, представляются слишком значимыми, чтобы просто отказать от них в силу отсутствия должной теоретической проработанности. Исследования, направленные на адаптацию воззрений франкфуртской школы к современной общественной действительности, должны продолжаться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. пер. с англ. М., 1994. — 368 с.
2. Young R. M. The naked Marx: Review of Herbert Marcuse, *Eros and Civilization: A Philosophical Inquiry into Freud* // *New Statesman*, vol. 78, 7 November 1969, pp. 666–67.
3. Штейгервальд Р. «Третий путь» Герберта Маркузе. — М.: Международные отношения, 1971. — 341 с.
4. Feenberg A. Heidegger and Marcuse: The Catastrophe and Redemption of History. — NY: Routledge, 2005. — 158 p.
5. Адорно Т. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001. — 527 с.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. — CLXX, 788 с.
7. Браун К.-Х. Критика фрейдомарксизма. К вопросу о снятии психоанализа. -М.: Прогресс, 1982. — 272 с.
8. Гаджиев К. С. Масса. Миф. Государство // *Вопросы философии*, 2006, № 6. С. 3–20.
9. Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. -М.: Наука, 1977.
10. Кагарлицкий Б. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. — 480 с.
11. Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб.: «Владимир Даль», 2000. — 541 с.
12. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 526 с.

МЕТАФИЗИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

METAPHYSICS OF URBAN SPACE

N. Voronina

Summary. Following heideggers thoughts about human being-understanding, cultural studies reveals the essence of man in his polyphonic man is the Creator of the city, man is the Creator of the city and the urban conditions and at the same time their product. These processes are built primarily on a symbolic basis. For analytical thinking, the author turns to metaphysics Saransk, choosing his symbolic space with such "stops": city place, city name, city, body, city text, and the city is a myth.

Key words: city, place, space, metaphysics, symbol, anthropological vision, name, body, text, myth, Saransk.

Воронина Наталья Ивановна

*Д.ф.н., профессор, МГУ им. Н.П. Огарева, г. Саранск
kafkmg@mail.ru*

Аннотация. Следуя хайдеггерской мысли о человеческом бытии-понимании, культурология открывает суть человека в его полифоничности: человек — творец города, человек — создатель самого города и городских условий и в то же время их продукт. Эти процессы строятся в основном на символической основе. Для аналитических размышлений автор обращается к метафизике Саранска, избрав его символическое пространство с такими «остановками»: город-место, город-имя, город-тело, город-текст и город-миф.

Ключевые слова: город, место, пространство, метафизика, символ, антропологическое видение, имя, тело, текст, миф, Саранск.

Город и городское пространство предоставляют большие возможности для человека прочитывать его при помощи символов и знаков, и, в свою очередь, награждать такими символами и знаками городское пространство. Знаки и символы выступают не только отражением уже существующих объектов, они вместе с их осмыслением создают мир. «В семиотических знаках города кодируется восприятие и понимание человеком окружающей его среды, придание ему определенных смыслов, различение собственного личного индивидуального пространства и его соотношение с пространством «другого», с пространством «всех», с объективированным пространством поселения» [11, с. 109].

Саранск — город одновременно провинциальный и столичный (Республика Мордовия), поэтому важно и интересно рассмотреть не только его символическое пространство, но и антропологическое видение Саранска, его особые знаковые черты в метафизике этого города. Оговорю следующее обстоятельство, которое не очевидно: кому лучше судить о городе — внутреннему или внешнему наблюдателю. Как всегда, одни полагают, что лучше, объективнее внешняя позиция, другие — внутренняя [8]. Оправдание для меня, автора статьи, одно — я не просто наблюдатель, я здесь живу. Живу с самого начала жизни. Поэтому к Саранску отношение онтологическое. Если наш город стал столицей с 1934 г., то провинциальное в нем жило с незапамятных времен. Саранск — это ландшафтный мир профессиональной и научной деятельности. Здесь ландшафту приписывается (вслед за В.А. Подорогой) метафизическое измерение, где метафизическое значит «незримое зримого» или «зримое становление незримого» [10].

В процессах становления городского пространства человек также исследовался как составная часть, как элемент городского сообщества, житель урбанизированной

среды. Этого совершенно не достаточно. Необходимо рассмотреть горожанина как активного субъекта, воздействующего на среду своего обитания, конструирующего ее в соответствии со своими потребностями, создающего ее и одновременно под влиянием, как этой среды, так и своей деятельности изменяющего самого себя. Особого внимания заслуживают взаимосвязи и взаимоотношения человека и города. Следуя хайдеггерской мысли о человеческом бытии-понимании, культурология открывает суть человека в его полифоничности: человек — творец города, человек — создатель самого города и городских условий и в то же время их продукт. Эти процессы строятся в основном на символической основе.

Возьмем для аналитических размышлений метафизику Саранска, избрав его символическое пространство с такими «остановками»: город-место, город-имя, город-тело, город-текст и, наконец, город-миф.

Город-место. Саранск основан как крепость-острог в 1641 г. на возвышенном левом берегу реки Саранки (по указу Михаила Федоровича Романова 1636 г.). Это был перекресток больших гужевых трактов, названия которых менялись (Старинный, Буртасский, Нагайский, Большая табунная, Большая Московская, Сурская и Крымская дороги, Посольский тракт и др.), «много десятилетий оживлявших экономическую жизнь местного населения» [3, с. 6]. Саранская сторожевая черта (построена раньше, в 40-е годы XVII в.), сначала называлась Атемарской, а сама крепость пересаживалась на ней, то выше, то ниже по Саранке. Поначалу надо было нести охранительную службу «для защиты и целостности покоя христианского от бурсурманских, татарских походов» и строить сооружения для быта, что и осуществлял первый воевода Савва Козловский. Саранск был поставлен охранять, но сам рубеж достаточно размыт (он тянулся по валу), поэтому замысел города не военный, а вполне житейский, на случай. Слу-

чай были разные — менялся статус, головная губерния, в которую входил город (Тамбовская, Пензенская), границы близлежащих областей и республик, придание самостоятельности.

На первом гербе Саранска — лиса и стрелы (природные знаки!), что символизировало хорошо развитый пушной промысел; а еще с Суры доставлялась стерлядь к царскому столу, конопля для ткачества — так город приносил и иную пользу государству, помимо сторожевой. Саранск сегодня как столица Республики Мордовия, обрел огромный научный и промышленный потенциал; герб, оставшись тем же, подчеркнул новую современную символику: лиса как спираль внутри лампочки света (один из символов светотехнического города), а стрелы — в копья-диоды. Так соединилось прошлое и современность.

Имя города по разным версиям связано с местом: частичка *sar, sara* — болотная местность, желтая кувшинка (символика желтого цвета весьма сложна: наряду с позитивными «желтыми» ключевыми словами: ловкость, общительность, радостное восприятие жизни, оригинальность, усердие, восприимчивость, терпимость, честность, уверенность в себе, присутствуют и негативные: язвительность, сарказм, вероломство, невежество, любовь к болтовне, критичность, нетерпимость, склонность к осуждению других, рассеянность, глупость) [1, с. 229]. Конечно, в любом городе набор таких ментальных черт жителей присутствует, какие-то преобладают, а некоторые — отсутствуют. Отмечу, что саранские жители весьма усердны, терпимы, уверены в себе, но и язвительны, мало критичны и самодовольны. И если десятки лет назад спорили о том, так ли желтый цвет и болотная местность мешают развитию города (по правому берегу реки Саранки), то сегодня ее использовали по полной программе: открыли на болотном (осушенном) месте спортивный комплекс «Старт», Водный стадион и Ледовый дворец, бассейн. Поэтому стоит заметить, что город когда-то, вобрав частичку *sar* в свое название, доказал, что новые методы застройки, не только позволили осушить природный ландшафт, но и придать ему современный градостроительный (наполовину тоже водный) облик и звучание.

Город Саранск, вопреки желтой кувшинке, сегодня можно назвать городом роз. Их разноцветье и благоухание стали приметой современного Саранска. В этом есть не только символ очарования и красоты, но и некое волшебство: голос культуры, голос успешности, голос чистоты и, конечно, голос магии. Символика провинциальности нашего города гармонично дополнена символикой иного волшебства, которое не только прекрасно, но и преемственно от желтой кувшинки.

Город-имя. По другой версии Саранск носит частично имя реки (*Инсар, Саранка*), но не человека (хотя вокруг

него были и есть города Горький, Ульяновск). Название историческое, «допотопное» и его никто не переименовывал (участь же именных городов часто зависима от культурных сдвигов, и переименования были неизбежны (и не один раз!): Екатеринбург, Петербург, Волгоград и др.). Замечу, что эта традиция оказалась устойчивой и для округи: лишь одно имя было изменено (станция Арапово в Ковылкине (сегодня это город) в честь комиссара железных дорог С.Т. Ковылкина), остальные малые города мордовского края сохранили историческую первозданность (Ардатов, Краснослободск, Инсар и т.д.).

К имени города, как и человека, часто приклеиваются метафоры — клички, переводящие культурное, официальное наименование в мифологическое, которое, как говорится «не в бровь, а в глаз». И если этого не случилось с именем самого Саранска, то очень пышно «расцвело» внутри него. Вот «Саранские горы», официально не существующие, но давно и прочно укрепился миф, что город стоит на семи горах (холмах) и каждая из них имеет свое название (по версии В.М. Кукулина): Земская, Острожная, Спасская, Успенская, Поклонная, которая разделена на Верхнюю и Нижнюю, Лысая [9, с. 556–560]. Ну, чем не «Рим на семи холмах!» — и это «греет» каждого саранского жителя, а молодожены «освоили» их как очень важный ритуал в своей судьбе.

Можно говорить о названиях отдельных домов, которые и раньше носили разговорный оттенок: «Дом Мышкина», «Дом Кубанцевых», «Дом Желтухиных» и др., и оттенок этих названий был благоговейный. Сегодня же мифы возникают мгновенно с новыми постройками и «несут социальную иронию, своеобразно фиксируя общественное мнение» (В.Н. Кукулин): «Барский дом» («Пентагон»), «Белый дом», «Дворянское гнездо», «Дом-ключка», «Дом-телевизор», дом «У Христа за пазухой» и др. Новая тенденция в городе связана с неоправданным сносом исторических домов и заменой их иногда худшими вариантами. Это вызывает острые полемические споры и еще о том, зачем Саранску столько домов с башнями и шпилями? (Ну, не Питер же! не Адмиралтейство! И не каждая «литовская конструкция» может «носить» на себе такое украшательство): Саранск был всегда «безбашенный», стал «и башенный, и шпилястый»!

Город-тело. «Город реализует идею организации пространства обитания человека, включая различные формы телесности: самого человека и внешнюю телесность (жилица, коммуникации). Город-тело есть продолжение человека вовне, это символическое тело человека, культурное, социальное, коллективное тело. Город — это проекция сознания человека во внешнее пространство. Быть горожанином — значит «городить», определять, структурировать мир вокруг себя и самого себя, строить храм и храм своей души», — пишет С.П. Гурин [7].

Сегодня происходит масса процессов, меняющих иногда в корне лицо города, но сама сущность, тело города остается неизменным. Оно в том, что отличает город от не-города и наполняет его соединением современной культуры и старой среды.

Саранск представляет типическое явление малых городов России в плане застройки; это создание центра с площадью и храмом, а вокруг пространство мелких построек, полукрестьянских домов. Сегодня — это официальный центр и несколько неофициальных — в микрорайонах, плюс масса пригородов с так называемыми дачными поселками. Саранск — типичный город с нерегламентированными фасадами частных домов и их окраской, поэтому представляет и по сей день пеструю картину. Рядом с похожими как две капли воды многоэтажками, стоят, словно изо всех сил пытаясь уйти в землю, покосившиеся деревянные домики и растасканные по кирпичику, частично или полностью, купеческие особняки. Дома в Саранске стоят отдельно, не прислоняясь друг к другу, т.к. пространство позволяет размещать их на большой территории, что создает своеобразие в коммуникативных отношениях горожан. Саранск как мера самого себя изначально дискретен, распадается на части, мельчайшие «атомы», каждый из которых есть «весь во всем».

Несмотря на то, что в XX в. Саранск приобрел вид стандартного провинциального города, названного весьма образно «кентавры», сегодня, именно в XXI в. Саранск меняется до неузнаваемости. Он стал приобретать отчасти европейский лоск. Появились уникальные по архитектуре здания, площади не разрозненные, а объединенные духовным началом: площадь 1000-летия, к примеру, собрала вокруг новые здания университета, национальной библиотеки, театра оперы и балета, культурно-развлекательного центра с мощным (40 м. в высоту) фонтаном.

Известно, что города по-разному рождаются и разно- му порождают. В каждом городе есть свои стигмы (знаки), свои собственные классификации существенных признаков, связанных с личными именами. Это «Саранск Эрзьи и Сычкова», «Саранск стратонавтов», «Саранск — город света», «Саранск М.М. Бахтина», описание которых в сумме дает совмещение двух взглядов на город: если первый воссоздает панорамный обзор, то второй — частный, зависимый от мгновения времени и точки, с которой производится обзор. Они не только не поглощают и не упраздняют значимость города, а наоборот, увеличивают ценность духовного тела города.

Назову еще несколько таких мест, которые в последние годы стали культурными доминантами в Саранске, где хочется прогуляться, посидеть под раскидистыми деревьями, куда съезжается вечерами молодежь для «тусовок»: Соборная площадь («Соборка»), Театральная пло-

щадь, Парковый спуск с памятником А.С. Пушкину, Парк им А.С. Пушкина, Набережная реки Саранки, Площадь у Храма иконы Божьей матери со светомузыкальным фонтаном и др.

Как видим, город рождается и сам рождает, производит, объединяет и разделяет нас с другими людьми как актор или агент социального взаимодействия. Рождаясь как город, он выполняет определенную культурную функцию, такую же, как и любой другой город. А именно: «дает возможность человеку переместиться с периферии ойкумены в ее центр, оказаться в месте сосредоточения многих людей (а у такого сосредоточения особая энергетика), где могут возникать и кристаллизоваться, обретать прочность новые формы поведения и жизни. Город дает возможность оказаться даже в «центре города», а это, согласитесь, что-нибудь да значит» [12, с. 133].

Тело города украшают не только здания, но и памятники, «поставленные для памяти и назидания». В них есть одна особая черта, которую удалось подметить именно в Саранске. У всех саранских героев ярко выраженная возвышенность чувств, полет мысли и открытость взора. Понятно, что у Стратонавтов по-другому не могло быть; Степан Дмитриевич Эрзья взволнованно и мечтательно общается с деревом; Александр Сергеевич Пушкин в глубокой задумчивости под присмотром музы, протягивая руку к своему читателю; Федор Федорович Ушаков поднят на высокий постамент, но это не мешает «прочитать» характер флотоводца, его отвагу и мужественность; Николай Платонович Огарев — «летающий» в будущее к «свободе слова»; Емельян Пугачев своей мощью и широтой размаха руки пытается, как бы разрушить существующую власть; есть и «Семья», устремленная к реальному Храму и мечтающая о будущем ребенке. Наши памятники создают не только определенную атмосферу монументального искусства в городе, но и психологически выстраивают контекст особого культурно-исторического времени и особую духовную ауру. К сожалению, пространство этих памятников (тел) слишком сужено и простирается больше в центральной части города [См. 4, с. 30–40].

Много раз пытались переконструировать Саранск, перенести его центр в какой-либо микрорайон. Так было в 70-е годы, когда закладывали фундамент музыкального училища с большим концертным залом на ул. Гагарина (Юго-Запад). Говорили: «Пройдет 10–20 лет, центр переместится туда и зал будет востребован». Но, увы, много чего построили на Юго-Западе, но не случилось... Сегодня в этом зале монтируют орган опять с большой надеждой, что именно он станет притягательной музыкальной силой для слушателя, концертная жизнь в нем закипит. И весь город будет съезжаться... Отмечу, что если город-конструкция позволяет перенести центр, то в Саран-

ске оказалось этого сделать невозможно, в центр можно только «попасть» [5, с. 40].

Город–текст. С семиотической точки зрения город и городское пространство во всем его символическом богатстве может рассматриваться как Текст. В городе формируется социальное расслоение, дистанцируются и фиксируются различные социальные роли людей, отражающиеся в различных сторонах жизни горожан, начиная от различий в функциях, взаимоотношениях, этикете, одежде, пище, жилище, и заканчивая изменением и особой структурированностью городского пространства.

В тексте, символике любого города важна идея конструирования, постоянного выстраивания себя как на некоей сцене. Здесь мы имеем в виду уже не «умышленность» города, а необходимость заботы о его имидже. При этом сцена и кулисы постоянно меняются, т.е. становится публичным то, что пряталось, и наоборот. Что прячет в себе Саранск?

В текстах города можно выделить саранский стиль, саранскую речь, вообще всякое саранское качество, одновременно соединяющее и разъединяющее культурный текст города.

Так, Саранск — это Россия, но он не транслирует представления россиянина об идеальном городе, являясь одновременно столичным городом по отношению к районным городам своей республики, но, в то же время провинциальным, а это значит, что в нем живет дух столичного и провинциального, и даже деревенского. Саранск стоит на материковой почве, в центре европейской части России, а потому тяготеет к «замкнутости и концентричности» (Ю. М. Лотман).

Названия саранских улиц и площадей, районов, каких-либо значимых мест — своеобразная городская «книга» жизни. Это целый мир культурных кодов, которые дают представление об истории и психологии людей, здесь живущих. И, что очень важно, эти знаки не просто фиксируют смену идей, но и, в свою очередь, оказывают влияние на внутренний мир «читателей», подспудно формируя его. До 1917 г. на их выбор, в первую очередь, влияла храмовая культура Саранска, богатая Первой, Второй или Третьей Богословской, либо Рождественской или Успенской. Новое время скоропалительно сменило названия, они и сегодня «украшают» город, делая его культурный контекст серым и унылым (Советская, Пролетарская. Коммунистическая, Большевикская, пр. Ленина и др). Городу и его жителям не хватает звенящих своими именами: Бахтинской, Яушевской, Эрзинской, Ушаковской, Университетской и др. улиц, которые не только хранили бы память о выдающихся людях, но создавали бы аромат особого духовного текста Саранска, его истории [6, с. 19].

Отмечу зеленый наряд города. Холмистая местность с многочисленными зелеными массивами (естественными и искусственными) создают еще один, своеобразный текст Саранска. Лес как бы обступил город, взял его в кольцо, благоухая разнообразием крон: весной распускающейся листвой, летом — пушистой зеленью, осенью — багрянцем и золотом красок, ну, а зимой — пушистым белым нарядом. Природа хотя бы в этом плане оказалась щедра к нашему городу, обделив его большой рекой. Человек — хозяин Саранска, сегодня, как и во все времена, чтит эту драгоценную красоту, обогащая ее красками городского модерна. Тем не менее, современный город все больше превращается в «парк домов», а из окон квартир открывается не вид, а все чаще — клочок неба между домами. И все-таки Саранск вполне выдерживает диалог провинциального города со временем, остается хранилищем пространственного ландшафта российской культуры, неповторимостью своеобразного мира малых городов России.

Саранск рождает спокойного, уравновешенного субъекта. Веря прессе, отметим, что он не сильно темпераментен и активен, склонен к тихому, провинциальному бытию. В литературных текстах, особенно в поэзии Саранск называют родным и теплым, любимым и радушным, «городом добра и открытости». В тоже время это город высокой университетской культуры, город знаний, интернациональной дружбы и сохранения этничности.

Ю. М. Лотман считал, что тяга к символике проявляется и входит в самосознание сильнее, если есть внешний наблюдатель, соперник. У Саранска вряд ли есть соперник. Есть некий взгляд из Москвы, что Саранск — город источников света, полупроводниковой и оптоволоконной промышленности; Саранск — сегодня еще один из городов Футбольного чемпионата 2018; Саранск также один из самых благоустроенных городов Поволжья (победитель в конкурсе 2012, 2014, 2015), можно сказать — город-провинция, как «ловкий» субъект федерации.

Город-миф. История Саранска изучалась в XIX и XX вв., были написаны очерки, статьи, книги, но в 90-гг. пробудился особый интерес к отдельным улицам, домам города; газеты открыли специальные рубрики, широко стали представлять фотоисторию; художники начали создавать серии графических и живописных работ; зазвучали песни о Саранске; на телевидении, радио и в газетах и сегодня объявляются конкурсы на знание своего города. Все это говорит о пробуждении самосознания горожан и в тоже время обязывает раскрывать нечто универсальное, показывать наши отношения с универсалиями бытия и знаменитой загадочной российской душой. Так, появлялись и появляются мифы, которые есть в культуре каждого города («Блистательный» и «Блокадный» Петербург или «Северная Венеция», «Самара — третья столица», «Москва — третий Рим», «Саратов — Афины Поволжья», а «Нижний Новгород — столица Повол-

жья» или «Карман России» и т.д.). А каков же наш миф? Какие понятия попадают в структуру взаимосвязей образа города и городской мифологии, с чем они связаны? Скорее всего, это статус города, облик города, стереотипы о городе, городская символика, городской фольклор, душа города и т.д.

Саранский миф — миф «окраинного» города, и это при том, что он всегда стремится к столичности. Он тихий, уютный, молчаливый в условиях, когда Россия переживает процесс регионализации, этнос дробится, сильна самоизоляция, даже национальная идентичность становится мозаичной. Эти процессы противоречивы, но, видимо, неостановимы.

В этих условиях роль окраины изменяется. В культуре происходят процессы, «обозначаемые как артикуляция, реконфигурация и заимствование» [2]. Артикуляция показывает, какой именно стиль поведения или способ действий принимает за основу город. «Реконфигурация показывает, какие сферы из маргинальных стали центральными, а заимствование (или перенос) — что может рассчитывать на поддержку других сфер деятельности. Окраина оказывается в центре, вернее, центр оказывается везде, где есть изменяющее мир деятельное и ответственное присутствие», — пишет Т.П. Фокина (12, с. 133).

Так, Саранск, по сути провинциальный, а по содержанию университетский город с богатыми традициями естественнонаучного, инженерного и гуманитарного образования. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева получил статус национального исследовательского университета (НИУ). Пользуется авторитетом саранские гуманитарные научные школы (социологическая А.И. Сухарева, культурологическая Н.И. Ворониной, политологическая Д.В. Доленко), а также работы их представителей в области провинциальной, этнической и реги-

ональной культуры и политики. Такого рода исследования создают предпосылки для выбора устойчивого «регионоцентричного» пути для республики. Сегодня это особенно важно в формировании «городской идентичности» в связи с существенным оттоком населения из Саранска.

Саранск сегодня высказывает претензию на некую универсальность в области возрождения финно-угорской культуры в России. Он является символом и основой возрождения мордовской культуры, объединяя российские диаспоры в один, очень мощный этнический центр, заявляя, что это истоки жизненности (как таковой) эрзян и мокшан. Таков еще один миф нашего города. И для этого идет поиск решений в области развития так называемых «мягких инфраструктур»: нового образа жизни, комфортной атмосферы и среды, современных гуманитарных технологий, малого предпринимательства, инноваций в культуре, искусстве и образовании, а также реализации крупных культурных проектов, позволяющих одновременно повысить уровень «капитализации» города на глобальном рынке, в том числе недвижимости и культурно-бытовых ландшафтов. Таким образом, региональное развитие идет в ногу с культурной и образовательной политикой.

Вот так Саранск «строит» свое символическое пространство, а каждый житель, чувствуя его реальность, воспринимает и подчиняется его принципам. Своеобразные знаки времени соответствуют «живой хронологии» (Т.С. Злотникова) и обладают (или им приписывают) особой метафизической значимостью, становясь «своими» и очень ценными символами для саранских жителей на все времена. А размышляя о них, мы прорываемся к самим основам человеческого существования, которые напрямую связаны с культурной политикой и с культурой власти в городской среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бонде Л. Магия цвета. — СПб., 1997. — 824 с.
2. Волков В. В. О концепции практик (и) в социальных науках // Социс. 1997. № 6.
3. Воронин И. Д. Саранск. Историко-документальные очерки. — Саранск, 1961. — 268 с.
4. Воронина Н. И. Города и люди: культурная идентичность. — Саранск, 2008. — 100 с.
5. Воронина Н. И. Символическое пространство Саранска // Феникс-2013. — Саранск, 2013. — С. 38–43.
6. Воронина Н. И. Бахтин-Саранск-Бахтин: университетский взгляд // Хронотопия города. Гении места: наследия культуры в современных российских городах. — Самара, 2016. — С. 14–21.
7. Гурин С. П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты // <http://www.topos.ru/article/6747>.
8. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. — М., 1993. — 208 с.
9. Куклин В. Н. Топонимия Саранска \ Саранск (малая серия): в 2 т. Т.1. — Саранск, 1997. — 576 с.
10. Подорога В. А. Выражение и смысл. — М., 1995. — 214 с.
11. Сиротина И. Л. Пространства современного города \ Город и время (The city and time): в 2 т. Т. 1. — Самара: ООО «Книга» 2012. — С. 103–109.
12. Фокина Т. П. Метафизика Саратова \ Пространственность развития и метафизика Саратова. — Саратов: Изд-во ПАГС, 2001. — С. 128–140.

THE PHENOMENON OF RELIGIOUS FAITH

R. Davletgarayva

Abstract: The article attempts to justify the idea that the prevalence and persistence of religious faith is based, first, on the dual nature of man and, secondly, the practical provability of one of the most important components of a religious worldview — the law of retribution.

Key words: God, the law of retribution, religious faith, the world is transcendental, the empirical world, superstition.

Факт распространенности и неискоренимости религиозной веры, ее живучести даже в условиях воинствующего атеизма, не может отрицать даже тот, кто не терпим по отношению к религии и религиозности вообще.

Почему религиозная вера неискоренима? Почему она даже во времена жесточайшего ее подавления неистребима? В чем причина? На чем она зиждется?

Причин, на мой взгляд, две.

Первая причина обусловлена самой сущностью человека (внутренняя причина), а именно, принадлежностью человека к двум мирам: посястороннему и потустороннему (по И. Канту: эмпирическому и трансцендентному). Человек, будучи существом, имеющим отношение не только к миру чувственно воспринимаемому, но и к миру трансцендентному, не может не обращаться к нему. Выдающийся русский мыслитель Л.Н. Толстой называет эту устремленность человека к миру трансцендентному (в его терминологии — бесконечному (Богу)) религией. «Установление отношения человека к тому целому, которого он чувствует себя частью и из которого он выводит руководство в своих поступках и есть то, что называлось и называется религией. И потому религия всегда была и не может перестать быть необходимостью и неустранимым условием жизни разумного человека и разумного человечества» [1]. Великий мыслитель убедителен в том, что необходимость обращаться к бесконечному (Богу) у человека продиктована его сущностью, его принадлежностью к двум мирам (Толстой, с моей точки зрения, глубже всех проник в смысл жизни, сущность религии и нравственности). Действительно, в неистребимой потребности человека устанавливать отношения к миру иному и в том факте, что в историческом развитии человечества не было ни-

ФЕНОМЕН РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ

Давлетгаряева Разифа Гариповна

*К.ф.н., доцент, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа
davletgaryaeva.razifa@yandex.ru*

Аннотация. В статье предпринимается попытка обосновать идею о том, что распространенность и живучесть религиозной веры обуславливается, во-первых, двойственной сущностью человека и, во-вторых, практической доказуемостью одного из важнейших принципов религиозного мировоззрения — принципа воздаяния.

Ключевые слова: Бог, воздаяние, религиозная вера, трансцендентный мир, эмпирический мир, суеверие.

когда такого общества, которое на протяжении всего своего развития обходилось бы без идеи потустороннего, трансцендентного, Бога, усматривается его (человека) двойственность. Принадлежит к двум мирам, человек не может жить, не устанавливая отношения к тому миру, частью которого он является. Этим объясняется и причина того, что безверие (отсутствие религиозной веры) всегда порождает суеверие (замена Бога идолами). Подмена Бога идолами в современной России, над которой продолжает витать дух атеизма, сплошь и рядом.

В качестве другой составляющей обоснования живучести и неистребимости религиозной веры я рассматриваю, помимо вышеупомянутой (принадлежности человека к двум мирам), подтверждение на практике истинности одного из важнейших принципов религиозного мировоззрения — принципа воздаяния (фундаментального закона жизни). Именно подтверждение самой жизнью (практикой) того, что закон воздаяния не есть плод человеческой фантазии, а есть закон реальный, объективный, и является одним из двух китов, на чем держится религиозная вера. Религиозную веру подпитывает жизненный опыт, который доказывает людям истинность того, что «что посеешь, то и пожнешь». Люди в большинстве своем верят в Бога не потому, что они переживают религиозный (мистический) опыт (этот путь познания Бога — путь особой касты людей — духовно совершенных). И не по причинам социально-экономическим, государственно-политическим, психологическим. Эти способы объяснения религиозности и вовсе не состоятельны как научные (даже уже по одной той причине, что противоречат фактам, в том числе историческим). В действительности религиозная вера во многом подкрепляется жизненным опытом, который показывает людям истинность того, что воздаяние есть реальность, что оно неотвратимо, что Бог управляет этим миром через механизм воздаяния. Факты жизни свидетельствуют,

что существует абсолютная справедливость — справедливость от Бога (каждому воздается по его делам еще в этом мире). Иные аргументы (богословские, философские) для большинства — лишь дополнительные инструменты на пути познании ими Бога. Действительно. Если Бог был бы известен людям только из Священных книг, уст религиозных и философских авторитетов, и никак нельзя было бы обнаружить следов Его присутствия в этом мире, Он не был бы для большинства убедительным. Такой Бог и вовсе не тот Бог, Который открыл Себя миру через Христа и Мухаммеда (и в Библии, и в Коране сказано о воздаянии в двух мирах). То, что религиозная истина находит свое подтверждение на фактах жизни, народ выразил в своем кладезе мудрости — пословицах («Что посеешь, то и пожнешь», «Не капай другому яму, сам упадешь», «На чужом несчастье, счастье не построишь» и другие). Широко распространена и фраза «Бог все видит».

Осознание неотвратимости воздаяния особую роль играет в становлении на религиозный путь людей светского общества, как наше сегодняшнее, где отсутствует традиционное религиозное воспитание, и общества воинствующего атеизма, как наше общество в недавнем прошлом, где и вовсе религиозность под запретом. В обществах такого типа большую долю из общего числа верующих составляют люди зрелого возраста. И причины этого феномена не в болезнях, нищете, чувстве одиночества и т.д. и т.п. (то, на что чаще всего ссылаются при объяснении причин этого социального явления). Среди обращенных в религиозную веру в солидном возрасте немало и тех, кто вполне благополучен во всех

смыслах. В реальности в светских обществах у подавляющего большинства людей, кто ударяется в религию в том возрасте, когда приходит время подводить итоги, поворотным пунктом становится понимание того, что жизнь складывается именно так, как ты того заслуживаешь («что посеешь, то и пожнешь»). Особенно явственно проявляется закон воздаяния на судьбах тех, кто совершает серьезные судьбоносные ошибки (а таковых в обществах, где Бога изгнали из души и страны, хоть пруд пруди).

Чтобы увидеть в судьбах людей действие закона воздаяния (закона причинно-следственных связей), много ума не надо. Достаточен здравый смысл. Более того, большой ум может даже помешать обнаружить в жизни действие закон воздаяния. К тому яркий пример величайший философ И. Кант. Он ведь силою своего разума дошел до того вывода, что воздаяние должно быть неизбежным, неотвратимым. Иначе нет смысла следовать нравственному закону, без которого невозможно бытие человека и человечества. Но он был уверен, что в эмпирическом мире нет никакого воздаяния. Поэтому вынужден был допустить существования трансцендентного мира, в которого можно только верить, так как он непостижим разумом (разуму подвластен только эмпирический мир, мир феноменов (явлений)), в котором и восторгается абсолютная справедливость — воздается каждому по его делам. Кант не обнаружил в жизни то, что под силу и среднестатистическому уму — закон воздаяния, и не мог обнаружить его, потому как он жил в сфере разума, в мире чистого разума, из которого, как паук, все и плел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л. Н.. Что такое религия и в чем сущность ее? // Л. Н. Толстой — Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0760-1.shtml
2. Толстой Л. Н. Религия и нравственность. // Л. Н. Толстой — Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0470-1.shtml
3. Кант И. Критика чистого разума. // И. Кант.-Санкт-Петербург: ИКА «ТАЙМ-АУТ», 1993.-472 с.
4. Давлетгаряева Р. Г. О смысле жизни. /Р. Г. Давлетгаряева// Вестник Челябинского государственного университета. 2012. — № 32. — С. 6–10.

СВЯЗЬ ТЕОРИИ КАТАСТРОФ, ТЕОРИИ АТТРАКТОРОВ И ФРАКТАЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ, БИОЛОГИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ

THE CONNECTION OF THE CATASTROPHE THEORY, THE THEORY OF ATTRACTORS AND FRACTAL GEOMETRY, BIOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS

V. Egorov
I. Larionova

Summary. The paper discusses the main concepts of synergy as applied to biological systems and the provisions of philosophical dialectics, as well as their communication and interaction.

Keywords: catastrophe theory, the theory of attractors, fractal geometry, communication.

Егоров Владислав Викторович

Заслуженный деятель науки РФ, доктор химических наук, профессор, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина. Москва. Россия

Ларионова Ирина Сергеевна

Почетный работник ВПО РФ, доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина. Москва. Россия

kaf_chimii@mgavm.ru

Аннотация. В работе рассматриваются основные концепции синергетики применительно к биологическим системам и положениям диалектики, а также их связь и взаимодействие.

Ключевые слова: теория катастроф, теория аттракторов, фрактальная геометрия, связь.

Биология сегодня — это наука об открытых устойчиво неравновесных самоорганизованных системах, описываемых нелинейными уравнениями. Именно такие системы рассматривает относительно новая математическая дисциплина — синергетика И. Пригожина — Л. Онзагера [1], сформировавшаяся во второй половине прошлого века в рамках теории хаоса и получившая заслуженное признание в виде присуждения ее автору И. Р. Пригожину нобелевской премии. По существу ее начало следует отнести к концу XIX — началу XX веков, когда в науку вошло понятие времени, а мир вокруг предстал динамичным и изменяющимся. И здесь заслуга в первую очередь диалектики Г. В. Ф. Гегеля, законы которой возникли в противовес представлениям ньютоновской механики, характеризующей наш мир как устойчивый и неизменяющийся. Они «разрушили» этот идеальный мир, показав его динамику и развитие. Основанием для этого послужили теория эволюции (Ч. Дарвин). Позднее свою роль сыграли квантовая механика (Н. Бор, М. Планк, Л. Де-Бройль, В. К. Гейзенберг и др.) и теория относительности (А. Эйнштейн). Главный тезис новой науки: «Все течет, все изменяется» («Panta rhei» — Гераклит из Эфеса). Это значит, что устойчивость относительна, все реальные системы — условные, вероятностные, а мир, по сути, хаотичен. Но этот неупорядоченный мир, помещенный в определенные рамки (детерминированный хаос), становится способным к самоорганизации, которая может динамично существовать в этих пределах, постоянно колеблясь и подстраиваясь под внешние изменения, что и определяет ее устойчивость. Кроме того в этом пульсирующем мире появляется возможность выхода

системы за существующие пределы, т.е. способность ее к эволюции.

В этом процессе мы отчетливо наблюдаем элементы синергетики Пригожина — Онзагера [1]. Ее составляет ряд на первый взгляд независимых концепций, таких как теория катастроф, теория аттракторов, фрактальная геометрия (и др.). Теория катастроф предлагает математическое описание эволюции системы, например, путем катастрофы типа «складка» [2]. Теория аттракторов описывает поведение системы относительно некоторого центра или области притяжения — аттрактора, вполне определенного (простые аттракторы — узел, центр, предельный цикл) или хаотичного (странные аттракторы) [3]. Фрактальная геометрия задает форму различных структурных уровней в процессе самоорганизации и укрупнения системы, где каждый последующий уровень в определенной степени напоминает предыдущий (фракталы Б. Мандельброта и др.) [4].

Почему это разделы одной науки, что их объединяет? Для ответа на этот вопрос рассмотрим связь между указанными концепциями, их представлениями.

Начнем с базовых понятий синергетики.

1. Открытые системы. Именно для них записываются уравнения потоков, характеризующие, в том числе, изменения и эволюцию системы в теории катастроф. В косвенном виде к ним применима теория аттракторов, в частности, в разделе «странные аттракторы», неопределенность поведения которых может быть связана с внешним воз-

действием, в частности, с потоками вещества и энергии. В неявной форме открытые системы присутствуют и во фрактальной геометрии, где небольшие изменения на старте приводят к огромным различиям в конце.

2. Устойчиво неравновесные системы. Это — колебательные процессы в теории аттракторов, особенно странных, что является одной из характеристик развивающейся системы в теории катастроф. В рамках фрактальной геометрии высокая чувствительность системы к начальным условиям фактически свидетельствует о том же.

3. Самоорганизованные системы. Это ключевое понятие синергетики лежит в основе фрактальной геометрии, ее процессов организации, протекающих в направлении некоторого центра притяжения — аттрактора с определенной динамикой и эволюцией, характеризуемой теорией катастроф. Причем, эволюция в теории катастроф предполагает как совершенствование (ароморфоз по А.С.Северцову [5]), так и деградацию, т.е. два возможных направления изменения системы в точке бифуркации. Такое же двоякое движение возможно при рассмотрении фрактальных систем: от некоего выбранного первого объекта к производному от него второму либо большего, либо меньшего размера, напоминающему предыдущий по своей форме.

При сравнении теорий катастроф и аттракторов выявляется, что стремление системы к определенной точке в первой — аттрактору определяет ее развитие на данном уровне организации. Например, в популяции это движение к определенному устойчивому состоянию — экологической нише (идеоадаптация по Северцову [5]). В организме характеристиками простых аттракторов (линейные изменения свойств, неизменность и др.) обладают наиболее древние, относительно простые и устойчивые системы (например, кости, кожа и др. деривативы), а свойствами странных аттракторов (детерминированная хаотичность, изменчивость, адаптивность и пр.) — относительно молодые, более сложные и активно изменяющиеся системы, например,

ЦНС и сердечнососудистая система. Их сравнение и позволяет выявить признаки эволюции.

Но у этих странных по своему поведению аттракторов есть определенное строение или «рисунок», задаваемый фрактальной геометрией, Например, структура кровеносных или лимфатических сосудов, картина расположения нейронов в мозгу — варианты «дерева Фейгенбаума» [4]. Причем, кроме геометрических, описаны динамические фракталы, к которым относятся синусоида, циклоида и др., разворачивающиеся во времени, например, эволюции живой системы. Но, эти же формы характеризуют простые аттракторы типа узел и предельный цикл.

Таким образом, мы видим глубинные корни объединения трех, на первый взгляд независимых математических концепций, в рамках единой теории — синергетики. Об этом свидетельствует и следующее. Фрактальная геометрия базируется на диалектическом законе «отрицание отрицания», где третье отрицание приводит нас к системе, подобной первой, в данном случае по форме. Важно, что такое последовательное отрицание фактически включает в себя и фазы развития системы на данном уровне (закон «триединства развития» [6]). Теория катастроф основана на законе перехода «количества в качество», где количественное накопление изменений на данном уровне приводит систему к катастрофе — скачку на другой уровень с новым качеством. Теория аттракторов в своем механизме, основанном на притяжении — отталкивании, их взаимосвязи, определяющей колебательные процессы в системе, по сути, опирается на диалектический закон «единства и борьбы противоположностей».

Следовательно, все наши три концепции кровно связаны и объединены и в синергетике, и в биологии, и в философии, ее разделе диалектике, которую позволительно назвать в этой связи сегодня высшим пластом синергетики, содержащим наиболее общие представления, их квинтэссенцию в виде законов диалектической философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. — М: Прогресс. 1986.
2. Рубин А. Б. Биофизика. — М: Высшая школа. 1987.
3. Малинецкий С. С. Хаос. Структуры. Вычислительный эксперимент. Введение в нелинейную динамику. — М: УРСС, 2001.
4. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. — Москва-Ижевск: ИКИ. 2002.
5. Северцов А. С. Теория эволюции. — М: Владос. 2005
6. Егоров В. В. Основные этапы развития объектов природы и общества: сходство и отличия. //Ученые записки РГСУ. 2012. № 10. с. 71

О ФИЛОСОФСКОЙ РАБОТЕ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ТЕКСТОМ

ON THE PHILOSOPHICAL WORK WITH LITERARY TEXTS

S. Nikolsky

Summary. Philosophic, as a characteristic feature of Russian classical literature, reflected in its constant attention to limiting the grounds of human existence — life and death, love and passion, hatred and grief, good and evil, happiness and unhappiness, the role in the earthly life of the Creator, human freedom. Working philosopher and researcher with artistic text consisting in clarifying and interpreting the meaning of these limits, has its own laws and characteristics. They consider the subject of this article.

Keywords: philosophy, literature, culture, meanings, values, interpretation, dialogue.

Никольский Сергей Анатольевич

*Д.ф.н., заведующий сектором философии культуры, Институт философии РАН
79031395614@yandex.ua*

Аннотация. Философичность, как характерная особенность русской классической литературы, выражается в ее постоянном внимании к предельным основаниям человеческого бытия — жизни и смерти, любви и страсти, ненависти и тоске, добру и злу, несчастью и счастью, роли в земной жизни Творца, свободе человека. Работая философа-исследователя с художественными текстами, состоящая в выяснении и интерпретации этих предельных смыслов, имеет свои закономерности и характерные особенности. Их рассмотрению посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: философия, литература, культура, смыслы, ценности, интерпретация, диалог.

Условием вхождения индивида в культуру является его способность постулировать свою принадлежность (идентифицировать себя) с определенными личностями и общностями, отождествлять собственные переживания, смыслы и ценности с теми, которые он находит в референтных группах. Такими группами индивид, как известно, определяет свой ближний круг, кого-то из современников, а иногда и из творцов, оставивших след в истории.

Механизм идентификации личности в культуре посредством диалога открыт М. М. Бахтиным, установившим, что авторское слово есть выражение «ценностной активности, проникающей в содержание и претворяющей его. Так, при чтении или слушании поэтического произведения я не оставляю его вне себя, как высказывание другого, которое нужно просто услышать и значение которого ...нужно просто понять; но я в известной степени делаю его своим собственным высказыванием...» [1].

Превращение слова другого в «собственное высказывание» — один из способов идентификации. В авторской речи, конкретизируют бахтинскую позицию С. С. Неретина и А. П. Огурцов, «любое высказывание (единица речи), по сути, направлено на провокацию ответа или вопроса со стороны лица, внимающего этому высказыванию. Оно является границей другого высказывания». Для возникновения такого рода речи «необходимо погрузиться одновременно в текст и в глубину самого себя, в самосознание, то есть мыслить не о культуре, а мыслить и жить культурой» [2].

Если говорить о диалоге как способе идентификации и средстве культурного развития личности на материале литературы, то помимо непосредственной работы идентификации, выполняемой читателем в процессе самопознания, нужно указать и на совершающуюся загодя или параллельно интерпретаторскую (от лат. *interpretatio* — разъяснение, истолкование) деятельность, которую выполняют интерпретаторы-профессионалы — литературный критик и литературовед. Помогая читателю глубже осмыслить произведение, вчувствоваться в него, они, если требуется, могут исполнить и идеологическую функцию, интерпретируя произведение в заданном извне, например, властью, ключе.

Общепризнанно, что философичность является характерной особенностью русской классической литературы, что выражается в ее постоянном внимании к предельным основаниям человеческого бытия — жизни и смерти, любви и страсти, ненависти и тоске, добру и злу, несчастью и счастью, роли в земной жизни Творца, Демона, самого человека.

Конечно, такого рода внимание свойственно многим произведениям мировой литературы. Однако в русской классике есть отличительное. Во-первых, ее внимание к предельным вопросам непрерывно, развивается от творца к творцу, проявляется постоянно и потому может считаться существенной и характерной чертой. И, во-вторых, в этом явлении есть особенный русский смыслы и ценности, не свойственные другим культурам. К ним относится то, что именуется, например, «счастьем», «судьбой», «тоской» [3]. Смыслы эти,

по мнению филологов, являются специфически русскими, характерными именно для нашей лексики и национальной языковой картины мира и отсутствуют в других языковых картинах мира [4].

Возможно, высшим достижением отечественной классики XIX в. нужно признать участие писателей и поэтов в созидании того, что может быть названо национальным мировоззрением. О необходимости исследования этого феномена говорит, в частности, С.Л. Франк: «Национальное мировоззрение, понимаемое как некое единство, ни в коем случае, конечно, не является национальным учением или национальной системой — таковых вообще не существует; речь идет, собственно, о национальной самобытности мышления (Здесь и далее выделено мной.— С.Н.) самого по себе, о своеобразных духовных тенденциях и ведущих направлениях, в конечном счете о сути самого национального духа... Объект нашего исследования — не таинственная и гипотетическая “русская душа”, как таковая, а ее, если можно так выразиться, объективные проявления и результаты, точнее, преимущественно *идеи и философы, объективно и ощутимо для всех содержащиеся в воззрениях и учениях русских мыслителей*... Поскольку облечь в понятия внутреннее содержание национального духа и выразить его в едином мировоззрении крайне трудно, а исчерпать его каким-либо понятийным описанием и вовсе невозможно, мы должны все-таки исходить из предпосылки, что *национальный дух как реальная конкретная духовная сущность вообще существует, и что мы путем исследования его проявлений в творчестве сможем все-таки прийти к пониманию и сочувственному постижению его внутренних тенденций и своеобразия*» [5].

Предложенная Франком технология близка той, какую вслед за Платоном усматривал А. Ф. Лосев: «Все наши знания летают по воздуху независимо от нас, наподобие голубей. Мы должны затратить большие усилия для того, чтобы поймать этих голубей и поместить их в своей душе. Это будет значить, что мы приобрели те или другие знания, то есть при обрели голубей. Мы их имеем в своей душе. Но обладание этими знаниями, или голубями, еще не означает настоящего и полного знания; надо еще применить эти знания и извлечь их из души, где они могут находиться и не в виде настоящего знания, а в виде чего-то забытого и неиспользованного. Нужно произвести вторичную ловлю этих голубей, уже ловлю в пределах нашей собственной души. Находясь в нашей душе, они так же ускользают от нас, как они ускользали во время своего полета по воздуху. Значит, для приобретения настоящего знания нужно произвести эту вторичную ловлю и поймать, уже ловлю в недрах нашей собственной души.

И вот, когда эта вторичная поимка состоялась, только тогда мы действительно владеем приобретенными знаниями и действительно пользуемся ими в жизни» [6]. Уловление голубей-смыслов, голубей-ценностей в мире — авторском тексте в том числе, равно как и уловление их в собственной душе — что это как не интерпретация?

Задачу «понимания и сочувственного постижения» национального духа как существенной части «национального мировоззрения» нельзя не считать философской, что, естественно, определяет участие в интерпретации русской классики, наряду с литературоведом и литературным критиком, исследователя-философа.

Что же представляет собой интерпретация, как она возможна и насколько допустима? На мой взгляд, для понимания этого процесса важны прежде всего понятия «раскрытие» и «трактовка», включающие обнаружение и выделение в авторском тексте заложенных в нем ценностей и смыслов, равно как и наделение его ими, которое совершает субъект в диалоге с автором. Как интерпретация совершается?

Процесс раскрытия произведения предполагает максимально полное проникновение читателя в сюжетно-событийный и образно-метафорический состав текста, в его содержание в том виде, как оно представлено автором. Читателю необходимо понять и прочувствовать всю совокупность деятельностных отношений героев между собой и с миром, заложенных в произведение автором. Более того, поскольку деятельность не является исчерпывающим основанием существования человека, а сами ее цели определяются присущими ему идеалами, ценностями и мотивами, то и они, сделавшись предметом авторского внимания, включаются в содержание произведения и подлежат раскрытию.

У раскрытия есть границы. Одна из них проявляется в невозможности понять, как посредством художественного творчества смыслы и ценности входят (оказываются) в сознании писателя или поэта. Давно замечено, что источники авторского творчества, в особенности, в периоды так называемого вдохновения, раскрытию не поддаются. Близкие Осипа Мандельштама на вопросы о том, как поэт сочиняет стихи, говорили о его «подслушивании» стихов, о том, что их ему будто бы кто-то нашептывал. У Анны Ахматовой в момент рождения стихов было «бормотанье». У Александра Блока, по его свидетельству, поэзия возникала из музыки, из слышимых им музыкальных звуков [7–9]. И разве не о непознаваемости источника поэзии говорит в «Пророке» Пушкин?

*«...И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье» [10].*

Посредством особым образом устроенного слуха, способности внимать звучанию «высших сфер» гении поэзии доставляют на землю то, что поведало им небо. Это похоже на божественные сутры, приходящие во сне пророку Мухаммеду, которые он записывал после пробуждения.

Раскрытие, то есть уловление, осмысление, фиксация и формулирование того, что автор вложил в содержание произведения — начало его постижения. И поскольку с этого момента начинается диалог автора и читателя, то возникает и интерпретация.

Интерпретация как понимание того, что замысливается автором, есть в то же время надление в процессе диалога первичного авторского понимания читательскими смыслами и ценностями. Интерпретация автора читателем есть акт свободы и, значит, творческий акт. Здесь тот же процесс, который имеет место в художественном чтении, в написании режиссерского сценария, в исполнении актерской роли, в создании и исполнении музыкального произведения. Так, композитор задумывает и кладет замысел на ноты. Исполнитель по-своему его раскрывает и интерпретирует. И, наконец, слушатель по-своему слышит, раскрывает и интерпретирует обоих.

В понимании интерпретации важным является вопрос не только о ее принципиальной допустимости, но и о возможных пределах. Вопрос этот не может быть решен универсальным образом, поскольку каждый конкретный случай творческого диалога автора и читателя уникален. Иногда интерпретация не выходит за границы авторского текста. А иногда, используя его лишь как повод, расширяет предмет далеко за пределы произведения.

При этом, уникальность в каждом случае определяет не только свою «количественную меру», горизонт интерпретации, но и состав профессионалов-посредников и читателей-интерпретаторов, вступивших в ди-

алог. Так, если предположить, что автор затрагивает «последние вопросы» человеческого бытия, то о нем самом начинают говорить как о философствующем авторе или даже, как, например, в случае Льва Толстого или Достоевского, об их собственной философии. Вероятно, что в таком случае среди интерпретаторов будет больше исследователей-философов и они потеснят литературных критиков, которые в лучшем случае нацелены на интерпретацию философско-литературных произведений с точки зрения актуальных, текущих общественных задач. Это, конечно, не исключает, что среди литературных критиков есть и те, кто работает «на поле» и методами исследователей-философов.

Следующим шагом (этапом) в процессе интерпретации является трактовка и говорится о ней прежде всего в связи с раскрытием. Как мне представляется, в процессе интерпретации-диалога при раскрытии смыслов и ценностей, которыми обладают автор, с одной стороны, и читатель, с другой, акцент делается на максимально полном извлечении содержания из того, что было заложено в произведение автором. И читатель хотя и дает волю своей свободной трактовке, но все же, как якорем, сдерживается авторскими смыслами и ценностями. Напротив, на этапе трактовки, якорная цепь рвется, авторское содержание лишь пунктирно намечает свободное движение читательской интерпретации, но не сдерживает его, передавая решение о направленности и степени свободы (вольности) трактовки на читательское усмотрение. И если не бросать судно на волю волн без руля и без ветрил, то следует озаботиться сохранением связи между раскрытием и трактовкой, что определяется читательской и профессиональной посреднической компетенциями, вкусом, культурой².

В приведенных рассуждениях я исходил из того, что будто бы имеется нечто, написанное автором однозначно и только при восприятии этой однозначности читателем или посредником-профессионалом возникает интерпретация. Вопрос, однако, более сложен. Так, в предмете русского мировоззрения мы имеем дело не просто с неоднозначным продуктом, но, вообще с тем, что автор сконструировал, интерпретировав явления действительности, и выдав свое представление о нем за результат. То есть, процесс интерпретации как раскрытия и трактовки имеет место

² Ведущую роль на этапе трактовки играют воображение и фантазия читателя и профессионала-посредника. Это, однако, тема специального исследования. В данной работе я лишь пытаюсь обосновать легитимный статус свободной интерпретации, что по отношению к исследователям-философам далеко не всегда признается литературоведами и литературными критиками и часто отбрасывается ими как не имеющее связи с авторским текстом, придуманное.

не только в работе читателя, но и при создании текста автором. Этот феномен, рассмотренный на примере работы историка по созданию исторического факта, описал Ю. М. Лотман.

Автор «Семиосферы» начинает с рассмотрения процесса создания исторического текста. Историк, описывающий свое время, имеет дело с одним из многих современных ему событий, из которых выбирает одно и придает ему значение. Создавая этот текст, он должен прежде всего прибегнуть к интерпретации, то есть вписать рассматриваемое событие в весь возможный, современный ему, спектр интерпретаций и использовать ту, которая представляется ему значимой. Проходит время и другой историк берет в руки составленный ранее документ.

Лотман приводит пример с находкой в 1945 году в Верхнем Египте текста, в котором говорилось о том, что Иисус отказался участвовать в дележе имущества. Анализируя документ, историк — читатель мог выбрать прямое и символическое толкование (интерпретацию) слов Спасителя. В первом случае — это был отказ от участия в деле «не от мира сего». Во втором — образ разрастающегося в мире зла, связанного с разделением, противостоящего благу — соединению. Но обе эти интерпретации оставляли за рамками рассмотрения, по крайней мере, еще одну возможную интерпретацию — мизансцену и жесты. Отказываясь, Иисус стоит спиной к ученикам и говорит, обращаясь к вопрошающему его, а далее, заключая ответ («Да не стану я тем, кто делит!»), поворачивается к ученикам, придавая своим словам сокровенно-таинственный смысл. Поэтому, делает заключение Лотман, если для естественных наук факт — это первооснова, позволяющая вскрывать закономерности, то для истории и вообще сферы культуры «факт является результатом предварительного анализа. Он создается наукой в процессе исследования и при этом не представляется исследователю чем-то абсолютным» [11]. То есть, факт — это, во-первых, результат интерпретации его автора и, во-вторых, результат дальнейшей интерпретации ученого.

С «фактами культуры», которые содержатся в текстах философствующих писателей³, в которых затрагиваются представления о первоосновах человеческого бытия, вопрос не менее сложен. И сложность проис-

текает не только из интерпретации, но и из идентификации.

Идентификация — явление длящееся, сопровождающее развитие личности и потому предполагающее и включающее в себя процесс интерпретации. Если интерпретация возможна без последующей идентификации, то идентификация без интерпретации не бывает. Процесс отождествления себя с кем-то или чем-то без принятия нового внутрь и, следовательно, без корреляции вновь принятого с уже имеющимся, невозможен. При идентификации происходит переделка отдельных элементов (в пределе — всей структуры) сознания, строя эмоций, того, что называется внутренним миром личности.

Причины для запуска процесса идентификации могут быть двух родов. Первый, связанный с имманентным личностным развитием индивида, возникает в связи с логикой изменений конкретного человека. Он может запускаться на короткий период времени, а может быть длительным, вплоть до постоянного.

Второй род идентификации личности зависит от внешних для индивида общественных изменений. Так, объявление отмены крепостного права или Октябрьский переворот запустили процессы новой идентификации больших социальных групп российского общества. Тот же процесс имел место в России в 90-х годах XX в. Для прояснения того, как интерпретация создавала возможность, а отчасти и вынуждала к новой идентификации в недавний, после распада СССР период, воспользуюсь материалом, предоставляемым романной прозой И. С. Тургенева.

* * *

Сразу следует уточнить, что романная проза классика могла потребовать новой интерпретации и послужить материалом для новой идентификации только тех людей, кто эти произведения читал и, говоря бахтинским языком, вел диалог с автором «Отцов и детей». Вместе с тем, эта выборочность не отменяет возникшую общественную нужду в новой идентификации людей, не знакомых с Тургеневым, и, соответственно, их потенциальную потребность, обращаясь к культуре, опереться на адекватную интерпретацию.

В отличие от имеющихся в отечественном литературоведении и литературной критике устойчивых стереотипов толкования (интерпретации) сюжетов, идей и героев шести романов Тургенева («Рудин» — 1856 г., «Дворянское гнездо» — 1859 г., «Накануне» — 1860 г., «Отцы и дети» — 1862 г., «Дым» — 1867 г., «Новь» —

³ Здесь уместно привести еще одно наблюдение Лотмана относительно историков, поскольку оно в полной мере относится к писателям: «Историк не наблюдает события, а получает их пересказы в виде нарративных источников. Но даже когда он сам является наблюдателем того, что описывает..., он все равно превращает в уме свои наблюдения в словесный текст, поскольку он передает не то, что увидел, а свою рефлексию над тем, что увидел, пересказывая виденное».

1877 г.), в рамках предлагаемой мной интерпретации прежде всего следует сформулировать мысль о возможности взглянуть на эти тексты как на целостное развернутое авторское высказывание. При этом, в созданной Тургеневым галерее образов я формулирую новую интерпретацию в форме ответа на вопрос: «Как возможно в России позитивное дело?» и в качестве интерпретатора — исследователя философии вступаю в полемику с дореволюционными и советскими интерпретаторами. Каковы же мои основания для спора?

Как интерпретатор, имеющий собственное представление о новых общественных запросах, сформировавшихся в российские девяностые, мне важно опровергнуть прошлые интерпретации тургеневских произведений и показать, что новая интерпретация не придумана, а имеет действительные основы в содержании отечественной литературной классики. Выражаясь кратко, я пробую заменить господствовавшую в советские времена интерпретацию. Согласно ей, до Октября российское общество представляло собой собрание «мертвых душ» и «лишних людей», среди которых искрами в XIX в. возникали платоны каратаевы («Война и мир» Л. Толстого), а в начале XX в. павлы влассовы («Мать» М. Горького), время полноценной жизни которых пришло с победой Октября. Вот какого рода интерпретация мной предлагается и вот какие связанные с ней образы-примеры создают возможности для новых идентификаций.

У Рудина, главного героя одноименного первого тургеневского романа, при всей его болтливой бездельности, писатель отмечает наличие характерной особенности, нужной для человека, настроенного на масштабные преобразования — ораторского таланта, способности воодушевлять слушателей. Однако, к сожалению, этим его способность к делу и исчерпывается. Ни одного практического свершения за Рудиним не значится. Но герой этот — первая исходная точка в поднятой писателем теме позитивного дела.

Образом Лаврецкого («Дворянское гнездо») Тургенев начал в русской литературе разговор о частной жизни не «лишнего», а «уместного», образованного, рационального, нравственного и, что особенно важно, хозяйственно успешного [12, 283] человека, чем сделал еще один шаг в раскрытии темы на материале семейной жизни. Следует отметить и подмеченную автором важную черту, объединяющую Рудина и Лаврецкого, — их воспитанность Западом. Позже по этой признаку к ним примкнул Берсенев и Шубин («Накануне»), Литвинов («Дым»), Соломин («Новь»). Похоже, для поставленного автором вопроса о позитивном деле такого рода опыт обязателен.

Романные герои следующего тургеневского романа «Накануне» — болгарин Инсаров и его возлюбленная Елена обсуждались публикой не только в связи с текстом произведения, но и в дебатах интерпретаторов — литературных критиков. Полемизируя со сторонниками теории «малых дел» Н. А. Добролюбов восклицал: «...Что же им делать тут, в этом (нашем. — С.Н.) обществе? Перестроить его на свой лад? Да ладу-то у них нет никакого, и сил-то нет. Починивать в нем кое-что, отрезывать и отбрасывать понемножку разные дрязги общественного устройства? Да не противно ли у мертвого зубы вырывать, и к чему это приедет?» [13]

Добролюбовскую позицию развивали советские литературоведы. В теоретической статье П. Г. Пустовойта читаем: «Добролюбов связывал появление русских Инсаровых с осуществлением революционных идеалов. Для либерала Тургенева русский Инсаров мог быть просто умеренно-прогрессивным деятелем. Для Добролюбова русский Инсаров — это революционер» [14]. Напомню, что революционность Добролюбова и созданных в его время литературных героев была необходима советским литературоведам для подтверждения правоты ленинской теории о «трех классах», «трех поколениях, действовавших в русской революции» [15].

Вообще, критика «постепеновцев» как характерной черты прозы Тургенева была непререкаемым каноническим советской интерпретации. «Силы Инсарова, — подчеркивал Ю. В. Лебедев, — питает и укрепляет живая связь с родной землей, чего так не хватает русским героям романа... И Берсенев, и Шубин — тоже деятельные люди, но их деятельность слишком далека от насущных потребностей народной жизни» [16]. У Тургенева Берсенев ученый, а Шубин живописец. Не по этой ли причине постулируется их удаленность от «насущных потребностей народной жизни»?

В логике заочного спора Тургенева — Добролюбова, по мнению революционного критика, оказывается, что счастье, как однажды высказался о нем К. Маркс, в борьбе⁴. Тургенев же сомневается в абсолютной ценности этого человеческого занятия. Впрочем, следует отметить и сходство их позиций. Оба верили в то, что в России ожидается появление «новых людей». Одним из них и стал герой следующего романа Тургенева — разночинец Евгений Базаров.

⁴ Свою статью «Когда же придет настоящий день?» Н. А. Добролюбов завершает словами: «Он (Инсаров. — С.Н.) необходим для нас, без него вся наша жизнь идет как-то не в зачет, и каждый день ничего не значит сам по себе, а служит только кануном другого дня. Придет же он наконец, этот день! И, во всяком случае, канун недалек от следующего за ним дня: все-го-то какая-нибудь ночь разделяет их!». Добролюбов Н. А. Цит. соч. С. 378.

Как согласуются идеи и ценности «русских Инсаровых» с самосознанием мыслящего слоя, в первую очередь — дворян-помещиков, либералов, в том числе? На эти вопросы не было ответов и труд дать таковые взял на себя Тургенев романом «Отцы и дети». Произведение это — первый в отечественной философско-литературной мысли публичный мировоззренческий диспут либералов с революционными демократами, а также первый роман-предостережение против революционного нетерпения.

Базаров, как отмечают литературоведы, списанный с Добролюбова и Чернышевского тип преобразователя, явил России пока еще мирный способ изменения общества. Его невинная суть — в идеологическом уничтожении (отрицании) части основополагающих, но «отживших» культурных ценностей и идей.

Тургеневский Базаров не революционер. У автора, на мой взгляд, есть отчетливые указания на то, что его нигилизм и демократизм — вещи конъюнктурно-показные и используется лишь для того, чтобы, перевернув общественную пирамиду с ног на голову, самому оказаться на вершине. По большому же счету, нецивилизованность Базарова к демократизму никакого отношения не имеет. Демократическое общество складывается не у дикарей, а у свободных экономически независимых личностей. В свою очередь, для появления таковых, важны как раз образование, просвещение и их преемственность, которые и олицетворяют собой братья Кирсановы, Аркадий, Одинцова. Поэтому Базаров, будь его воля, смог бы построить лишь очередную самодержавную деспотию, так хорошо известную в России.

К счастью, тотальное российское раздолбайство (у уездного лекаря ланцеты тупы и нет «адского камня», хотя и работает он в зоне тифозной эпидемии) в данном случае выполняет роль защитной реакции: «новый человек» гибнет от яда мужицкого трупа. И этот сюжетный ход обнажает перед нами не базаровский нигилизм, игрушечный по большому счету, а настоящий — великий российский нигилизм как отрицание культуры во всех ее проявлениях, включая культуру профессиональную. «Вы, господин Базаров, хотели торжества нигилизма, так извольте получить», — примерно так мог бы звучать вынесенный герою приговор. И потому-то нам и жалко этого несимпатичного грубияна, что гибнет он не от своего потешного «отрицательства», а от столкновения с действительным чудищем — диким российским бытием, ни в грош не ценящем жизнь человека.

Такую интерпретацию конфликта «старого» и «нового» в контексте разработки темы «Как возможно в Рос-

сии позитивное дело?» не могли принять сторонники революционного преобразования действительности. Они, например, честно не замечали, что суждение Базарова о Николае Петровиче Кирсанове как о человеке, живущем «ленивой жизнью помещика», — только часть правды. А другая в том, что в молодости Николай Петрович честно служил и что сын Николая Петровича, Аркадий, хозяйственные дела в отцовском имении поправил, «сделался рьяным хозяином и «ферма» уже приносит довольно значительный доход» [12, 331].

Хотя следующий роман «Дым» появился после «Отцов и детей» только спустя шесть лет, одна из ведущих его линий, намеченная в «Отцах», — линия творческого усвоения русским обществом западных ценностей, в новом романе была продолжена. Год от года общественно-политическая ситуация в стране накалялась. Однако понимания выхода из кризиса не было. Революционные демократы все более склонялись к тому, чтобы любыми средствами спровоцировать крестьянскую революцию. Либералы и западники настаивали на необходимости утверждения в России хозяйственной и общественно-политической системы, основанной на собственности, экономической эффективности, свободе и правах человека. Славянофилы же были обуреваемы чувством ложно понятой национальной гордости, старались измыслить некий особый русский путь. Главный акцент делался на попытке обосновать российскую «особость», включая всемирно-историческую миссию русского народа, якобы назначенную Творцом⁵. Эта замешанная на верноподданничестве казуистика не на шутку раздражала убежденного западника Тургенева, который видел в дворянах не столько реакционеров, сколько строителей будущей России.

В отличие от предыдущих романов, в которых главные персонажи делаются настоящими товаропроизводителями лишь в финале, герой «Дыма» помещик Литвинов — хозяин уже сформированный, завершающий заграничную командировку, в ходе которой он прилежно изучал технологии сельскохозяйственного производства. Решение «учиться с азбуки» на Западе к нему пришло не от скуки, а от желания поставить в России эффективное производство, принести пользу землякам, а, может быть, и всему краю. «Великая мысль осуществлялась понемногу, переходила в кровь и плоть: выступил росток из брошенно-

⁵ Такая позиция вообще была довольно типичной для общества середины XIX в. Познакомившись в этот период с Толстым, Тургенев к своему удивлению обнаружил в нем человека, который с удовольствием играл роль не только завсегда цыганских кабаков и солдафона, но и пламенного общественного трибуна, видевшего спасение России в немедленном и полном разрушении европейской цивилизации. К тому же, рекомендуя себя в качестве либерала, Толстой накануне реформы все еще оставался на стороне крепостников-собственников. *Лебедев Ю.* Цит. соч. С. 101, 125.

го семени, и уже не растоптать его врагам — ни явным, ни тайным. Сам Литвинов хотя и кончил тем, что отдал большую часть земли крестьянам исполу, т.е. обратился к убогому, первобытному хозяйству, однако кой в чем успел: возобновил фабрику, завел крошечную ферму с пятью вольнонаемными работниками, — а перебивало их у него целых сорок, — расплатился с главными частными долгами... И дух в нем окреп...» [17, 161].

После отмены крепостного права революционно настроенная часть российского общества стала пробовать силы в низовой работе с крестьянством: возникло «хождение в народ». Общим для всех народников была уверенность в неизбежности революции, в особой роли общины, в возможности обойти капитализм стороной.

Отдавая должное самоотверженности революционеров, Тургенев, тем не менее, придерживался глубоко продуманных либеральных позиций, о чем и заявил романом «Новь». Текст предваряется эпиграфом о том, что целина, «новь» требует от земледельца не работы сохой, которая лишь «царапает» землю, а глубоко забирающего плуга. В письме А.П. Филосовой автор высказывался четко: «Народная жизнь переживает воспитательный период внутреннего здорового развития, разложения и сложения», теперь «Базаровы не нужны», а, напротив, «нужно трудолюбие, терпение; нужно уметь жертвовать собою без всякого блеску и треску... Что может быть, например, низменнее — учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т.д.» [18].

В «Нови» Тургенев не только первым в русской литературе поставил вопрос о содержании народнической идеи⁶. Современного читателя, знакомящегося с описанными в произведении эпизодами хождения в народ, не оставляет чувство алогичности происходящего. Глубина непонимания народом «хожденцев» доходит до абсурда: так, в ответ на страстные лозунги, выкрикиваемые Неждановым в толпе мужиков, крестьяне, ничего не поняв, лишь замечают: «сердитый барин». Впрочем, почти все романские герои-народовольцы в успех дела не верят. Но, тем не менее, в соответствии с инструкциями действовать пытаются. Отчего так?

На этот вопрос, на мой взгляд, имеется три ответа. Первый вытекает из логики шести книг эпопеи. Продвигаясь от романа к роману, читатель постепенно осознает, что вековой конфликт между крестьянами

⁶ В этом он безусловно предварил романы Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского.

и помещиками может быть разрешен только переходом хозяйственных отношений на новый уровень, который бы окончательно отменил систему господства — подчинения. Возникшие в системе российских общественных связей совсем недавно земельная крестьянская собственность и их личная свобода как основания и фундаментальные нормы социальной жизни для своего закрепления нуждались в каждодневных конкретных воплощениях. Вместе с тем, интуитивно ощущая близость появления новых хозяйственных и общественных форм и ошибочно связывая их с якобы имеющимися у общины потенциалами социальной справедливости и экономической эффективности, народники надеялись своим «хождением» их «разбудить», и тем избежать ужасов первоначального капитализма.

Второй ответ о причинах действий «хожденцев» связан с самой их природой. Достигать цели «будоражить народ», постепенно приучая его к возможности новых, глубоко «спящих» бунтовщических форм поведения, на эту заведомо провокаторскую деятельность могли подвигнуться лишь люди особого типа — «мутанты-маргиналы», не нашедшие места в нормальной жизни. Вспомним мужеподобную Машурину с ее тоскливой безответной влюбленностью в Нежданова, полные безнадёжности откровения физического уроды Паклина или недалекость, заполошность и хроническую неудачливость Маркелова⁷.

И, наконец, третий ответ, имеющий отношение к части народников, связан с благородным порывом, личным нравственным намерением. В «Нови» порыв олицетворяет Марианна, тургеневский тип русской девушки, которая, узнав о революционной задаче, за решение которой взялся ее возлюбленный, тут же решается жертвенно помогать ему.

Но безнадёжность дела народников укрепляется и с противоположной стороны — качеством тех крестьян, на которых они рассчитывают, а найти сочувствующих революционной агитации нельзя. Неутешительный диагноз о готовности крестьянства к революционным действиям подтверждает тургеневский «человек дела» управляющий фабрикой Василий Соломин: «Мужики? ...Кулаки только свою выгоду знают; остальные — овцы, темнота». Но Со-

⁷ Вот какую характеристику дает ему Тургенев: «Маркелов был человек упрямый, неустрашимый до отчаянности, не умевший ни прощать, ни забывать, постоянно оскорбляемый за себя, за всех угнетенных, — и на все готовый. Его ограниченный ум бил в одну и ту же точку: чего он не понимал, то для него не существовало; ...Хозяин он был посредственный: у него в голове вертелись разные социалистические планы, которые он также не мог осуществить». *Тургенев И.С.* Собр. соч.: В 12-ти томах. Т. 4. М., 1976. С. 231.

ломин не равнодушен к народным бедам. Он обнаруживает серьезное негодование, когда слышит о несправедливости в суде, о притеснениях рабочей артели [17, 264–265]. Соломин, чья судьба и жизненные занятия сильно отличаются от героев — «хожденцев», не может договориться с ними и по предполагаемому революционному делу. Что же он за человек?

Управляющий — сын дьячка, преуспевший в изучении математики и механики настолько, что получает возможность в течение двух лет пополнять образование в Манчестере. Возвратившись из капиталистической Англии в феодальную Россию, Соломин как западник отчетливо видит ошибочность не только славянофильских рецептов, но и рекомендаций народников. Для практика Соломина очевидна бессмысленность «хождения в народ». Нужна постепенная легальная работа с «низами» — через школу, больницу, судебную защиту. Но все же главное лекарство труд. В его разговоре с Марианной Тургенев обозначает деятельность как универсальное средство не только против воспитанных иноземным владычеством и крепостничеством традиционных русских «болячек» — лени, вялости, скуки, но и против революционного зуда, нового недуга. Марианне он говорит: «А вот вы сегодня какую-нибудь Лукерью чему-нибудь доброму научите; и трудно вам это будет, потому что не легко понимает Лукерья и вас чуждается, да еще воображает, что ей со-

всем не нужно то, чему вы ее учить собираетесь; а недели через две или три вы с другой Лукерьей помучаетесь; а пока — ребеночка ее помоеете или азбуку ему покажите, или больному лекарство дадите ... По-моему, шелудивому мальчику волосы расчесать — жертва, и большая жертва, на которую немногие способны» [17, 360–361].

* * *

Представленная интерпретация шести романов Тургенева в форме последовательно разворачивающегося в текстах ответа на вопрос «Как возможно в России позитивное дело?», как мне представляется, сделалась актуальной и возможной в ответ на российскую общественную атмосферу 90-х годов прошлого века. Запрос на свободу, личностную активность, самостоятельность и самодеятельность был тем «духом времени», которым прониклось общество, отказавшееся от коммунистического эксперимента. Новая идентификация вызвала потребность в новых интерпретациях доставшегося нам в наследство культурного багажа. И для решения этой задачи оказались востребованы не только профессиональные интерпретаторы — литературоведы и литературные критики, но и исследователи-философы, предложившие свое видение проблем. Насколько новая интерпретация окажется верной, востребованной, насколько будет подходить для новой идентификации, покажет время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. 1975. СС. 58–59.
2. Неретина С. С., Огурцов А. П. Время культуры. СПб. 2000. С. 253.
3. Порус В. Н. «Бытие и тоска: А. П. Чехов и А. П. Платонов». Вопросы философии. 2014, № 1.
4. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 452–460.
5. Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 163.
6. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Т. 3. <http://www.psyoffice.ru/9/lose003/txt21.html>
7. Никольский С. А. «Поэт и Власть. (Заметки о восприятии Осипом и Надеждой Мандельштам «времени большевиков)». Философия и культура. 2013, № 6;
8. Никольский С. А. «Голос и молчание. Анна Ахматова». Философия и культура. 2014, № 6;
9. Никольский С. А. «От «Незнакомки» до «Христа». Звучание Александра Блока в отечественной литературе». Философия и культура. 2015, № 9
10. Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. М. 1981. Т. 2. С. 86–87.
11. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 338.
12. Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти т. Т. 2.
13. Добролюбов Н. А. Избранное. М., 1985. С. 370–371.
14. История русской литературы XIX века. 40–60-е годы. М., 2001. С. 267.
15. Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 21. С. 261.
16. Лебедев Ю. Жизнь Тургенева. Всеведущее одиночество гения. М., 2006. С. 393.
17. Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти томах. Т. 4. М., 1976.
18. Труайя Анри. Иван Тургенев. М., 2005. С. 290–291.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГУМАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Сафонов Кирилл Борисович

*К.ф.н., доцент, Новомосковский институт (филиал)
Российского химико-технологического университета
им. Д. И. Менделеева
k_b_s_k_b@list.ru*

AXIOLOGICAL PREMISES OF HUMANIZATION OF MODERN MANAGEMENT

K. Safonov

Summary. The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the humanization of modern management. As the basic premise of this process certain axiological premises can be understood. In the context of these the increasing importance of the human factor, the development of corporate ethics system, special attention to informal organizational interaction are supposed. This all can be considered as important aspects in increasing the efficiency of human resource management of an organization, modern management as a whole.

Keywords: social values, humanization, organization, management, social management, corporate culture, human factor, human resource management

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей гуманизации современного менеджмента. В качестве основной предпосылки данного процесса можно рассматривать наличие определенных аксиологических предпосылок. В их контексте предполагается повышение роли человеческого фактора, развитие системы корпоративной этики, особое внимание неформальному организационному взаимодействию. Все это можно считать важными аспектами повышения эффективности управления человеческими ресурсами организации, современного менеджмента в целом.

Ключевые слова: социальные ценности, гуманизация, организация, менеджмент, социальное управление, корпоративная культура, человеческий фактор, управление человеческими ресурсами.

Основные направления развития современной экономики определяются путями, по которым идет общество. Меняется система социальных отношений, по-иному расставляются приоритеты, на передний план выдвигаются те аспекты, которые раньше не играли значительной роли в деятельности экономических агентов. Так, в последние годы все большее влияние приобретает человеческий фактор. Как следствие, на смену чисто экономическим механизмам организационно-управленческой деятельности приходят социальные. В результате происходит формирование гуманистической парадигмы современного менеджмента, развитие которой определяется существованием особой системы ценностей. При этом анализ аксиологических предпосылок гуманизации существующей управленческой модели представляет большой теоретический и практический интерес, так как позволяет повысить эффективной взаимодействия человека и организации, а также проследить основные тенденции развития социума.

Не вызывает сомнения тот факт, что успешность существования организации обеспечивается производительным трудом ее представителей. В данном контексте основной задачей руководителя можно считать верную расстановку приоритетов, позволяющую сформировать у персонала устойчивую мотивацию к труду. Определенные сложности при этом может вызвать наличие в различных организационных куль-

турах различной приоритетности мотивов трудовой деятельности, что, в значительной мере, определяется принятой системой ценностей [1]. Это является прямым следствием социальной обусловленности организационно-управленческой деятельности. Путем трансформации системы ценностей корпоративной культуры общество имеет возможность оказывать влияние на процессы организационного развития. Субъектами данной трансформации можно считать представителей коллектива. Взаимодействуя с организацией, они привносят в ее деятельность значимые для себя аксиологические установки и ценностные ориентации своего непосредственного социального окружения, современного общества в целом. Для осуществления успешного руководства необходимо постоянно отслеживать изменения, происходящие в системе ценностей корпоративной культуры, в противном случае менеджер рискует утратить возможность оперативного воздействия на организационные отношения. Успешность управленческой деятельности при этом определяется его способностью в полной мере учитывать аксиологические предпосылки процессов, протекающих как во внутренней среде организации, так и при взаимодействии с внешней средой.

Одной из актуальных тенденций развития современных организаций можно считать «формирование новых социально-аксиологических установок полити-

ческой и деловой коммуникации в целом, особенно, в таких мощных сферах влияния и социального конструирования, как Интернет» [2]. Непонимание важности данных аспектов может привести к резкому снижению эффективности осуществляемых управленческих воздействий. Так, в настоящий момент отмечается тенденция к повышению роли неформальных организационных отношений, под которыми подразумевается «совокупность действий и коммуникаций, которые не определены формальными документами, но регулярно совершаются в рамках исследуемой организации» [3, с. 15]. Основу данных неформальных отношений составляют личные интересы представителей коллектива. Они по собственной инициативе налаживают и поддерживают взаимодействие с коллегами, обмениваются информацией. На первоначальном этапе это происходит в соответствии с наличием общих интересов и сходством систем индивидуальных ценностей. Однако постепенно неформальное взаимодействие начинает оказывать влияние и на процессы профессиональной коммуникации. Причем установленные в инициативном порядке неформальные связи демонстрируют большую устойчивость, чем жестко регламентированные служебные отношения. Если руководитель хочет иметь возможность регулировать все аспекты деятельности организации, а не только ее формальную часть, ему следует понимать, какие общие ценности сотрудников способствуют установлению и поддержанию неформального взаимодействия. Достичь данной цели можно посредством постоянного осмысления изменений корпоративной культуры, понимания особенностей привносимых в нее социальных и индивидуальных ценностей.

Снижение формализации организационных отношений является причиной перераспределения полномочий в организации. Так, сотрудники получают больше возможностей для реализации собственного потенциала, а у организации в целом появляются шансы подняться на более высокий уровень развития. Все это можно считать следствием того, что «децентрализация и делегирование позволяют освободить работников от излишне жесткого контроля в организации, что предоставляет им больше степеней свободы в управлении своим поведением, позволяет принимать ответственность за определенные действия и тем самым удовлетворять свои эгоистические потребности» [4, с. 205]. Также данные аспекты уместно считать значимыми проявлениями гуманизации. Удовлетворение потребностей собственных сотрудников в значительном числе случаев не рассматривается как первоочередная задача деятельности организации. При этом происходит формализация осуществляемого взаимодействия, управление из искусства превращается в исполнение устоявшихся стереоти-

пов и шаблонов. Как следствие, снижается мотивация и руководителя, и подчиненных. Они начинают рассматривать свою деятельность как ремесло или средство зарабатывания денег, но не как способ наиболее полной реализации заложенного в них креативного потенциала. Снижение формализации процессов взаимодействия и уделение должного внимания системам корпоративных и индивидуальных ценностей позволяют снять или значительно ослабить возникающие противоречия, предоставив сотрудникам реальную возможность ощутить собственную значимость для организации, в рамках которой они осуществляют свою трудовую деятельность.

В последнее время в нашей стране все большее применение на практике находят этические концепции. Это можно рассматривать как учет общемировых тенденций, предполагающих рассмотрение корпоративной этики в качестве ключевого социального ресурса управления. При этом важно понимать сущность корпоративной этики, под воздействием которой «деятельность работников организуется не столько на основе приказов или компромиссов, сколько за счет внутренней согласованности ориентиров и стремлений» [5, с. 82]. Наибольшее внимания, на наш взгляд, в данном контексте заслуживает идея общности моральных ценностей. В случае с корпоративной этикой особенно важно, чтобы ее принципы не были привнесены в организацию извне. Они должны явиться результатом сотворчества коллектива, руководства и всех заинтересованных представителей общества. Необходимым условием разработки кодексов и деклараций корпоративной этики можно считать максимальную гласность и открытость. Практическая реализация принятых кодексов, в свою очередь, требует наличия действенных механизмов взаимодействия всех уровней управленческой иерархии. К числу таких механизмов можно отнести отлаженную обратную связь между руководством и сотрудниками организации, проведение общих корпоративных мероприятий, способствующих укреплению командного духа у представителей организации. Однако отправной точкой может быть исключительно общность систем индивидуальных ценностей, заключающаяся, в том числе, и в сходстве представлений о должном в рамках осуществляемой трудовой и профессиональной деятельности.

Многоаспектность процесса гуманизации современного менеджмента проявляется, помимо прочего, в его воздействии на различные стороны деятельности организации. Основным при этом останется создание более комфортных условий для человека, выведение его нужд и потребностей на передний план. На практике реализация подобного подхода

требует предоставления представителям коллектива новых, более широких полномочий, позволяющих им занимать активную позицию в рамках существования организационной системы. Это можно считать значимым проявлением гуманизации труда, которая «представляет собой процесс обеспечения таких условий труда, которые исключают отчуждение труда, позволяют работнику реализовать свой трудовой потенциал» [6, с. 41]. Не вызывает сомнения тот факт, что такое развитие событий не может являться следствием единоличного решения высшего руководства. Его принятие напрямую зависит от уровня демократизации организационного взаимодействия. Наиболее приемлемой нам видится ситуация, когда инициатива исходит от рядовых сотрудников. Высказать свои соображения они могут посредством применения системы обратной связи с руководителями, а также в процессе осуществления неформального взаимодействия в коллективе. Таким образом, существование отдельных аспектов гуманизации приведет к полной перестройке системы управления организацией, ее переходу на качественно новый уровень.

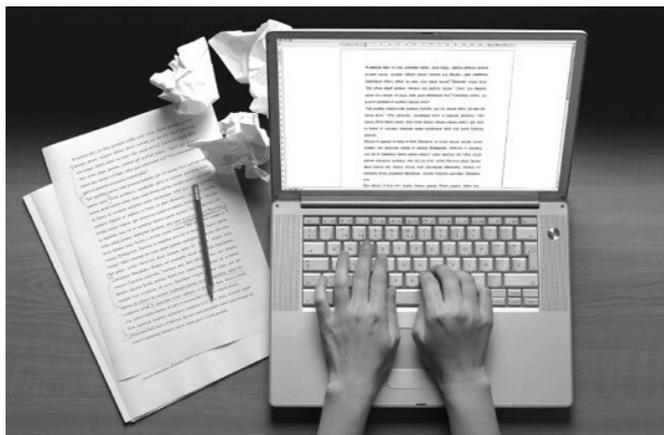
Исследование аксиологических предпосылок гуманизации современного менеджмента представляет определенный интерес для представителей различных наук. Философы и социологи получают возможность лучше понять особенности системы ценностей современного общества, сделать выводы об особенностях их функционирования в сфере материального производства. Представители менеджмента, в свою

очередь, могут выделить факторы, оказывающие существенное влияние на процессы развития организаций и существующего в их рамках взаимодействия. Полученными теоретическими наработками могут в своей деятельности с успехом воспользоваться практики бизнеса, решающие задачи повышения эффективности управления человеческими ресурсами, функционирования организационной системы в целом.

Траектория развития каждой организации индивидуальна. Влияние на нее оказывают сфера деятельности и численность, продолжительность существования и применяемый стиль руководства. Столь же индивидуальными являются и подходы к гуманизации существующей в организации системы управления. В определенные моменты основное влияние на данный процесс оказывают те или иные аксиологические предпосылки. При этом важно помнить, что стратегической целью является не использование новых методов управления человеческими ресурсами, развитие неформальных коммуникаций или практической применение концепций корпоративной этики, а создание условий для наиболее полной реализации потенциала, заложенного в каждом сотруднике. Решив эту задачу, можно рассчитывать на рост производительности труда и сопутствующее повышение рентабельности осуществляемой деятельности. Достижению этой цели и должен способствовать всесторонний учет на аксиологических предпосылок гуманизации современного менеджмента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Я. Г. Механизм роста конкурентоспособности организации за счет соответствия системы мотивации организационной структуре и культуре // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Экономика и право. 2015. № 7–8. — С. 19–25.
2. Данюшина Ю. В. Идеология и аксиология управленческого дискурса в интернете как проявление коммуникативного идеологического менеджмента // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 1. — С. 37–40.
3. Сторожук А. Ю. Неформальные отношения в структуре современной российской организации: автореферат диссертации ... кандидата социологических наук. — Волгоград, 2009. — 23 с.
4. Бакурадзе А. Б. Ценность человека в философии менеджмента // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2009. № 1. — С. 201–207.
5. Дедюлина М. А., Папченко Е. В. Прикладная этика. — Таганрог: Изд-во Технологического института ЮФУ, 2007. — 112 с.
6. Самойлюк Т. А. Гуманизация труда — основное направление повышения качества трудовой жизни // Креативная экономика. 2014. № 5. — С. 40–46.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Babushkina V. — Federal State institution «Kuban State university», Krasnodar city

e-mail: valerybabushkina@gmail.com

Bocharova V. — Yelets state University named after I.A.Bunin

e-mail: bosfor4878@mail.ru

Davletgarayva R. — Bashkir State Agrarian University, Ufa

e-mail: davletgaryaeva.razifa@yandex.ru

Egorov V. — Honored worker of science of the Russian Federation, Doctor of Chemical Sciences. Professor. Moscow Skryabin State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology. Moscow. Russia

Klimova A. — Russia, Moscow, HSPA, RANEPА

e-mail: klimova-av@ranepa.ru

Kozyreva O. — PhD of pedagogical sciences, associate professor, VO Public Educational Institution "Krasnoyarsk state pedagogical university of V. P. Astafyev"; associate professor, VO Public Educational Institution "Krasnoyarsk state medical university of prof. V. F. Voyno-Yasenetsky"

e-mail: kozyrevaoo@mail.ru

Kurguzov V. — Doctor of Cultural Studies, Professor, East-Siberian State University of Technology and Management

e-mail: vlkurguzov@rambler.ru

Larionova I. — Honorary worker of HPE Russian Federation, Doctor of Philosophy, professor, Moscow Skryabin State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology. Moscow. Russia

e-mail: kaf_chimii@mgavm.ru

Masharsky Z. — K.ps.sc., Republic Of Belarus, Minsk, BelNIIT «Transtehnika»

e-mail: distm@mail.ru

Nikolsky S. — Doctor of Philosophy Sciences, head of the philosophy of culture, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

e-mail: 79031395614@yandex.ua

Pecherskii Yu. — aspirant of FGBOU IN «Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shan»

e-mail: y.i.pechersky@mail.ru

Safonov K. — Novomoskovsk Institute (branch) of Russian D.I. Mendeleev University of Chemistry and Technology

e-mail: k_b_s_k_b@list.ru

Sayats T. — Graduate student, Moscow State Art and Industry Academy named after SG Stroganov, Russia

e-mail: mylola7@gmail.com

Sheburakov I. — Candidate of psychological sciences, associate professor, dean of the Faculty of Evaluation and Development of Management Training of the HSPA RANEPА

e-mail: shebur@list.ru

Shevyreva E. — PhD of psychological sciences, associate professor, Academy of psychology and pedagogy Southern Federal University

e-mail: devalena12@mail.ru

Stoyanova E. — PhD of psychological sciences, associate professor, VO Public Educational Institution "Krasnoyarsk state medical university of prof. V. F. Voyno-Yasenetsky"

e-mail: katya-chernova@yandex.ru

Tatianina L. — Senior lecturer, National State University of Physical Culture, Sport and Health Named after P. F. Lesgaft, Saint-Petersburg

e-mail: l.g.tatyanina@mail.ru

Vislova A. — Doctor of Psychological Sciences, the senior scientific employee of the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches (Nalchik)

e-mail: avislova@mail.ru

Volchanskaia V. — Postgraduate student, Moscow State Region university

e-mail: vmerkul@mail.ru

Voronina N. — Doctor of Philosophy Sciences, professor, Mordovia State University them. NP Ogarev, Saransk

e-mail: kafkmg@mail.ru

Zheng J. — People's Friendship University of Russia

e-mail: Jielan@list.ru

Zhokhova N. — Postgraduate Student, Moscow Regional State University

e-mail: nikolaevna_na@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).